
2007043045

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877 года.

Соч. ГЛЕНАРА.

МОСКВА.
ТИП. В. Я. БАРБЕЙ. МЯСНИЦКАЯ ЗЛАТОУСТОВСКІЙ ПЕР., Д. ВОЕЙКОВОЙ.
1878.

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ
ВОЙНА
1877 ГОДА.

ИСТОРИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

Соч. ГЛЕНАРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

МОСКВА
ТИП. В. Н. БАРБЕЙ. МЯСНИЦКАЯ ЗЛАТОУСТОВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ ДОМЪ ВОЕЙКОВОЙ.
1878.

Дозволено Цензурой Москва 3 Февраля 1878 года.

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ
ВОЙНА.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію, считаемъ нелишнимъ познакомить читателей съ личностью и взглядами автора предлагаемаго сочиненія... Г. Гленаръ, пользующійся достаточною извѣстностію во французской прессѣ, хотя и относится весьма сочувственно къ Россіи и ея почину въ великомъ дѣлѣ освобожденія страдающихъ народностей Балканскаго полуострова, тѣмъ не менѣе взглядъ его на Россію, въ нѣкоторыхъ частностяхъ,—впрочемъ какъ и большинства иностранцевъ,—весьма своеобразенъ, показывая его неполное знакомство съ культурнымъ раз-

витіемъ Россіи, ея жизнію и исторіею Однако, какъ ни ложны его взгляды, ни ошибочны заключенія,—въ цѣломъ сочиненіе его дышитъ живымъ, горячимъ сочувствіемъ къ Россіи и ея великому движенію.— Онъ сознаетъ святость ея стремленій и служитъ въ этомъ случаѣ выразителемъ не единичнаго только мнѣнія, потому что согласно его собственнаго выраженія,—чувства, одушевляющія автора, довольно общи въ Европѣ. Не будучи въ правѣ требовать отъ иностранца большаго знанія Россіи, мы полагаемъ, тѣмъ не менѣе, что для нашихъ читателей взгляды автора не будутъ лишены интереса, а потому мы и рѣшились издать настоящее сочиненіе.—

Предисловіе

Въ то время, когда между Русскими и Турками возникаетъ не въ первый разъ борьба, намъ казалось не безъинтереснымъ бросить взглядъ на прошедшее этихъ двухъ народовъ, отыскать историческія причины ихъ враждебныхъ отношеній и представить нѣсколько событій, которыя довели до настоящей войны. Нынѣшнее положеніе было вызвано двумя, вполнѣ опредѣленными причинами:

1. Образъ дѣйствій Турокъ относительно христіанъ;

2. Національныя стремленія Россіи.

Поведеніе Турокъ возбудило негодованіе Русскихъ и опредѣлило ихъ быть покровителями христіанъ и мстителями за нихъ. Исполненіе же обя-

занностей, истекающихъ изъ этой двойной роли, надо сознаться, удивительно согласуется съ ихъ континентальными и морскими интересами, но, тѣмъ не менѣе, оно нисколько не умаляетъ ни благородства чувствъ, одушевляющихъ Россію ни великости цѣли, ею преслѣдуемой.

Даже въ случаѣ, если-бы побѣдители Турки слились съ христіанскимъ элементомъ и водворили въ древней имперіи Востока разумный и справедливый образъ правленія, даже въ этомъ случаѣ, говоримъ мы, склонность, общая всѣмъ народамъ Сѣвера двинула-бы Русскихъ къ югу и, слѣдовательно, грозила-бы уничтоженіемъ прежнихъ завоеваній Турокъ. Не говоритъ-ли простой здравый смыслъ, что народъ, живущій въ плохой, холодной, относительно бѣдной странѣ, естественно желаетъ найти климатъ болѣе умѣренный, почву болѣе плодородную?

И въ самомъ дѣлѣ, многочисленные документы служатъ доказательствомъ того, что съ самаго происхожденія русской монархіи, нація подвластная потомкамъ Рюрика, обращала свои взоры на Босфоръ и мечтала о завоеваніи Чернаго Моря и земель, расположенныхъ на югѣ отъ Дуная. Все время эти сыны Сѣвера, живущіе въ странѣ инея, снѣговъ и

льда, стремились на югъ, туда, гдѣ процвѣтаетъ растительность, согрѣваемая животворными лучами солнца.

Въ X столѣтіи, Святославъ великій князь русскій, покорилъ Болгарію и утвердился въ Переяславлѣ, столицѣ этого государства. На просьбу своей матери Ольги, возвратиться въ Кіевъ. онъ отвѣчалъ, что пребываніе въ Кіевѣ ему наскучило, и что онъ предпочитаетъ жизнь въ Переяславѣ, вблизи отъ Дуная,—въ мѣстѣ, представляющемъ собою средоточіе сокровищъ и изобилующемъ всѣми благами природы.

Болгарскій городъ такъ ему нравился, что онъ хотѣлъ перенести туда княжескій престолъ; но греки помѣшали ему въ осуществленіи этого намѣренія.

Однако не только климатъ и богатство почвы влекли русскихъ къ Дунаю; у нихъ было еще другое очарованіе, именно Средиземное море. Усталые отъ впечатлѣній, производимыхъ мрачными берегами Бѣлаго и Балтійскаго морей, они страстно желали утвердиться на Черномъ морѣ, морѣ центральномъ, вокругъ котораго собраны богатства, и которое служитъ торговымъ путемъ всѣхъ націй.

Ихъ мечта—обладать турецкими портами: Кон-

стантинополемъ, Солоники, Смирною и построитъ много другихъ гаваней по берегамъ Архипелага.

Уже Русскіе какъ-бы видятъ свою морскую торговлю соперницей англійской, по ввозу и вывозу произведеній промышленности цѣлаго міра. Уже они представляютъ себѣ, что турецкія земли, подъ могучею силою ихъ труда, стали болѣе плодородными, что они приносятъ громадный доходъ общественной сокровищницѣ, и что настало наконецъ время, когда эта прекрасная страна, прежде пораженная бѣдностью, происходящею отъ невѣжества, лѣности и неспособности Турокъ, снова нашла подъ разумнымъ управленіемъ, то благоденствіе, которымъ она пользовалась подъ властью Римлянъ и Грековъ.

I.

Религіозная солидарность.

Значило-бы не признавать возвышенныхъ чувствъ въ рускомъ народѣ, если-бы двигателемъ его честолюбія считать только стремленіе къ пріобрѣтенію матеріальному—выгодамъ.

Обращенный въ христіанство въ X вѣкѣ, онъ принялъ греческое вѣроисповѣданіе и никогда не измѣнялъ своей вѣрѣ. Просвѣщаемый греками, получая Евангельскую проповѣдь отъ греческихъ же духовныхъ лицъ, онъ смотрѣлъ на Константинополь, какъ на колыбель своихъ вѣрованій, какъ на средоточіе религіознаго свѣта, какъ на великій христіанскій городъ, на второй Римъ, на столицу

Востока Несмотря на войны съ Византійской Имперіей, онъ всегда уважалъ, по крайней мѣрѣ въ глубинѣ своего внутренняго «Я,» духовный авторитетъ константинопольскихъ патріарховъ и, современи завоеванія Магомета II, взялъ въ свои руки дѣло греческой религіи, которой онъ считалъ себя главнымъ представителемъ. Какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, Русскіе смотрятъ на себя, какъ на наслѣдниковъ Грековъ и видятъ свое призваніе въ отомщеніи Туркамъ за нанесенныя ими оскорбленія. Отъ временъ Рюрика и до нашествія Татаръ Русскіе имѣли частыя сношенія съ Константинополемъ.

Въ 955 году Ольга, великая княгиня русская, отправляется въ этотъ городъ и принимаетъ крещеніе, подъ именемъ Елены; ея воспріемникомъ былъ императоръ Константинъ VIII.

Ольга причислена къ лику святыхъ греческой церкви. Христіанство находитъ въ ней вторую Елену; но, менѣе счастливая, чѣмъ мать Константина, она не можетъ совершить обращенія своего народа, еще не разорвавшаго крѣпкихъ узъ съ скандинавскимъ суевѣріемъ.

Владиміръ, ея внукъ, сначала приноситъ кровавыя жертвы своимъ богамъ, но потомъ рѣшается

сдѣлать выборъ религіи. Онъ собираетъ въ Кіевѣ магометанскихъ, католическихъ греческихъ и еврейскихъ богослововъ, чтобы познакомиться съ различными вѣрованіями и кончаетъ тѣмъ, что избираетъ греческую религію; затѣмъ, онъ крестится въ Херсонѣ (988 г) и повелѣваетъ всему своему народу почитать Христа; толпы направляются къ берегамъ Днѣпра, входятъ въ рѣку и получаютъ здѣсь, подобно Христу въ Іорданѣ, крещеніе, чрезъ погруженіе въ воду. Обрадованные этимъ событіемъ, греческіе императоры, Василій II и Константинъ IX, соглашаются на бракъ Владиміра съ Анной, ихъ сестрой. Россія стала дочерью греческой церкви: съ этого дня, всѣ народы, греческаго вѣроисповѣданія сдѣлались ея братьями; повсюду она покровительствуетъ имъ, повсюду замѣтно ея бдительное попеченіе объ ихъ судьбѣ, видна ея готовность, съ оружіемъ въ рукахъ, защищать ихъ. До 1589 года Русскіе находились въ нѣкоторой зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, вблизи котораго духовенство искало свѣта, наукъ мірскихъ и духовныхъ; но цари переносили съ неудовольствіемъ религіозное иго грековъ, и, въ вышеозначенномъ году, по приказанію Ѳедора Іоанновича, было учреждено въ Москвѣ патріаршество: Іовъ былъ

посвященъ въ санъ патріарха Іеремией, патріархомъ александрійскимъ; новый патріархатъ получаетъ мѣсто, непосредственно слѣдующее за Константинопольскимъ и Александрійскимъ.

Московскій патріархъ становится верховнымъ главою православной русской церкви, почти равнымъ государю, такъ что историкъ былъ вправѣ сказать, что «Россія имѣетъ двухъ владыкъ: царя и патріарха.» Въ виду этого никому не покажется удивительнымъ, что патріаршество было уничтожено Петромъ Великимъ, въ 1721 году.

Съ тѣхъ поръ царь держитъ въ рукахъ всю власть, и подданные видятъ въ немъ единственнаго представителя Бога въ Россіи; могущество его безгранично. Историкъ Анвиль высказалъ правду, замѣтивъ: «Для русскаго народа воля государя и велѣнія божества—одно и тоже» Это идеалъ человѣческаго могущества, и умъ человѣческій слабѣетъ, представляя себѣ всю неизмѣримую власть, которой располагаетъ правитель, чтимый подданными, какъ единственный и безграничный глава Государства и Церкви.

Въ глазахъ русскихъ Царь представитель Бога на землѣ, повелитель вѣрующихъ христіанъ.

Съ духовнымъ обаяніемъ соединяется вліяніе

теплой отеческой заботливости. Взгляните на Александра II во время торжественнаго его въѣзда, при возвращеніи изъ Крыма, въ Ноябрѣ 1876 года, въ обѣ свои столицы: Москву и Петербургъ! Въ ихъ восклицаніяхъ слышится слово «Отецъ,» онъ называетъ ихъ своими «дѣтьми.» Должно замѣтить, что сначала нынѣшняго столѣтія самодержавные властители Русскихъ видятъ свое чарующее вліяніе возрастающимъ, въ уваженіе къ благородству и возвышенности ихъ положенія общественнаго и неотъемлемыхъ нравственныхъ качествъ ихъ частной жизни. Русскій дворъ рѣшительно порвалъ всѣ связи съ скандальными традиціями XVIII-го вѣка, и императоры достойны занять одинъ изъ первѣйшихъ престоловъ вселенной. Безъ энергическаго посредничества Александра I, мы потеряли-бы, въ 1814 году, Лиль, Мэцъ и Страсбургъ; трудно найти болѣе прекрасный примѣръ умѣренности въ побѣдѣ! Что касается Александра II, освободителя крестьянъ,—развѣ онъ не сохранилъ Францію, въ маѣ 1875 года, отъ новой войны съ Германіей? Развѣ мы не знаемъ, что, въ послѣднее время, онъ боролся, въ теченіи цѣлыхъ шести мѣсяцевъ, противъ воли народа, чтобы удержать его на томъ

скользкомъ пути, который увлекалъ его въ войну съ Турками?

Да, это значитъ щадить кровь подданныхъ, *своихъ дѣтей*, какъ онъ ихъ называетъ!

Въ Россіи война съ Турками всегда носила религіозный характеръ: это было желаніе смыть кровью обиду, нанесенную христіанскому имени Магометомъ II, въ 1453 году; желаніе возвратить Европѣ Константинополь, Турціи—христіанскую цивилизацію, Святой Софіи—прежнее почитаніе; наконецъ, желаніе мечемъ завоевать наслѣдство грековъ. Въ эпоху мусульманскаго вторженія Россія не могла подняться противъ Турокъ, такъ какъ она еще томилась подъ игомъ татаръ, но она, наконецъ, освободилась отъ своего оцѣпенѣнія; теперь, во всемъ блескѣ силъ своихъ, она хочетъ отомстить за Константина XII, положить конецъ долгому мученію христіанъ и вырвать ихъ изъ позорной зависимости.

Страшный переворотъ на Востокѣ, въ XV столѣтіи, пережило только одно: религія христіанъ и ихъ храмы; это все, что надменный Оттоманъ оставилъ своимъ новымъ подданнымъ. Такимъ образомъ, какую любовь между христіанами долженъ возбуждать единственный народъ, который могъ

придти къ нимъ на помощь, этотъ народъ великой имперіи, который подчинилъ свою вѣру авторитету бѣдной и угнетаемой Церкви! Послѣ паденія восточной метрополіи, греческое духовенство находило радушный пріемъ въ Россіи, и связи, начатыя княгиней Ольгой и Владиміромъ Святымъ, заключились тѣснѣе между двумя народами.

Не изгладились изъ памяти слова поэта, воспѣвающаго Куликовскую битву и побѣду, одержанную Дмитріемъ Донскимъ надъ Мамаемъ, татарскимъ начальникомъ. «Наши воины, говоритъ онъ, —поклялись, или умереть за вѣру христіанскую, или отомстить за оскорбленіе, нанесенное великому князю Димитрію »

Послѣ побѣды при Полтавѣ, Петръ Великій хочетъ мстить Туркамъ за то, что они дали убѣжище его смертельному врагу, Карлу XII. и изыскиваетъ средства придать войнѣ характеръ крестоваго похода. «Россія, говорилъ онъ: какъ христіанская держава,—противница невѣрныхъ; она желаетъ оправдать древнія предсказанія, обѣщающія, что русскій народъ, въ одно прекрасное время, изгонитъ мусульманъ изъ Европы.»

«Въ день объявленія войны, пишетъ Якобсъ, въ своей *Исторіи, древней и новой Россіи*: два гвар-

дейскихъ полка, размѣстившись противъ одной церкви въ С. Петербургѣ, держали, вмѣсто своихъ бѣлыхъ знаменъ, широкіе красные штандарты съ надписью: *Во имя Христа и христіанства*, а надъ нею находился лучезарный крестъ, вокругъ котораго были воспроизведены слова, бывшія на императорской хоругви Константина: Hoc signo vinces. *)

Въ договорѣ при Кайнарджи (1774 г.) Екатерина II-я объявляетъ, что она не предприняла-бы военныхъ дѣйствій, «еслибы это не было цѣлью покровительствовать несчастнымъ народностямъ и отомстить Турціи за ея жестокія насилія и оскорбленія.»

19 го Ноября 1824 года разлилась рѣка Нева и затопила улицы столицы. «Это выраженіе гнѣва Божія, замѣчаетъ народъ:—потому что православная нація оставила безъ помощи своихъ единовѣрцевъ, умирающихъ за вѣру.»

9-го Января 1853 г. Императоръ Николай говорилъ сэру Гамильтону Сеймуру, англійскому посланнику: «Мы получили свою религію съ Востока: есть чувства и обязанности, которыя не слѣдуетъ терять изъ виду.»

11-го Іюня графъ Нессельроде адресовалъ дипломатическимъ агентамъ Россіи слѣдующій циркуляръ:

*) Симъ побѣдиши.

Покровительствуя греко-россійскому вѣроисповѣданію въ Турціи и охраняя его, мы основываемся на правахъ священныхъ: на договорахъ, на нашемъ положеніи и религіозной симпатіи къ несчастнымъ единовѣрнымъ славянамъ, связаннымъ узами крови съ нами,—пятидесятью милліонами русскихъ. Это вѣковой, неизбѣжный образъ дѣйствій, подтверждаемый фактически исторіей; его императоръ, вступая на престолъ, нашелъ вполнѣ установившимся и не могъ отъ него отказаться, сохраняя славное достояніе, унаслѣдованное имъ отъ своихъ знаменитыхъ предшественниковъ.»

Въ манифестѣ 26 Іюля, императоръ говорилъ: «Нашимъ вѣрнымъ и многолюбимымъ подданнымъ извѣстно, что съ незапамятныхъ временъ, наши славные предшественники дали торжественный обѣтъ, защищать православную вѣру.»

1-го Ноября онъ обратился къ русскимъ со вторымъ манифестомъ, въ которомъ просилъ ихъ молиться, чтобы «рука Всемогущаго, говорилъ онъ, благословила наше оружіе на то святое и справедливое дѣло, которое всегда находило горячихъ защитниковъ въ нашихъ благочестивыхъ предкахъ.»

Наконецъ, въ отвѣтѣ Наполеону III, 9 Февраля 854 года, Николай I выражается такимъ образомъ:

«Провозглашая для моихъ единовѣрцевъ въ Турціи подтвержденіе правъ и привилегій, которыя были давно пріобрѣтены цѣною русской крови, я требовалъ только того, что проистекало изъ трактатовъ.»

Отъ личныхъ чувствъ государей перейдемъ къ народному мнѣнію. Въ Декабрѣ 1876 года было написано въ «Русскомъ Мірѣ.»

«Мы, Русскіе, чувствуемъ, видимъ, понимаемъ только одно: вырвать христіанскія народности Турціи изъ рукъ низкихъ, звѣрскихъ притѣснителей —Турокъ, которые эксплуатируютъ славянъ, терзаютъ, отнимаютъ у нихъ честь, собственность и самую жизнь. И если, въ перечисленіи именъ этихъ жертвъ, ограничиваются упоминаніемъ Славянъ, это потому, что дѣло идетъ только объ нихъ, что они одни возстали противъ своихъ угнетателей. Не потому, что они принадлежатъ къ Славянамъ, желаемъ мы имъ помочь, а вслѣдствіе того, что они христіане; не какъ Славяне представляемся мы имъ, а какъ христіане; двигатель, одушевляющій насъ,—не разсчетъ, а искреннее чувство; его мѣсто не въ умѣ, а въ сердцѣ. Однимъ словомъ, выраженіе, примѣнимое къ народному движенію въ

Россіи, нашъ девизъ наконецъ,--не славянство, а христіанство.»

4 Декабря въ газетѣ «Le Nord» находимъ слѣдующія строки, которыя могутъ служить комментаріемъ вышеприведенной выписки:

«Уже нѣсколько мѣсяцевъ,—съ начала возникновенія русскаго народнаго движенія въ пользу Славянъ,—мы объявляемъ европейской публикѣ, что она стоитъ лицомъ къ лицу съ явленіемъ силы и полноты особенной, котораго Европа не имѣла основанія опасаться и которымъ не вправѣ была-бы игнорировать. Многія обнародованныя статьи различнымъ образомъ оправдываютъ наше воззрѣніе. Одна изъ наиболѣе свѣжихъ и характеристичныхъ есть статья «Русскаго Міра», воспроизведенная нами. Мы думаемъ еще къ ней возвратиться, потому что находимъ, что она вѣрно опредѣляетъ чувство русскаго народа, и что ея заявленія имѣютъ важность, которую было бы не безъинтересно выставить на видъ. Эта статья можетъ резюмироваться такимъ образомъ: «Слово, выражающее отношеніе Россіи къ дѣламъ на Востокѣ, есть христіанство, а не славянство. Мы вступаемся за славянъ потому, что они дѣйствительно борятся съ притѣснителями Турками; но наши симпатіи распространя-

ются на всѣ славянскія народности Турціи, будутъ ли они одинаковаго съ нами происхожденія и вѣроисповѣданія, или нѣтъ.» Вотъ выраженія вполнѣ точно опредѣляющія положеніе дѣла. И такъ, что бы ни говорили, въ Россіи не существуетъ движенія, внушеннаго исключительнымъ духомъ расы и національности, потому что оно обнимаетъ въ своей заботливости всѣхъ христіанъ Востока, безъ различія происхожденія; не однимъ своимъ единовѣрцамъ русскій народъ протягиваетъ руку помощи. Это не религіозная война, не крестовый походъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Не собственно противъ исламизма, поднялась Россія, а противъ исламизма, угнетающаго, противъ турецкой тиранніи, попирающей ногами милліоны христіанъ. Это ничто иное, какъ великое дѣло человѣколюбія, если Россія считаетъ своимъ призваніемъ поддержать притѣсненныхъ и дать имъ возможность восторжествовать.».

То же чувство различнымъ образомъ выражалось въ безчисленныхъ адрессахъ, стекавшихся въ Царское Село.

Жители Калуги обращались съ такими словами къ Царю: (*)

(*) Мы передаемъ адрессы не въ подлинникѣ, а въ переводѣ, чтобы показать, какъ они поняты иностранною печатью

«Воодушевляемые глубокой вѣрой въ божественное Провидѣніе, въ Ваше могущество, Царь-Освободитель, мы надѣемся, что, сильный любовью къ своему народу и его безграничной привязанностью къ Вамъ, Вы достигнете мирнымъ путемъ освобожденія нашихъ братьевъ по крови и религіи, но если пробьетъ часъ битвы, жители всѣхъ классовъ города Калуги будутъ готовы, по знаку Вашего Императорскаго Величества, пожертвовать жизнью и всѣмъ имуществомъ для Вашей славы, Государь, и для чести дорогой родины.»

Послушаемъ теперь народонаселеніе Мещевскаго Уѣзда.

«Мы желали-бы, чтобы твердое и рѣшительное слово Вашего Императорскаго Величества остановило пролитіе крови нашихъ братьевъ—Славянъ; но если, по волѣ судьбы, во славу Россіи, избранникъ Божій сочтетъ необходимымъ взяться за оружіе, чтобы освободить Славянъ отъ нечестиваго мусульманскаго ига, враги мирной политики Царя-Освободителя увидятъ, что Россія подымется. какъ одинъ человѣкъ, по первому призыву своего любимаго Государя; наша жизнь и наши богатства принадлежатъ всецѣло Вашему Величеству и дорогому отечеству, какъ наши предки показали намъ это-

му примѣръ; наши жены, руководимыя примѣромъ Августѣйшихъ покровительницъ и утѣшительницъ раненыхъ, и мы сами исполнимъ всѣ обязанности, налагаемыя на насъ Краснымъ Крестомъ.

«Чувства, выражаемыя нами теперь, — чувства всѣхъ Русскихъ, которые повергаютъ къ стопамъ своего любимаго Государя жизнь и судьбу свою.»

Въ адрессѣ, присланномъ Медынскимъ уѣздомъ написано:

«Возвышенныя слова Вашего Императорскаго Величества, раздававшіяся въ древней столицѣ, глубоко запечатлѣлись въ сердцахъ Вашихъ вѣрныхъ подданныхъ. Наши дѣды и отцы проливали свою кровь для защиты единовѣрцевъ, и мы, дѣти Вашей великой націи, мы, съ безграничной преданностью къ престолу и отечеству, готовы исполнить свой долгъ, какъ въ войнѣ, такъ и въ мирѣ. Если Высочайшая воля призываетъ насъ къ защитѣ угнетенныхъ братьевъ, наша жизнь и все, чѣмъ мы владѣемъ, принадлежатъ Вамъ, Государь.»

26 Ноября петербургское дворянство такимъ образомъ выражало свои чувства Царю, въ органѣ графа Бобринскаго:

«Съ чувствомъ патріотической гордости выслушали мы слова Вашего Императорскаго Величества,

въ защиту угнетенныхъ христіанъ Балканскаго полуострова. Дни 18-го и 29-го Октября останутся навсегда памятны.

«Ваше Величество опредѣлили основанія политики, полной безкорыстія, которыя даютъ намъ право надѣяться, что затрудненія, вызванныя положеніемъ дѣлъ на Востокѣ, будутъ устранены мирнымъ путемъ, во славу и честь Россіи.

«Если такой исходъ невозможенъ, мы готовы, по примѣру нашихъ дѣдовъ, пожертвовать, по первому знаку Вашего Величества, нашимъ имуществомъ за такое святое дѣло и запечатлѣть своею кровью слова любимаго Государя.»

Съ своей стороны петербургская городская дума говорила, что столица непоколебимо вѣруетъ въ «великую историческую миссію Россіи;» она твердо вѣритъ, что «Россія должна оказать рѣшающее вліяніе на судьбы христіанства на Востокѣ.»

Въ основѣ своей всѣ эти адрессы похожи одинъ на другой; вездѣ видимъ выраженіе той могущественной религіозной солидарности, которая соединяетъ русскихъ со всѣми, исповѣдающими греческую религію; вездѣ увѣреніе въ томъ же уваженіи и въ той же любви къ личности Государя; вездѣ восторженная готовность жертвовать жизнью и

имуществомъ. Никогда, даже при Петрѣ Великомъ и Екатеринѣ II, энтузіазмъ не достигалъ такихъ размѣровъ.

«Московскія Вѣдомости, казалось, не удалялись отъ строгой истины, когда утверждали, что вопросъ войны «волнуетъ Россію до глубины души.» «Для насъ, прибавляютъ онѣ, этотъ вопросъ есть святое дѣло и заключаетъ нашу миссію.» Далѣе эта газета налагаетъ отвѣтственность въ пролитой крови на тѣхъ, «кто создалъ и поддерживалъ порядокъ вещей, существующій на Востокѣ.»

Наконецъ, въ Декабрѣ 1876 года, начальникъ черноморскаго флота отправилъ къ морякамъ, въ Николаевъ, приказъ, заключающій слѣдующія слова:

«Вы назначены сражаться съ врагами нашей религіи, съ угнетателями нашихъ братьевъ; покажите, что вы боретесь за святое дѣло! Напомните своимъ мужествомъ славу, которую моряки Чернаго моря стяжали при Севастополѣ.»

Намъ кажется, что теперь вполнѣ ясно, и изъ исторіи Россіи со временъ крещенія Владиміра святаго, и изъ фактовъ и цитатъ, только что приведенныхъ нами, что народъ русскій всегда былъ преданъ своей религіи, и что теперь онъ готовъ сражаться за нее съ поклонниками пророка. Этого

достаточно, чтобы составить понятіе о неудержимой силѣ, которая влечетъ Русскихъ противъ нынѣшнихъ владѣтелей Константинополя и чтобы охарактеризовать это произвольное, единодушное, грандіозное движеніе, примѣровъ котораго немного и въ исторіи.

Одинъ изъ всѣхъ христіанскихъ монарховъ, Царь, можетъ соединить религіозный энтузіазмъ съ патріотическимъ жаромъ и съ жаждой побѣдъ.

Отрадно видѣть этотъ молодой, полный силъ народъ, подъ властію одного изъ наиболѣе могущественныхъ государей свѣта, готовымъ, по первому знаку своего главы, пожертвовать всѣмъ, во имя Бога, человѣчности и родины!

II.

Походы противъ Константинополя.

Съ самаго начала своего существованія русскій народъ обнаруживаетъ стремленіе приблизиться къ Средиземному морю и овладѣть Константинополемъ.

Первая экспедиція русскихъ противъ этого города относится ко времени правленія перваго государя этого народа: болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ, именно въ 866 году, Славяне, Фины, Скандинавы и Русскіе, подъ начальствомъ Рюрика, вооружили на Днѣпрѣ 500 лодокъ, достигли Чернаго моря, направились къ Константинополю и осадили его.

Ламартинъ такимъ образомъ описываетъ легендарныя подробности этого похода.

«Чудо поразило варваровъ и было причиною принятія ими христіанства.

«Греческій патріархъ Фотій, послѣ торжественнаго крестнаго хода по улицамъ Константинополя, погрузилъ въ воды Босфора ризу Богоматери, желая отвратить опасность отъ своего отечества. Подулъ сильный вѣтеръ, море взволновалось, и внезапная буря разбила о скалы всѣ 500 русскихъ лодокъ. Незначительное число русскихъ, спасшихся отъ несчастія, возвратившись въ Кіевъ, разсказали о сверхъестественной силѣ молитвы христіанъ; Русскіе отправили пословъ къ греческому императору, Михаилу Палеологу, съ просьбой о крещеніи и евангельской проповѣди. Народъ подчинился греческому духовенству, отправленному къ нему для проповѣдыванія христіанскихъ истинъ. Славяне поклонялись Христу и въ тоже время не переставали воздавать почести Одену, богу скандинавскому.

Олегъ, сынъ Рюрика, подступаетъ съ 2000 лодокъ къ стѣнамъ Константинополя, проведя свои лодки по сухому пути на колесахъ, такъ какъ греки заперли входъ въ гавань. Византійская Имперія откупается постыдною данью. Въ знакъ владѣнія завоеваннымъ городомъ, Олегъ прибива-

етъ свой щитъ на главныхъ воротахъ. Съ этого времени Константинополь, который Русскіе называли Царь-градомъ, дѣлается предметомъ ихъ заботъ.

Въ 944 году Игорь, воспитанникъ Олега, идетъ съ 10000 вооруженныхъ лодокъ, но ужасный огонь грековъ уничтожаетъ часть его флота и принуждаетъ отказаться отъ побѣды.

....

III.

Успѣхи Россіи.

Послѣ трехъ вѣковъ порабощенія монголами, Россія снова подымаетъ голову и разбиваетъ свои оковы.

Въ XIII вѣкѣ Александръ Невскій, Князь Кіевскій и Владимірскій, освобождаетъ отъ Татаръ Новгородъ. Признательные Русскіе воздвигаютъ ему могилу въ одной изъ церквей этого города; позже его мощи были перенесены въ Петербургъ, гдѣ и теперь почиваютъ. Къ имени его приложено названіе « Невскій. »

Съ Іоанна III для Россіи начался тотъ славный періодъ, который, за исключеніемъ нѣсколькихъ кратковременныхъ помраченій, продолжался до нашего времени

Странное совпаденіе: спустя девять лѣтъ послѣ паденія греческой имперіи, Іоаннъ III, въ 1462 году, вступаетъ на престолъ Рюрика и начинаетъ собою эпоху могущества и преуспѣянія своего государства; въ то время, какъ имперія греческая рушится, государство русское возвышается; между тѣмъ, какъ на югѣ Дуная дряхлая и развращенная нація падаетъ подъ игомъ варваровъ центральной Азіи, на сѣверѣ начинаетъ возвышаться юный и мужественный народъ, который позже отомститъ за несчастнаго Константина XII и заставитъ померкнуть свѣтило Магомета.

Новый великій князь беретъ гербъ греческихъ императоровъ: двуглаваго орла, и проситъ у папы Павла II руки Софіи, внуки и наслѣдницы Константина, въ надеждѣ, что этотъ союзъ дастъ русскимъ монархамъ права на константинопольскій престолъ. Папа согласился, и бракъ былъ совершенъ въ 1472 году.

Въ 1480 году Іоаннъ III уничтожаетъ царство татаръ « Золотой Орды », послѣднимъ ханомъ которой былъ Ахметъ.

Въ 945 году заключенъ мирный договоръ между двумя государствами.

Сыну Ольги, Святославу, какъ мы уже сказали, «наскучило» жить въ Кіевѣ; вслѣдствіе этого онъ переправляется черезъ Дунай, занимаетъ Болгарію и хочетъ основать тамъ свою столицу (970). Императоръ Цимисхій обращается съ требованіемъ очистить городъ, въ противномъ случаѣ угрожаетъ, что явится самъ изгнать его, и въ отвѣтъ на это слышитъ отъ Святослава:

« Императору нѣтъ надобности сюда приходить; мы избавимъ его отъ такого труда. Мы сами пойдемъ въ Константинополь и докажемъ ему, что мы дѣти битвъ и привыкли со врагомъ мѣряться оружіемъ. »

Затѣмъ, подобно тому, какъ позже — въ царствованіе императора Николая, — Русскіе переходятъ Балканы и разоряютъ Ѳракію до Адріанополя; но вскорѣ они были отброшены въ долину Дуная.

Въ 971 году императоръ Цимисхій самъ осаждаетъ Доростоль (Силистрію) и заставляетъ Святослава заключить миръ.

Съ тѣхъ поръ, по причинѣ раздробленности государства, почти не прекращавшихся междуусобныхъ войнъ и татарскаго нашествія, русскіе оставляютъ попытку завладѣть Константинополемъ; народныя стремленія остаются въ какомъ-то оцѣпенѣніи

въ теченіе семи вѣковъ. Петру Великому назначено было пробудить отъ сна своихъ соотечественниковъ и начертать блестящій планъ расширенія государства.

« Русскій народъ, говоритъ Ромэ, стремился къ Константинополю съ самаго начала своей исторіи. Его первымъ военнымъ крикомъ было:

« Въ городъ Цезарей.!

Съ этого счастливаго года русская земля свободна отъ всякаго чужеземнаго господства, исключая Крыма, гдѣ Татары продержались до царствованія Екатерины II.

Іоанъ IV, грозный, коронуется въ Москвѣ короной, считавшейся принадлежащей императору Константину Мономаху. Онъ желаетъ чтобы въ немъ видѣли преемника Константина XII: вслѣдствіе этого, онъ торжественно принимаетъ титулъ царя, который русскіе всегда давали греческимъ императорамъ, и посылаетъ значительныя суммы денегъ греческимъ патріархамъ, обѣщая имъ свое покровительство.

Дамасъ де Реймондъ сообщаетъ, говоря о побѣдахъ перваго изъ царей: « Религія, ревностное распространеніе вѣры были предлогами, подъ которыми онъ скрывалъ свои истинныя намѣренія насиль-

ственнаго завладѣнія. Іоаннъ IV превращалъ въ крестовые походы свои походы противъ Казани и Астрахани, чтобы къ хищническимъ наклонностямъ своихъ солдатъ прибавить еще горячность религіознаго фанатизма.» Во все время религія была однимъ изъ могущественнѣйшихъ двигателей русской политики.

Въ царствованіе Θеодора Іоанновича совершился важный религіозный переворотъ.

Россіи наскучило религіозное иго уничтоженнаго и порабощеннаго Константинополя; царь отказывается признавать духовный авторитетъ греческаго патріарха, и Іовъ, архіепископъ новгородскій, посвящается въ санъ патріарха Іеремієй, патріархомъ Александрійскимъ. Мѣсто, которое займетъ русскій патріархатъ въ восточной церкви не было безразлично для царя Θеодора; рѣшено, что онъ будетъ считаться непосредственно слѣдующимъ за Константинопольскимъ и Александрійскимъ, а за русскимъ— патріаршества Антіохійское и Іерусалимское. Новый русскій престолъ занимаетъ почетное мѣсто и пользуется извѣстнымъ обаяніемъ въ глазахъ всѣхъ народовъ, греческаго вѣроисповѣданія.

Такова была реформа, произведенная послѣднимъ потомкомъ Рюрика.

Послѣ правленія многихъ похитителей престола и самозванцевъ, появляется славная династія Романовыхъ, къ которой принадлежитъ нынѣ благополучно царствующій Императоръ Александръ II.

Фамилія Романовыхъ, знаменитая въ теченіе двухъ вѣковъ слишкомъ, сливалась нѣсколько разъ съ домомъ Рюрика. Въ 1613 году, одинъ изъ членовъ этой фамиліи, пятнадцатилѣтній Михаилъ Романовъ, выходитъ изъ Костромскаго монастыря, куда заключилъ его Борисъ Годуновъ, и вступаетъ на престолъ. Таково было начало этой славной династіи, которой, кажется, предназначено уничтожить владычество полумѣсяца и возвратить христіанству Константинополь.

Молодой царь возводитъ своего отца Феодора Никитича, митрополита Ростовскаго, въ санъ Московскаго патріарха. Съ этого времени патріархи, при публичныхъ церемоніяхъ, стоятъ на томъ же возвышенномъ мѣстѣ, какъ и государь, и выказываютъ такое же равенство.

IV.

Русско-Турецкія Войны.

Болѣе двухъ вѣковъ тому назадъ возгорѣлись первыя непріятельскія дѣйствія между Турками и Русскими.

Первыя дипломатическія отношенія между этими двумя имперіями не были такого рода, чтобы могли предсказать продолжительный миръ.

Въ 1671 году, султанъ Магометъ IV. покоривъ поляковъ, требуетъ у Алексѣя Михайловича уступки Украйны; въ своемъ письмѣ онъ называетъ русскаго царя «господаремъ христіанъ,» а себя самого «монархомъ вселенной.» Оскорбленный царь отвѣчаетъ: «я не родился для того, чтобы подчиняться магометанской собакѣ, и мой мечъ не хуже сабли Оттомана.» Эти слова, первыя, которыя когда

либо были произнесены царемъ падишаху, вполнѣ могутъ предсказать будущее.

Пять лѣтъ спустя, возникаетъ первая война между этими двумя народами; въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, брата Петра Великаго, (1676 г.) Турки овладѣваютъ Чигириномъ, городомъ въ Украйнѣ; затѣмъ начинается война, очень выгодная для русскихъ, и продолжается до 1681 года.

Султанъ Магометъ IV вынужденъ отказаться отъ всякаго притязанія на Украйну, занятую казаками, страшными врагами турокъ.

Петръ Великій.—Внуку Михаила Романова было предоставлено судьбою дать опредѣленную форму вѣковымъ стремленіямъ своего народа и воплотить въ себѣ самый духъ Россіи. Онъ созналъ и попытался осуществить обширный планъ территоріальнаго расширенія, въ которое входитъ завоеваніе Европейской Турціи и Босфора. Извѣстно, что тысячу лѣтъ назадъ, т. е. со времени основанія государства, Русскіе всегда обращали на Константинополь свои взоры и мечтали о морѣ, болѣе обширномъ, чѣмъ Черное, о небѣ, болѣе благодатномъ и менѣе мрачномъ, чѣмъ скиеское.

Петръ не ослабилъ значительно оттоманскаго могущества, потому что, во все свое царствованіе, онъ

помѣрялся силами всего только одинъ разъ съ Турками въ открытомъ полѣ и не могъ поздравить себя съ успѣхомъ попытки; но онъ постигъ идею, составилъ планъ, приготовилъ средства. Онъ организовалъ, дисциплинировалъ армію, создалъ флотъ, основалъ новыя гавани, ослѣпилъ Европу побѣдами надъ Шведами и поставилъ Россію на ряду съ великими державами.

Сознавая полную необходимость владѣнія берегами Чернаго моря, въ торговомъ и морскомъ отношеніяхъ, онъ овладѣваетъ Азовомъ, который былъ защищенъ сильнымъ турецкимъ гарнизономъ (1696 г.) При возвращеніи изъ этого похода, Петръ повелѣваетъ идти торжественнымъ маршемъ и приказываетъ отчеканить медаль съ слѣдующею надписью:

«*Петръ I, Императоръ всегда величественный.*»

Карловицкій договоръ (1699 г.) подтверждаетъ его побѣду.

Петръ былъ оскорбленъ при Нарвѣ своимъ неумолимымъ врагомъ, Карломъ XII; но онъ блистательно отомщаетъ за себя при Полтавѣ, въ Украйнѣ (1709 г.) Тогда король Швеціи удаляется въ Бендеры, городъ Бессарабіи, принадлежавшій въ то время Туркамъ, и призываетъ къ себѣ на помощь

султана Ахмета III, котораго уже безпокоили побѣды царя на Черномъ морѣ. Война объявлена.

Петръ посылаетъ впереди себя, въ Молдавію, маршала Шереметьева, между тѣмъ какъ визирь Мехметъ переходитъ Дунай съ 350,000 Турокъ, Арабовъ и Татаръ. Царь переправляется черезъ Днѣстръ, во главѣ 25000 Русскихъ, чтобы соединиться съ остальною частью войска. Екатерина, прекрасная уроженка Ливоніи, вышедшая за него замужъ тайнымъ образомъ, ѣхала верхомъ рядомъ съ нимъ, гордясь случаемъ сопутствовать своему императору.

Русская армія достигала берега Прута, этого будущаго Рубикона Россіи, этой рѣки, имя которой раздается каждый разъ, когда Россія стягиваетъ свои войска противъ Турокъ. Въ 1711 году Прутъ долженъ былъ оказаться роковымъ для Русскихъ и дурно открыть рядъ сраженій съ владѣтелями Константинополя.

Неожиданно визирь переходитъ рѣку, отбрасываетъ русскую армію и окружаетъ ее въ болотахъ. Онъ могъ бы уничтожить ее, но не дѣлаетъ этого. ,,Этотъ новый народъ, судьбы котораго Турки не предчувствовали, говоритъ Ламартинъ, казался имъ полезнымъ въ ихъ политикѣ, чтобы противоноста-

вить его Австріи, ихъ настоящему и вѣчному врагу.“

Петръ понимаетъ всю тяжесть положенія; оскорбленный въ своей гордости, убитый горемъ, унылый, онъ удаляется въ свою палатку и запрещаетъ, подъ страхомъ смерти, входить въ нее.

Екатерина видитъ, что армія погибла и что, въ своемъ паденіи она увлечетъ за собою всѣ надежды отечества. Тогда, сильная своей любовью, собравъ все свое мужество, она проникаетъ въ палатку государя. Она говоритъ ему, что турецкихъ министровъ можно прельстить подарками, обѣщаніями и подкупить ихъ. Золота нѣтъ, правда, но она беретъ на себя обязанность найти его.

Выйдя изъ императорской палатки, она становится въ среду солдатъ и, въ ихъ присутствіи, сбрасываетъ съ себя ожерелья, драгоцѣнные каменья, браслеты, однимъ словомъ,—всѣ тѣ дорогія вещи, которымъ она обязана щедрости царя. Она пробѣгаетъ по рядамъ и говоритъ каждому, стоящему предъ нею: «Что ты можешь дать для царя, нашего отца?» и продолжаетъ: «Твое имя будетъ извѣстно царю и родинѣ, когда мы возвратимся въ Москву.» Тогда солдаты, въ восторгѣ бросаютъ свои

кошельки, кольца и серьги къ ногамъ лошади Екатерины.

Это былъ выкупъ арміи. Миръ заключенъ, и Петръ возвращается въ Москву. Вся Россія прославляетъ въ царицѣ «Ангела—Освободителя отечества,» царь учреждаетъ орденъ Святой Екатерины.

По Фальксенскому договору—(результатъ его несчастной Бессарабской кампаніи)—Петръ теряетъ Азовъ и обязуется уничтожить многія пограничныя крѣпости. (22 Іюля 1711 года). —

«Пораженный на берегахъ Прута, говоритъ Дамасъ де Реймондъ, въ 1712 году, Петръ долженъ былъ отказаться отъ своего любимаго намѣренія—расширить государство на югѣ и заключить сношенія съ богатыми странами Индіи. Этотъ проэктъ, воспроизведенный его преемниками, естественно проистекаетъ изъ политики государей Россіи, и обстоятельства докажутъ, безъ сомнѣнія, что осуществленіе его, какъ-бы трудно оно ни казалось, согласуется болѣе съ ихъ интересами, чѣмъ опасное притязаніе быть руководителями судебъ Европы».

«Моему народу, говоритъ царь, не достаетъ моря и цивилизаціи». Вслѣдствіе этого онъ учится самъ строить корабли, создаетъ верфи и отправляетъ флотилію въ Черное и Балтійское моря; онъ пони-

малъ, что морская сила его имперіи должна удвоить силу континентальную и приготовить къ роли, которую Русскіе призваны играть на Востокѣ; какой бы радости исполнился онъ, если бы могъ читать въ будущемъ и видѣть эскадры Екатерины II, бороздящими воды Архипелага и уничтожающими огнемъ турецкій флотъ въ Чесменской бухтѣ!

Въ Парижѣ ослѣплены обаяніемъ Петра Великаго: такъ, во время его пребыванія тамъ чеканится, въ Луврѣ, медаль съ его портретомъ, на оборотной сторонѣ которой изображена слава, поставившая ногу на земной шаръ и окруженная надписью: Vires acquirit eundo. Трудно было лучше выразить быстро возрастающее могущество царя.

Россія имѣла двухъ владыкъ: царя и патріарха. Петръ находитъ, что одинъ изъ нихъ лишній; вслѣдствіе этого онъ уничтожаетъ патріаршество, провозглашаетъ себя главою православной церкви и основываетъ Святѣйшій Синодъ, члены котораго приносятъ ему присягу, какъ верховному судьѣ этого духовнаго учрежденія (1721). Съ этихъ поръ тіару и скипетръ держала одна рука, и могущество государя незнало болѣе предѣловъ.

Что думать о мнимомъ «завѣщаніи» Петра Великаго? На нашъ взглядъ, происхожденіе его неправдо-

подобно, такъ какъ замѣтно отсутствіе вѣроятности во многихъ мѣстахъ и достовѣрность его не доказана никакими серьёзными подтвержденіями. Все заставляетъ думать, что оно написано подъ вліяніемъ внушенія враговъ Россіи: многіе кабинеты, въ началѣ настоящаго столѣтія, имѣли явный интересъ заставить вѣрить въ чрезмѣрное честолюбіе этого государя.

Такъ нельзя было-бы удивляться, еслибы Петръ Великій помѣстилъ въ своемъ завѣщаніи слѣдующее выраженіе:

«Я нашелъ Россію рѣчкой, оставляю рѣкой а мои преемники сдѣлаютъ изъ нея море».— Съ другой стороны, вполнѣ вѣроятно, что Петръ желалъ бы наибольшаго приближенія Русскихъ къ Константинополю, такъ-какъ онъ самъ говорилъ, что «государь этого города будетъ настоящимъ монархомъ вселенной». Одинаковаго мнѣнія съ Петромъ былъ и Наполеонъ I. –

Въ Ливадіи императоръ Александръ II объявилъ, что завѣщаніе его славнаго предшественника должно быть отнесено къ «области вымысловъ политической миѳологіи.»

Анна I. Борьба съ Турками, прекратившаяся съ 1711 года, возобновляется въ 1736 году.

Маршалъ Минихъ осаждаетъ Азовъ, захваты-

ваетъ Перекопъ, овладѣваетъ Крымомъ и предаетъ пламени Бахчисарай, резиденцію татарскихъ хановъ. Дальнѣйшіе успѣхи даютъ ему возможность отнять у Турокъ Азовъ и Очаковъ. Въ 1738 году онъ одерживаетъ большую побѣду при Прутѣ, недалеко отъ мѣста, бывшаго свидѣтелемъ пораженія Петра Великаго, и завладѣваетъ Молдавіей.—

Кампанія оканчивается Бѣлградскимъ договоромъ (1739 г.), по которому императрица отказывается отъ своихъ завоеваній на берегахъ Чернаго моря.

Екатерина II.—Мы хотимъ говорить о царствованіи самомъ замѣчательномъ, самомъ блестящемъ вь исторіи Россіи, покрайней мѣрѣ въ отношеніи Турціи.

Императрица Екатерина унаслѣдовала идеи Петра Великаго и въ ихъ осуществленіи видитъ цѣль своей жизни.

У нея двѣ главныя заботы: раздѣленіе Польши и уничтоженіе мусульманскаго могущества; къ своей цѣли она идетъ прямо: влеченія сердца и тревога чувствъ не мѣшаютъ ясности ума ея и энергіи воли.

Императрица ждала только предлога, чтобы напасть на врага ея религіи и возвыситься на его счетъ. Послѣ разграбленія Русскими Балты, Мус-

тафа приказалъ заключить посланника Екатерины въ Семибашенный замокъ, и вслѣдъ за тѣмъ знамя Пророка развѣвалось на Днѣпрѣ.—

Война начинается подъ стѣнами Хотина, гдѣ князь Голицынъ терпитъ два послѣдовательныхъ пораженія; но вскорѣ счастье измѣняетъ Туркамъ: они побѣждены Румянцевымъ и Рѣпнинымъ, на Днѣстрѣ и Дунаѣ, и принуждены обратно перейти эту рѣку и оставить Молдавію и Валахію въ рукахъ русскихъ полководцевъ.

При этомъ извѣстіи Екатерина, въ восторгѣ отъ побѣды, намѣревается устроить блестящій торжественный въѣздъ, чтобы дать Европѣ понятіе о своихъ силахъ и опредѣлить мѣсто Россіи между великими державами.

Князь Рѣпнинъ называлъ ее «императрицей грековъ;» болѣе чѣмъ когда нибудь, окрѣпло въ ней рѣшеніе совершить великое назначеніе своего народа.

«Изгнать мусульманъ изъ Европы и снова водрузить въ Византіи знамя христіанскаго господства, рукой и всемогуществомъ Славянъ,—было вѣчной мечтой Русскихъ, говоритъ Ламартинъ. Эта мечта была одной изъ тѣхъ безпредѣльныхъ надеждъ, которыя возникаютъ на горизонтѣ юныхъ государствъ.»

Ободренная успѣхами Румянцева и Рѣпнина, Екатерина задумываетъ смѣлый планъ, отправить свой флотъ въ Средиземное море, чтобы вызвать возстаніе грековъ, вырвать изъ рукъ Турокъ Морею, уничтожить ихъ флотъ и бомбардировать Константинополь. Первая эскадра выходитъ изъ Кронштадта, минуетъ Зундъ, Па-де-Кале и Гибралтарскій проливъ, входитъ въ Средиземное море и пристаетъ къ берегу при Порто-Вителло 17 Февраля 1770 года. Вслѣдъ за тѣмъ вторая эскадра, подъ начальствомъ Алексѣя Орлова, присоединяется къ первой у береговъ Пелопонеса, близъ Корона. Въ первый разъ русскіе корабли показывались въ Средиземномъ морѣ.—Турки были поражены этой смѣлостью, между тѣмъ какъ греки привѣтствовали въ лицѣ Русскихъ своихъ освободителей.

Подъ предводительствомъ Ѳедора Орлова Русскіе, съ своими союзниками греками, овладѣваютъ Каламатой, Мисистрой, Патрасомъ, Наварипомъ и проч.; но вскорѣ союзники раздѣляются, и Русскіе, окруженные Турками, запираются въ Наваринѣ.

Греческая кампанія была неудачна: графъ Алексѣй Орловъ приказываетъ своему войску снова сѣсть на корабли и отправляетъ флотилію въ Архипелагъ. Въ Хіосскомъ проливѣ русское военное судно абор-

дируетъ турецкое; огонь охватываетъ оба корабля, и они вмѣстѣ взлетаютъ на воздухъ. Тогда весь оттоманскій флотъ укрывается въ чесмской бухтѣ; тамъ-то постигаетъ его несчастіе еще болѣе роковое, чѣмъ при Лепанто.

Контръ-адмиралъ Эльфингстонъ и два другіе англійскихъ контръ-адмирала получили начальство въ русскомъ флотѣ и давали совѣты графу Орлову.— Видя положеніе непріятельскаго флота, Эльфингстонъ предлагаетъ русскому адмиралу сжечь его: тотъ соглашается. Вслѣдъ затѣмъ два зажигательныхъ снаряда, брошенные на турецкій корабль, воспламеняютъ его.

Прибавляя, безъ сомнѣнія, нѣсколько красокъ къ колориту разсказа, историкъ Эно описываетъ слѣдующими чертами этотъ ужасный эпизодъ войны 1770 года: «Огонь стремительно перебирается съ одного корабля на другой и въ нѣсколько минутъ охватываетъ сплошнымъ облакомъ пламени и дыма весь непріятельскій флотъ. Въ одно мгновеніе ужасъ, смятеніе и безпорядокъ достигаютъ величайшихъ размѣровъ; каждый хочетъ избѣжать смерти, море покрывается массою матросовъ и солдатъ, плавающихъ между грудами обломковъ. Выстрѣлы, происходящіе сами собой, помѣрѣ нагрѣванія орудій, еще усиливаютъ страхъ;

крики отчаянія вылетаютъ изъ нѣдръ пламени и смѣшиваются съ его ревомъ и трескомъ. Но когда огонь охватилъ пороховыя камеры, зрѣлище было потрясающее. Слабѣетъ мысль человѣческая въ представленіи этого страшнаго взрыва. Отъ него колебалась земля въ Смирнѣ, на разстояніи около двѣнадцати миль; онъ слышенъ былъ въ Аѳинахъ, на разстояніи въ пять разъ большемъ. Углубленія въ горахъ и скалахъ, куда бѣжали жители береговъ, испускали ужасный ревъ. Земля разверзлась, образовались зіяющія пропасти. Крѣпость Чесмы и весь маленькій городъ, древній Сискусъ, провалились Русскіе корабли, стоявшіе на якоряхъ, качались, точно отъ сильнѣйшей бури. Болѣе 30 непріятельскихъ судовъ взлетѣло на воздухъ; болѣе 20,000 турокъ погибло, утонувшими или разорванными на куски взрывомъ. Воды бухты напитались кровью и скрылись подъ безчисленнымъ множествомъ обезображенныхъ труповъ, изуродованныхъ частей тѣла, досокъ, парусовъ и всевозможныхъ обломковъ».

При этомъ извѣстіи ужасъ распространяется въ сералѣ и среди мусульманскаго населенія Константинополя.

Адмиралъ Орловъ могъ-бы продолжать свои успѣшныя дѣйствія и нанести сильный ударъ не-

пріятелю на Босфорѣ; Эльфингстонъ совѣтуетъ ему это. Но любимецъ Екатерины, завидуя англійскому адмиралу, отказывается продолжать враждебныя дѣйствія; онъ поспѣшилъ отправиться для торжества въ Петербургъ, гдѣ боялся быть вытѣсненнымъ. Послѣ безполезнаго нападенія на Лемносскую крѣпость, почти при входѣ въ Дарданельскій противъ, адмиралъ Свиридовъ, утверждается на Поросѣ и господствуетъ надъ Цикладскими островами впродолженіи цѣлой зимы; затѣмъ, флотъ русскій оставляетъ Архипелагъ.

Между тѣмъ при императорскомъ дворѣ господствуетъ радость, и въ Петербургѣ совершаются торжественныя празднества въ честь Алексѣя Орлова, который, въ память побѣды его при Чесмѣ, получаетъ названіе: *Чесменскій*. Въ тоже время Екатерина приказываетъ построить городъ, чтобы увѣковѣчить это воспоминаніе. А между тѣмъ, въ этомъ походѣ, графъ Орловъ не исполнилъ всего того, что онъ долженъ былъ сдѣлать, для славы своего отечества: онъ оттолкнулъ предложенія Али-Бея, египетскаго паши, уничтожить общими силами господство мусульманъ. Греція, Сирія и Египетъ возстали, Бессарабія же, Молдавія и Валахія были заняты войсками Румянцева и Рѣпнина; Ор-

ловъ не умѣлъ воспользоваться такими благопріятными обстоятельствами.

Въ 1771 году Крымскій ханъ, союзникъ Турокъ, защищаетъ героически, но тщетно, Перекопскій перешеекъ отъ князя Долгорукаго, который дѣлается господиномъ всего Крыма. Румянцевъ устроиваетъ свои зимнія квартиры въ Болгаріи, между тѣмъ какъ Турки отступаютъ къ Балканамъ.

Въ 1773 году крѣпость Силистрія отбила аттаку Румянцева; но въ слѣдующемъ году онъ побѣждаетъ Турокъ и окружаетъ ихъ у Шумлы. При такихъ обстоятельствахъ, султанъ Абдулъ Гамидъ I считаетъ благоразумнымъ прекратить борьбу и подписываетъ трактатъ при Кайнарджи, который императоръ Николай называетъ «славнымъ договоромъ» (1774). Русскіе пріобрѣтаютъ Дарданельскій проливъ, право имѣть военный корабль въ Архипелагѣ и протекторатъ надъ Молдавіей и Валахіей; Турки лишаются земли между Днѣпромъ и Бугомъ... Колоссъ сталъ на одинъ шагъ ближе къ Босфору.

Не смотря на всѣ эти успѣхи, Екатерина оставалась неудовлетворенной: владѣніе Константинополемъ было всегда ея любимой мечтой; она надѣялась на осуществленіе своихъ намѣреній, поощряемая съ одной стороны Вольтеромъ, который, во

всѣхъ своихъ письмахъ, выражалъ несомнѣнное ожиданіе, что изгнаніе Турокъ и завоеваніе Константинополя Русскими будетъ совершено, съ другой—знаменитымъ Потемкинымъ, который желалъ установить новую династію императоровъ Востока.

«При Петербургскомъ дворѣ, въ обществѣ, въ театрахъ, говоритъ Якобсъ, всѣ ненавидѣли и предавали осмѣянію имя мусульманъ. Всѣ искусства праздновали разрушеніе имперіи и паденіе религіи халифовъ; печать разработывала тысячи проэктовъ раздѣленія; живопись изображала Екатерину, поднимающею Грецію изъ развалинъ и попирающею ногами знамя пророка».

Въ Турціи, въ христіанскихъ храмахъ, портретъ императрицы находился между изображеніями Іисуса Христа и Богоматери, и священники молились за нее; по стѣнамъ было развѣшано русское оружіе.

Мысленно императрица представляла себѣ Константина, своего внука, на Византійскомъ тронѣ, а Потемкина — на Дакійскомъ.

Придворные, въ своемъ воображеніи, видятъ уже столицу перенесенною съ холодныхъ береговъ Невы на великолѣпные берега Босфора.

Царица основываетъ города на дорогѣ въ Кон-

стантинополь, между прочимъ Херсонъ, передовой постъ противъ Турокъ, который обязанъ своимъ быстрымъ развитіемъ честолюбію Потемкина (1778 г).

Два года спустя, императоръ Германскій, Іосифъ II, ослѣпленный славой Семирамиды Сѣвера, ѣдетъ на поклонъ къ ней въ Петербургъ.

Екатерина излагаетъ ему свои проэкты, и они условливаются о раздробленіи Турціи и возобновленіи греческихъ республикъ; уже при могилевскомъ свиданіи, было рѣшено раздѣленіе мусульманской имперіи. Въ это время наслѣдникъ Габсбургскаго дома не предполагалъ, что ему будетъ угрожать панславизмъ, и сынъ Маріи-Терезіи раздѣлялъ ненависть своего поколѣнія противъ враговъ креста.

Видя, что Крымъ потерянъ для ихъ подданныхъ татаръ, Турки пытаются сдѣлать послѣднее усиліе и овладѣваютъ Таманью, при входѣ въ проливъ Эникале. Тогда Русскіе, подъ начальствомъ Потемкина, наводняютъ своими войсками полуостровъ и занимаютъ его весь (1783 г.) Послѣдній татарскій ханъ, Сахимъ Гирей, отрекается отъ престола и выданный Туркамъ, умираетъ на Родосѣ. Крымъ навсегда потерянъ для Турціи, побѣдитель получаетъ отъ императрицы прозваніе: *Таврическій*.

Въ слѣдующемъ году Константинопольскимъ трак-

татомъ обезпечено Россіи владѣніе Крымомъ, Таманью и большей частью Кавказа.

Всѣ эти успѣхи увеличиваютъ гордость царицы, воспламеняютъ ея честолюбіе и поселяютъ въ ней безграничную вѣру въ силы своей обширной имперіи. Тогда у нея является намѣреніе короноваться съ величайшей пышностью въ Херсонѣ, какъ повелительницы Тавриды, и ослѣпить Европу блескомъ своей славы.

Съ своей стороны русскій народъ гордился своими побѣдами и величественными проэктами своей государыни. «Никогда, говоритъ Ламартинъ, народъ, еще такой юный, не возлагалъ такъ много надеждъ на будущее универсальностью своихъ взглядовъ и предпріятій; казалось, время и пространство было въ его распоряженіи».

Ламартинъ такъ объясняетъ смыслъ торжественнаго путешествія въ Херсонъ.

«Показать вблизи оттоманской имперіи, представителямъ западныхъ державъ, что для Русскихъ нетрудно сначала ихъ одурачить, потомъ сдѣлать соучастниками исполненія своихъ намѣреній относительно Босфора и получить отъ нихъ позволеніе, покрайней мѣрѣ подразумѣваемое, совершить въ Турціи то, что было сдѣлано въ Крыму,—вотъ по-

литическая цѣль этой продолжительной прогулки по имперіи».

Въ Херсонѣ встрѣтили Екатерину императоръ Германскій, Король Станиславъ Понятовскій и многіе посланники, которые окружаютъ ее почестями и лестью. Между празднествами она не забываетъ о серьезныхъ дѣлахъ, Іосифъ II обѣщаетъ ей свое содѣйствіе въ новомъ походѣ, который она задумываетъ противъ Турокъ (1787 г).

На воротахъ новаго города она помѣщаетъ греческую надпись слѣдующаго значенія: *Отсюда ведетъ дорога въ Византію.*

Въ это время агенты Потемкина возмущаютъ Египетъ, Грековъ Смирны, Румынъ, Сербовъ и Болгаръ.

Все это не оставляетъ въ Портѣ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно намѣреній Россіи, и когда она объявляетъ войну и посылаетъ 80,000 человѣкъ къ Очакову, турецкій адмиралъ Гассанъ-Паша тотчасъ же отправляетъ въ Черное море 16 кораблей.

Въ это время Екатерина составляетъ прокламацію, въ которой объявляетъ, что разчитываетъ «на обѣщанія христіанскаго міра», затѣмъ обнародываетъ по всей имперіи многія пророчества на-

тріарховъ Іереміи и Никона, предсказывающія скорое взятіе Константинополя.

Вѣрный своему обѣщанію, императоръ германскій посылаетъ 80000 Австрійцевъ въ Молдавію.

Суворовъ идетъ на встрѣчу Турокъ и поражаетъ ихъ при Кинбурнѣ. Вскорѣ Потемкинъ, овладѣваетъ Очаковымъ (1788 г). Борьба была кровавая; 45000 труповъ были разбросаны по улицамъ «смерть, говоритъ Ламартинъ, была единственнымъ посредникомъ между двумя народами». Эти слова справедливы, и теперь справедливы болѣе, чѣмъ когда либо.

Потемкинъ на апогеѣ своей славы и расположенія императрицы; при извѣстіи объ его побѣдѣ, Екатерина посылаетъ ему 100.000 рублей и фельдмаршальскій жезлъ, осыпанный алмазами.

Но на этомъ не останавливаются успѣхи русской арміи: турецкій флотъ истребленъ на Черномъ морѣ, Суворовъ одерживаетъ побѣды при Фокшанахъ и Рымникѣ, въ Валахіи (1789 г)—При Рымникѣ онъ обратилъ въ бѣгство 200.000 турокъ съ 30000 Русскихъ и австрійскимъ корпусомъ.

Повелители Молдавіи и Валахіи, Потемкинъ и Суворовъ—осаждаютъ Измаилъ, сильный пунктъ, защищающій линію Дуная; они вступаютъ въ го-

родъ послѣ долгой осады, стоившей жизни 15000 Русскихъ и 35000 Турокъ.

Послѣ взятія Измаила, Екатерина открыто выражаетъ желаніе перенести свою столицу въ Константинополь, и греческіе депутаты предлагаютъ Византійскій престолъ молодому Константину, ея внуку.

Потемкинъ торжествуетъ въ Петербургѣ: на большомъ праздникѣ, данномъ въ Таврическомъ дворцѣ. за любимцемъ Екатерины слѣдовалъ кортежъ, подобный тому, который сопровождалъ римскихъ генераловъ при ихъ возвращеніи въ отечество послѣ войнъ въ Азіи; Императрица даритъ ему одежду, украшенную алмазами, стоющую 4 милліона (1791 г.)—

Екатерина, угрожаемая Пруссіей, опасавшейся слишкомъ быстро возраставшаго могущества Россіи и Польшей, озабоченная, кромѣ того, французской революціей, отказывается отъ борьбы съ Турціей и заключаетъ договоръ при Яссахъ (1792). Селимъ III признаетъ права Россіи на Крымъ, и Днѣстръ дѣлается границей двухъ имперій).

Екатерина хотѣла, во что бы то ни стало, низвергнуть Турцію, и оставляла на время только то, чего не могла сама исполнить. Высокая цѣль ея

политики не достигнута, такъ какъ Константинополь остается въ рукахъ Турокъ; но нельзя сомнѣваться въ скоромъ разрушеніи Оттоманской имперіи; дорога открыта, средства для исполненія этого готовы.—Послѣдователямъ Екатерины остается только продолжать начатое ею дѣло.—

Еслибы не было французской революціи и не произошло отпаденія Австрійцевъ, Екатерина, вѣроятно, еще сильнѣе поколебала бы господство Турокъ; можетъ быть, даже замѣнила бы султана на константинопольскомъ престолѣ.

«Россія, говоритъ Ламартинъ, по поводу правленія этой императрицы: все шла, не останавливаясь, впередъ. Она очаровывала своимъ обаяніемъ воображеніе народовъ: представленіе о чемъ-то таинственномъ соединялось съ ея именемъ.» На эту таинственную судьбу и на «счастье молодости,»—выраженіе Ламартина,—постоянно надѣялись христіане Востока: неужели они будутъ опять обмануты послѣ пяти вѣковъ ожиданія и угнетенія?

Александръ I.—Съ XIX вѣка политика царей, по отношенію къ Турціи, измѣняетъ свой характеръ и свою тактику: въ основаніи она остается таже, но перемѣна ея заключается въ большей умѣренности и осмотрительности. Александръ I и его

преемники выжидаютъ удобнаго случая,—Екатерина не дѣлала этого. Программа Петра и Екатерины сохранена, но не думаютъ осуществить ее разомъ: дѣйствуютъ медленно, съ надеждою вѣрнѣе достигнуть цѣли.

Александръ I. вполнѣ раздѣляетъ мысли Екатерины Великой о политикѣ, которой Россія должна слѣдовать относительно сосѣдей на югѣ, и предвидитъ конечную судьбу ихъ имперіи; но войны Наполеона не позволяютъ ему посвятить всѣ свои силы на изгнаніе вѣчныхъ враговъ своей родины. Онъ никогда не теряетъ изъ виду «великую мысль» Петра и Екатерины, и только неблагопріятныя обстоятельства заставляютъ его отложить ея исполненіе.

При Тильзитскомъ свиданіи (1807) раздѣленіе Европы рѣшено между Наполеономъ и Александромъ: одинъ имѣетъ въ виду Западъ, другой—Востокъ. Императоръ Французовъ предоставляетъ русскому императору всю Европейскую Турцію, исключая столицы, изъ которой онъ хочетъ сдѣлать свободный городъ. «Ничего нельзя сдѣлать съ этими варварами, замѣчаетъ онъ, говоря о Туркахъ: мы должны заключить сдѣлку на ихъ счетъ.» Царь совершенно одинаковаго съ нимъ мнѣнія; ничто не

было бы ему такъ пріятно, какъ поднять снова Восточную имперію.

Борьба съ Турками, прекратившаяся съ 1792 года, началась снова: Михельсонъ завладѣлъ Яссами и Бухарестомъ; войска его занимаютъ Молдавію и Валахію, несчастныя земли, которыхъ собственное географическое положеніе заставляетъ быть постоянно между турецкою наковальнею и русскимъ молотомъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока наковальня не разлетится на куски.

Въ 1808 году Наполеонъ, въ собственноручномъ письмѣ, предлагаетъ царю раздѣленіе Оттоманской Имперіи между Франціей, Австріей и Россіей.

На второмъ свиданіи при Эрфуртѣ, 27 Сентября 1808 года, Александръ требуетъ у своего соперника «ключъ къ своему дому», т. е. Константинополю. Наполеонъ отвѣчаетъ отказомъ. «Константинополь одинъ, говоритъ онъ, стоитъ цѣлой имперіи и своему владѣтелю доставитъ управленіе цѣлымъ свѣтомъ». По словамъ Тьера, отдать Константинополь значило бы для императора «отдать будущее Европы». Менѣе великодушный, чѣмъ при Тильзитѣ, онъ соглашается только на присоединеніе Молдавіи и Валахіи. Въ своихъ воспоминаніяхъ съ острова Святой Елены, великій французскій за-

воеватель сказалъ: «я могъ раздѣлить съ Россіей Турецкую имперію; разговоръ объ этомъ былъ между нами не одинъ разъ; Константинополь всегда спасалъ Турцію. Эта столица была большимъ затрудненіемъ, настоящимъ камнемъ преткновенія. Россія желала пріобрѣсти ее; я не долженъ былъ на это соглашаться: это слишкомъ драгоцѣнный городъ; онъ одинъ стоитъ имперіи».

Турецкая кампанія продолжается; Русскіе овладѣваютъ Измаиломъ и Мангаліей и остаются побѣдителями подъ стѣнами Силистріи (1809 г.) Въ слѣдующемъ году этотъ пунктъ падаетъ, также и Базарджикъ; устрашенные Турки отступаютъ къ Шумлѣ. Здѣсь они также терпятъ пораженіе отъ Русскихъ, и борьба продолжается въ Балканскихъ проходахъ; между тѣмъ какъ турецкая флотилія на Дунаѣ была поражена, почти уничтожена, всѣ крѣпости, кромѣ Виддина, сдаются на капитуляцію генералу Каменскому.

Оттоманская имперія, казалось, погибла, потому что Русскіе могли со дня на день пойти на Адріанополь; но положеніе Наполеона спасаетъ ее.—Александръ, безпокоясь о походѣ нашихъ войскъ, отдаетъ приказаніе отступить, и Кутузовъ очищаетъ Болгарію. Миръ, ставшій необходимостью, заключенъ

въ Бухарестѣ (1812 г.) Магометъ II уступаетъ царю Бессарабію, и пограничной линіей дѣлается, вмѣсто Днѣстра, Прутъ и Дунай: въ первый разъ русская имперія касается рѣки, которая даетъ возможность имѣть сношеніе съ Чернымъ моремъ всему центру Европы.

Послѣ Парижскаго и Вѣнскаго трактатовъ, Александръ чувствуетъ необходимость отдохнуть и оставляетъ въ покоѣ Турцію. Онъ не покровительствуетъ проэктамъ Ипсиланти и не хочетъ поддержать того движенія, которое по своему происхожденію кажется ему революціоннымъ. Въ Веронѣ онъ сказалъ Шатобріану: «ничто, повидимому, такъ не согласовалось съ моими интересами, съ интересами моего народа, съ мнѣніемъ страны, какъ религіозная война съ Турціей; но я замѣтилъ въ смутахъ Пелопонеса признакъ революціи и воздержался отъ вмѣшательства.»

Это лучшая характеристика различія между политикой Екатерины II и Александра I. Одна не упускаетъ ни малѣйшаго случая, чтобы ослабить своего смертельнаго врага; другой заботится объ общихъ интересахъ Европы и объ исполненіи обязанностей, возлагаемыхъ на него условіями Священнаго Союза. Онъ жалѣетъ грековъ, но боится

совершить революціонный поступокъ, помогая имъ своимъ оружіемъ: еще разъ онъ откладываетъ великое дѣло династіи Романовыхъ. Можетъ быть, его рѣшеніемъ руководила боязнь увидѣть образующуюся новую греческую монархію, которая могла бы стать соперницей въ будущемъ.

Между тѣмъ ужасная рѣзня вызвала негодованіе Европы и взволновала петербургское правительство. Въ 1822 году, на островѣ Хіо 25000 человѣкъ, безъ различія возраста, пола и общественнаго положенія, были умерщвлены Турками и 45000 женщинъ и дѣтей проданы въ рабство; въ Константинополѣ греческій патріархъ сдѣлался жертвой народной ярости. Тогда царь обратился къ великимъ державамъ съ циркуляромъ, въ которомъ просилъ ихъ подумать о средствахъ предохранить подданныхъ Турціи отъ повторенія подобныхъ явленій и «принудить, силою оружія, къ исполненію условій, которое требовать отъ Порты обязываетъ его честь, соблюденіе трактатовъ, покровительство христіанской религіи и человѣколюбіе».

Императоръ не отказывается отъ традиціонныхъ намѣреній своихъ предшественниковъ, но онъ желаетъ сначала остановить «потокъ новыхъ идей»,

приписывая греческое возстаніе вліянію парижскаго комитета; онъ предоставляетъ его самому себѣ.

Александръ принялъ угрожающее положеніе и собралъ 280000 человѣкъ на Дунаѣ; но вскорѣ умеръ, не успѣвъ предпринять второй войны противъ султана. (1825).

Николай I.—Въ 1826 году новый императоръ подписываетъ Аккерманскій договоръ, который обезпечиваетъ независимость Сербіи.

Въ 1828 году онъ принимается за проэктъ Екатерины Великой и объявляетъ Портѣ войну: это естественное послѣдствіе Наваринской битвы, въ которой онъ участвовалъ.—

Маршалъ Виттгенштейнъ переходитъ Прутъ и занимаетъ Бухарестъ и Браиловъ: турецкія силы, какъ въ 1810 г. сосредоточиваются въ Шумлѣ.—

Меншиковъ осаждаетъ Варну 2-го Октября; Николай присутствуетъ при взятіи города; Силистрія сопротивляется, но Валахія во власти Русскихъ, а съ другой стороны Чернаго моря Паскевичъ беретъ Карсъ и многія другія крѣпости.

Въ слѣдующемъ году Дибичъ переправляется чрезъ Дунай и, послѣ сороконевной осады, овладѣваетъ Силистріей, затѣмъ, переходитъ Балканы и вступаетъ въ Адріанополь (Августъ 1829 г.) Въ Азіи

Паскевичъ беретъ Эрзерумъ и Байбуртъ и идетъ на Трапизондъ.

Николай пошелъ дальше Екатерины, но вдругъ онъ останавливается. Причина этого заключается въ развившейся болѣзни въ арміи: изъ 40000 Русскихъ, перешедшихъ Балканы, умерло 10000 въ теченіе нѣсколькихъ дней; 12000 погибло отъ моровой язвы, въ Бухарестѣ, 10000 въ Варнѣ, 6000 въ Адріанополѣ; короче сказать, русское войско потеряло 140.000 солдатъ и 50000 лошадей.— Русскіе уже на пути къ Константинополю, черезъ три дня передовыя части войска увидѣли бы храма Святой Софіи;—но необходимо было остановиться.

Въ запискѣ, адрессованной на имя великаго князя Константина, 12 Февраля 1830 года, графъ Нессельроде выражается такимъ образомъ по поводу Румелійской кампаніи.

«Отъ насъ зависѣло пойти на Византію и низвергнуть турецкую имперію въ 1829 году; ни одна держава не воспротивилась бы этому. Но по мнѣнію императора, эта монархія, принужденная существовать только подъ покровительствомъ Россіи и исполнять отнынѣ только ея желанія, лучше годилась для нашихъ политическихъ и коммерческихъ интересовъ, чѣмъ всякая новая комбинація,

которая заставила бы насъ, или слишкомъ расширить наши владѣнія завоеваніями, или замѣнить оттоманскую имперію государствомъ, которое не замедлило бы стать нашимъ соперникомъ по могуществу, цивилизаціи, промышленности и богатству».

Графъ прибавляетъ, что Россія хотѣла «сохранить то положеніе, при которомъ она могла бы стѣснять Турцію и угрожать ей разрушеніемъ, если бы она вздумала избавиться отъ тѣхъ условій существованія, которыя на нее наложили.»

По Адріанопольскому трактату (1829) Россія сохраняетъ пять крѣпостей съ смежною землею; пріобрѣтаетъ право на свободный проходъ въ Дарданельскій проливъ и свободное плаваніе по Черному морю, кромѣ того пріобрѣтаетъ устья Дуная. Порта признаетъ независимость Греціи, Сербіи и Придунайскихъ княжествъ.—

Не много времени спустя, возстаетъ Кавказъ и знаменитый Шамиль «имамъ черкесскій,» называвшій себя преемникомъ Магомета, начинаетъ страшную борьбу, которой императоръ Николай и конца не видитъ. Изгоняемый послѣдовательно изъ Акулхо и Дарго, онъ все ускользаетъ изъ рукъ преслѣдующихъ его войскъ.

Въ 1833 году міру пришлось быть свидѣтелемъ

необыкновеннаго явленія: 50000 Русскихъ спѣшатъ, сухимъ путемъ и моремъ, на помощь султану, которому угрожалъ Ибрагимъ-паша, сынъ Мехмета Али, вицекороля Египта.

Какую же цѣль преслѣдуетъ Николай дѣйствуя такимъ образомъ? Онъ хочетъ доказать безкорыстіе и пріучить Турцію къ своему высокому покровительству. Петербургскій канцлерскій домъ хранитъ въ своихъ архивахъ, какъ драгоцѣнность, письмо, въ которомъ султанъ Махмудъ II просилъ помощи у императора Николая противъ Египтянъ; надо сознаться, что это вещь дѣйствительно довольно любопытная для тѣхъ, кто знаетъ исторію обоихъ государствъ.

Портѣ остается только выражать благодарность; для этого есть одно средство,—подписать трактатъ, продиктованный ея покровителемъ, и Порта покорно соглашается на это.

Два трактата заключены въ Ункіары-Скелесси, одинъ открыто, другой секретнымъ образомъ: по-первому оба правительства заключаютъ наступательный и оборонительный союзъ; по второму Порта обязуется закрыть Дарданельскій проливъ для военныхъ кораблей всѣхъ державъ, кромѣ Русской.— Эти соглашенія обезпечиваютъ право религіознаго

вмѣшательства царя въ дѣла Оттоманской имперіи, предоставляютъ ему большія преимущества и предаютъ въ руки Россіи судьбы Турціи (1833).

Въ 1841 году Лондонскій трактатъ, заключенный между Турціей и великими державами, опредѣляетъ право послѣднихъ на мореплаваніе по Босфору и Дарданельскому проливу; воды проливовъ свободны отъ появленія военныхъ кораблей.

Со времени Адріанопольскаго договора (1829 г.) Россія «собирается съ силами», по особенному выраженію, и царь не отказывается отъ миссіи, возложенной на него національными преданіями.

Онъ хочетъ, чтобы его имперія жила жизнью одного человѣка, онъ знаетъ, что величайшія дѣла совершались стараніемъ единичной воли, сильной универсальнымъ повиновеніемъ.—

Его цѣль — увѣнчать дѣло Петра I занятіемъ Константинополя.—

Поэтому, въ началѣ 1853 года, спустя двадцать четыре года послѣ того, какъ происходила послѣдняя война, онъ находитъ, что время, въ которое Россія собиралась съ силами, было довольно продолжительно, и даетъ предписанія Меншикову, своему посланнику при дворѣ Блистательной Порты.

По пріѣздѣ въ Стамбулъ, представитель Петер-

бургскаго кабинета держитъ себя относительно Дивана гордо и таинственно.

Въ 1844 году императоръ предлагалъ Англіи Египетъ и островъ Критъ съ условіемъ, если она дастъ ему полный просторъ на Босфорѣ; въ январѣ 1853 года онъ возобновляетъ это предложеніе, которое согласуется съ намѣреніями, приписываемыми въ настоящее время нѣкоторыми публицистами Сентъ-Джемскому кабинету. Предложеніе это отклоняютъ: Англія считаетъ вознагражденіе недостаточнымъ.—

9-го Января 1853 года царь объявляетъ сэру Гамильтону Сэймуру, англійскому посланнику, что онъ не раздѣляетъ «мнѣній Екатерины II» и находитъ, что его имперія уже «слишкомъ велика»; но прибавляетъ: «Если Англія думаетъ утвердиться въ Константинополѣ,—я этого не допущу».

Нѣсколькими мѣсяцами позже онъ говоритъ о султанѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: »Этотъ *господинъ* не исполняетъ даннаго мнѣ слова и дѣйствуетъ крайне непріязненнымъ для меня образомъ»

Замѣтимъ мимоходомъ, что въ русскихъ народныхъ пророчествахъ 1853 годъ считался концемъ оттоманскаго владычества въ Европѣ. Событія какъ бы сами торопятся.—

Недовольный двусмысленнымъ положеніемъ, Абдулъ Меджидъ однажды отказывается принять посланника Россіи. 21-го мая этотъ послѣдній оставляетъ Константинополь, 3 Іюля русская армія переходитъ Прутъ, а англо-французскій флотъ немедленно появляется въ Безикской бухтѣ, при входѣ въ Дарданеллы.

4-го Октября Диванъ объявляетъ войну; тогда царь обнародываетъ манифестъ, въ которомъ выражаетъ свою заботу «о защитѣ православной вѣры на Востокѣ».

Омеръ паша одерживаетъ нѣсколько побѣдъ въ Валахіи, при Ольтеницѣ и Калафатѣ; но въ Азіи турки терпятъ пораженія; 30-го ноября турецкая флотилія сожжена въ Синопѣ; это новое Чесмское несчастіе, но менѣе роковое для имперіи падишаха.

Мы умолчимъ о перипетіяхъ войны, поддерживаемой Франціей и Англіей въ пользу турокъ, потому что эти событія не входятъ въ планъ нашего сочиненія и представляютъ воспоминанія, хотя и славныя, но не могущія внушить уваженіе къ восточной войнѣ. Въ это время мы проливали свою кровь и тратили деньги, для своихъ сосѣдей Англичанъ: не такъ мы понимаемъ иностранную политику.

Въ 1854 году Омеръ-паша дѣйствуетъ еще успѣшно: побѣждаетъ Русскихъ при Джурджевѣ.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 20000 Турокъ высадились въ Крыму, въ одно время съ союзниками.

Тогда Меншиковъ обращается къ русской арміи съ прокламаціей, по обычаю, религіознаго характера; она начинается такимъ образомъ: «христолюбивые воины, побѣдоносные, любовью къ Христу, непріятель осмѣлился завладѣть землею—колыбелью христіанства, мѣстомъ, гдѣ крестился великій князь Владиміръ. Богъ будетъ присутствовать въ вашихъ рядахъ и ангелы вмѣстѣ съ вами сражаться» —

Въ Азіи Турки, предоставленные своимъ собственнымъ силамъ, терпятъ постоянно неудачи: Русскіе, побѣдители при Карабуланѣ, овладѣваютъ Баязидомъ, крѣпостью, расположенною у подошвы горы Арарата.

2-го Марта 1855 года умираетъ императоръ Николай.

Александръ II.—3-го марта новый самодержецъ обнародываетъ манифестъ, въ которомъ проситъ провидѣніе помочь ему въ осуществленіи «намѣреній и желаній» его славныхъ предшественниковъ: Петра, Екатерины и Александра.

8-го Сентября союзники вступають въ Севастополь.

Такъ кончается эта война, исходъ которой былъ бы совсѣмъ другой, еслибы двѣ христіанскія націи не пришли на помощь къ смертельнымъ врагамъ креста: первый разъ приходится Россіи, въ своихъ вѣчныхъ войнахъ съ турками, быть вынужденной сражаться съ христіанскими противниками.—Результатомъ этой политики было то, что мусульманское иго продолжало тяготѣть надъ несчастными христіанскими подданными Турціи.

По парижскому трактату (30 марта 1856 г.) Черное море дѣлается нейтральнымъ и свободнымъ отъ появленія военныхъ кораблей всѣхъ державъ; кромѣ того, Россія и Турція обязуются не содержать и не учреждать вновь никакого военнаго арсенала на прибрежьѣ. Россія теряетъ границу по Дунаю и часть границы по Пруту; уступленная территорія присоединена къ Молдавіи, такъ что обѣ имперіи перестаютъ граничить между собою въ Европѣ. Наконецъ утвержденъ Лондонскій трактатъ, и входъ всякаго иностраннаго военнаго судна въ Дарданельскій проливъ и Босфоръ остается запрещеннымъ,

Въ 1871 году Парижскій трактатъ измѣненъ по-

вымъ договоромъ, подписаннымъ въ Лондонѣ, которымъ возвращается Россіи право содержать военные корабли на Черномъ морѣ.

Во время Сербской войны (съ 1-го Іюля по 1-е Ноября. четыре или пять тысячъ русскихъ волонтеровъ сражаются въ рядахъ Сербовъ; русская кровь проливается, особенно въ кровавомъ дѣлѣ при Джуніи (29 Октября). Ультиматумъ русскаго императора останавливаетъ Турокъ на дорогѣ въ Бѣлградъ и кладетъ конецъ войнѣ перемиріемъ, а затѣмъ и опредѣленнымъ мирнымъ договоромъ, 1-го февраля 1877 года.

Перечень русско-турецкихъ войнъ оконченъ: не слѣдуетъ ли изъ всѣхъ этихъ фактовъ, со всей очевидностью, что оба народа имѣютъ много причинъ считать себя вѣчными и неумолимыми врагами?

V.

Политика Россіи.

Наполеонъ I говорилъ:

«Еслибы я былъ царемъ, то, послѣ нѣсколькихъ моихъ походовъ, меня увидали бы въ Калэ, предписывающимъ свои законы всему міру. Содрогаться при мысли о такой массѣ, которую нельзя аттаковать ни съ какой стороны, которая стремится на васъ потокомъ, потопляющимъ все, если торжествуетъ, или удаляется въ глубь льдовъ, въ нѣдра разрушенія и смерти, сдѣлавшіяся ея резервами, а затѣмъ снова появляется, тотчасъ же, какъ освободится отъ враговъ, выгнанныхъ снѣгами и холодомъ».

«*Черезъ нѣсколько лѣтъ Россія будетъ владѣть Константинополемъ*, большей частію Турціи и всею Греціею. Почти всѣ ласки Александра, на мой взглядъ, имѣли цѣлью заставить меня согласиться на этотъ проэктъ. Я противился этому, предвидя, что равновѣсіе Европы будетъ нарушено... *По естественному ходу дѣлъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, Турція будетъ подъ властью Россіи*».

Пророчество соперника Александра I еще не исполнилось, но Россія не далеко отъ его исполненія.

Въ своей *Исторіи Консульства и Имперіи*, Тьеръ высказываетъ мрачныя предчувствія: «когда русскій исполинъ, говоритъ онъ, станетъ одной ногой на Дарданеллы, а другой на Зундъ, старый свѣтъ будетъ рабомъ».

Annuaire Lesur въ слѣдующихъ чертахъ характеризуетъ русскую политику:

«Всякое политическое предпріятіе, разъ рѣшенное въ Петербургѣ, будетъ неустанно преслѣдоваться, уничтожая всѣ препятствія, и безъ всякаго отлагательства. Особенная твердость теократическаго правленія въ Россіи, позволила ему сохранить неприкосновенной цѣль его дипломатическихъ традицій и періодически пользоваться, для исполненія своихъ намѣреній, всѣми

революціями, столь частыми въ Европѣ. Формальной цѣлью русской политики было *всегда* владѣніе Турціей. Лордъ Пальмерстонъ говорилъ, въ палатѣ общинъ, 31 марта 1854 года, что Россія, со времени Петра I, работала систематически, и никогда не уклоняясь надъ осуществленіемъ этого намѣренія. Увѣренность въ собственныхъ силахъ заставляетъ ее смотрѣть безъ нетерпѣнія на Оттоманскую имперію, какъ на наслѣдство, которое должно ей необходимо достаться.»

Оцѣнка, помѣщенная въ Annuaire представляетъ, на нашъ взглядъ, нѣкоторый интересъ, хотя и не есть вполнѣ точное выраженіе нашей мысли.

Въ 1853 году императоръ Николай объявилъ лорду Сеймуру, англійскому посланнику, что онъ не желаетъ ни видѣть Константинополь въ рукахъ другой державы, кромѣ Турціи, ни быть терпѣливымъ свидѣтелемъ возобновленія Греческой имперіи, ни допустить созданіе небольшихъ республикъ гдѣ бы господствовали Кошшуты и Маззини. «Лучше, чѣмъ терпѣть такія измѣненія, *я буду вести войну до тѣхъ поръ, пока останется въ моемъ распоряженіи одинъ солдатъ и одно ружье*».

Присовокупляя къ историческимъ фактамъ выра-

женія идеи русскаго народа, мы должны придти къ тому заключенію, что цѣль русской политики двоякая: вопервыхъ, вырвать христіанъ изъ подъ невыносимаго ига; во вторыхъ, обогатить и расширить страну завоеваніемъ Европейской Турціи. И мы не боимся сказать, что эта двойная цѣль благородна, величественна, достойна молодаго и сильнаго народа. Турки владѣютъ древней Греціей, дѣйствительно, на правахъ силы: если силой же ее у нихъ отнимутъ, они не должны будутъ жаловаться. Эта земля отнята у христіанъ,—справедливость требуетъ, чтобы она была возвращена имъ.

Это двоякое намѣреніе необходимо, неизбѣжно, нераздѣльно съ судьбою русскаго народа: нельзя удивляться, видя въ государяхъ Россіи стремленіе осуществить его всѣми способами, дипломатическими и военными. Русская политика терпѣлива, но постоянна и упорна.

VI.

Переписка Екатерины II съ Вольтеромъ.

Чтобы лучше понять идею императрицы Екатерины, въ отношеніи Турокъ, нужно прочесть переписку, которую она имѣла, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, съ Фернейскимъ философомъ; тамъ открывается глубина души ея, появляются въ полномъ свѣтѣ ея намѣренія....

15 Ноября 1768 года Вольтеръ писалъ ей:

«Съ Турками, воюющими съ вами, можетъ случиться то, что Петръ Великій имѣлъ нѣкогда въ виду,—это *сдѣлать Константинополь столицей Русской имперіи*. Ясно, что народъ, пренебрегающій наукой и искусствомъ и держащій взаперти

своихъ женщинъ, заслуживаетъ *истребленія.* Мустафа не долженъ противиться Екатеринѣ .. Я прошу у Вашего Величества позволенія явиться въ столицу и провести нѣсколько дней при дворѣ, когда она будетъ перенесена въ Константинополь, такъ какъ я вполнѣ серьезно думаю, что, *если Турки когда нибудь должны быть изгнаны изъ Европы, то это изгнаніе будетъ совершено русскими*».

17 Декабря Екатерина ему отвѣчаетъ:

«Если также легко воевать съ Турками, какъ было мнѣ нетрудно ввести прививаніе оспы, Вы рискуете въ скоромъ времени быть вынужденнымъ сдержать обѣщаніе, которое Вы мнѣ дали, выражая желаніе посѣтить меня въ томъ жилищѣ, гдѣ, говорятъ, погибли тѣ, кто его завоевалъ.

.....«Если успѣхъ этой войны будетъ на нашей сторонѣ, я буду много обязана моимъ завистникамъ: они мнѣ доставятъ такую славу, о которой я и не думала.—

«Тѣмъ хуже для Мустафа, если онъ не любитъ ни комедій, ни стиховъ. Ему будетъ неособенно пріятно, если мнѣ придется дать Туркамъ то-же представленіе, которое такъ хорошо исполняетъ труппа Паоли.

«При Вашемъ въѣздѣ въ Константинополь я по-

забочусь о томъ, чтобы на встрѣчу Вамъ вынесли прекрасное греческое одѣяніе, опушенное богатѣйшими мѣхами Сибири.»—

19 Декабря патріархъ, въ своемъ письмѣ къ императрицѣ, замѣчаетъ, говоря о турецкомъ султанѣ и его подданныхъ:

«Глупая гордость—вотъ отличительное качество этого человѣка! Всѣ государи Европы не дожны ли были бы отомстить за права людей которыя Порта нарушаетъ каждый день съ такой надменностью?

«Недостаточно вести счастливо войну съ этими варварами и потомъ окончить ее какимъ нибудь миромъ, недостаточно ихъ унизить: ихъ слѣдовало-бы *удалить навсегда въ Азію*».

27 Мая 1769 года онъ говоритъ государынѣ:

«Меня не удивило бы, если Ваше Величество производили смотръ своимъ войскамъ на дорогѣ въ Адріанополь».

Онъ думаетъ, что однажды на ея медаляхъ будетъ стоять надпись: *Екатерина, побѣдительница Оттоманской имперіи и умиротворительница Польши*».

14 Іюля Екатерина замѣчаетъ, говоря о Мустафѣ: «Это ужасный призракъ, которымъ надѣются меня устрашить»; и 15 Августа: «Если Мустафа еще

не побитъ, это не ваша ошибка, ни моя, ни моей арміи; *мои солдаты идутъ на войну, какъ будто-бы они шли на брачный пиръ»*.

Въ другомъ письмѣ Вольтеръ называетъ ее «Сѣверной Звѣздой» и прибавляетъ, что «всѣ Мустафы недостойны разуть ноги ея.»

Далѣе онъ молится за успѣхъ ея арміи:

«Да направитъ Борей Вашъ флотъ и заставитъ его идти въ Константинопольскій проливъ!... Леандръ и Геро, всегда находящіеся въ Дарданеллахъ, благословите русскій флотъ!»

Обожатель новой Семирамиды узналъ, что эскадра Екатерины оставила Балтійское море и направилась къ Архипелагу Ла-Маншемъ и Атлантическимъ океаномъ; онъ называетъ эту экспедицію «прекраснѣйшимъ предпріятіемъ со временъ Аннибала.»

При извѣстіи о взятіи Яссъ, онъ восклицаетъ, перефразируя Te Deum: «Te Catharinam laudamus; te Dominum confitemur».—

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1769 года онъ совѣтуетъ императрицѣ напасть на Константинополь одновременно «съ Понта Эвксинкаго и Эгейскаго моря» и повторяетъ мысль, которую онъ уже излагалъ предъ

нею: «Если турецкая имперія будетъ разрушена, то только Вашею силою.»

10 Марта 1770 года французскій философъ смѣется надъ султаномъ: «Рекомендую Мустафа Вашимъ храбрымъ войскамъ; нельзя ли ему будетъ отправиться въ Венецію провести карнавалъ 1771 года?» Онъ предсказываетъ царицѣ, что ея армія будетъ въ Адріанополѣ въ Іюлѣ мѣсяцѣ.

Екатерина сообщаетъ, смѣясь своему другу, что Мустафа отдалъ приказъ милліону Турокъ сосредоточиться въ Адріанополѣ, «чтобы взять Кіевъ, провести зиму въ Москвѣ и разорить Россію.» Флотъ ее мало безпокоитъ: «за недостаткомъ матросовъ на ихъ мѣста на военныхъ корабляхъ поставили садовниковъ гарема».

Вольтеръ желаетъ видѣть Екатерину «на тронѣ Мустафа»; онъ совѣтуетъ ей идти прямо на Константинополь и подписать мирный договоръ только въ сералѣ.

Послѣ Чесмской побѣды, отъ которой онъ былъ въ восхищеніи, онъ писалъ императрицѣ, съ цѣлью поздравить ее; онъ надѣется на то, что «женщины гарема будутъ вырваны изъ рабства, что флотъ Эгейскаго моря подастъ руку флоту Понта Эвксинскаго, и что Мустафа отправится въ Дамаскъ, или

Алеппо.» Онъ обращается къ послѣднему, въ одномъ изъ писемъ къ Екатеринѣ, съ такими словами: «Вы совсѣмъ невѣжливы, Мустафа; Вы должны бы были угождать ей и цѣловать ея прекрасныя руки, вмѣсто того, чтобы воевать съ нею.»

«Надо, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, чтобы *знамя Пророка* было отнесено прекрасными руками Екатерины на могилу Петра Великаго.»

Онъ совѣтуетъ Екатеринѣ заключить союзъ съ Маріей Терезіей, чтобы свергнуть съ трона султана: «Было бы, говоритъ онъ, великолѣпное зрѣлище видѣть, какъ двѣ императрицы будутъ тянуть за уши Мустафа, бить по щекамъ своими бѣлыми руками и станутъ отправлять его въ Азію.»

Онъ надѣется, что графъ Орловъ «построитъ тріумфальныя арки въ Стамбулѣ.»

Въ 1773 году Вольтеръ возвращается къ союзу Германіи и Россіи, противъ Турокъ; онъ совѣтуетъ Екатеринѣ сказать Маріи Терезіи:

«Милая Марія, вспомните что Турки два раза осаждали Вѣну, подумайте, что вы упускаете самый удобный случай, представлявшійся со времени Солимана, и что если допустить оправиться врагов святаго христіанскаго имени и искусствъ, эти проклятые Турки сдѣлаются, можетъ быть. ужас-

нѣе, чѣмъ когда либо.... Воспользуемся благопріятной минутой: Русскіе, Австрійцы и Пруссаки, устремимся на враговъ греческой и латинской церкви. Уступимъ прусскому королю, который незаботится ни окакой церкви, одну или двѣ провинціи —и отправимтесь ужинать въ Константинополь.»

Въ 1775 году престарѣлый философъ выражаетъ неудовольствіе на то, что Константинополь все еще въ рукахъ Турокъ, и что его лучшія надежды, исполненія которыхъ онъ такъ желалъ для своего августѣйшаго друга, еще не осуществились. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ онъ говоритъ Екатеринѣ:

«Мнѣ казалось *нелѣпымъ*, что имѣли возможность нанести такой ударъ и не сдѣлали этого; я увѣренъ, что потомство будетъ удивляться этому.»

Императрица сама немало досадовала на это и желала снова добиться своей цѣли, но ея Фернейскій другъ умеръ слишкомъ рано, чтобы видѣть ея новые успѣхи.

Ламартинъ не одобрилъ ни ненависти Вольтера противъ Турокъ, ни его добрыхъ пожеланій Россіи. «Этотъ великій умъ, говоритъ онъ, допустилъ себя быть ослѣпленнымъ славой новой имперіи, возни-

кающей на сѣверѣ, подъ мощной силой генія женщины. Онъ не предвидѣлъ еще универсальной русской монархіи.»

Очевидно, нашъ поэтъ зашелъ слишкомъ далеко, приписывая Россіи намѣренія «универсальной монархіи,» достаточно уже было для этой державы желать пріобрѣтенія Константинополя и береговъ Средиземнаго моря. Когда она осуществитъ мечту Петра, она удовлетворится покрайней мѣрѣ относительно Европы.—

VII.

Стремленіе къ морю.

Одинъ изъ сильнѣйшихъ двигателей, направляющихъ Россію къ Средиземному морю и Константинополю, есть, безъ сомнѣнія, необходимость создать себѣ выходъ въ море.

Достаточно бросить взглядъ на карту этого обширнаго государства, чтобы убѣдиться въ томъ, что оно заграждается со всѣхъ сторонъ: полярными льдами въ продолженіи половины года на Балтійскомъ морѣ, природой въ Каспійскомъ морѣ, наконецъ, въ Черномъ морѣ — пушками Босфора. И такъ! кто осмѣлился бы оспоривать у

Россіи право, уничтожить эти загражденія и создать широкій путь къ морскому сообщенію съ цѣлымъ свѣтомъ? Ей нуженъ выходъ, и природа даетъ его: это Босфоръ.—Константинополь необходимъ для Россіи, чтобы дать свободу ея силѣ и преуспѣянію.

Въ этомъ заключается весь Восточный вопросъ: Россія хочетъ владѣть морями.

Въ 1829 году князь Ливенъ и графъ Матуссевичъ говорили лорду Аббердину:

«Обезпеченіе свободнаго прохода въ Босфорѣ составляетъ нашу необходимость, потому что свободное плаваніе по Босфору и торговля русскаго государства неразрывно связаны между собою. Мы не можемъ позволить, чтобы капризъ какого нибудь визиря, любимца или султанши, останавливалъ произвольно торговое движеніе, прогрессъ общественной промышленности и промышленности частной въ нашихъ провинціяхъ».

Въ письмѣ, адрессованномъ, въ 1870 году, князю Горчакову, говорится:

«Торговля пашла новый путь и производится теперь Суэцкимъ каналомъ и Средиземнымъ моремъ; Россія, во чтобы то ни стало, требуетъ свободнаго движенія по морю. Если подумать, какія обширныя земли орошаются водами Днѣстра, Буга, Днѣпра и

Дона, и какія великолѣпныя гавани могли бы быть на берегахъ Азовскаго моря и Понта Эвксинскаго; становится очевиднымъ, что владѣніе Турціи Босфоромъ и Дарданельскимъ проливомъ крайне опасно для Россіи, и она не должна бы была ни одной минуты оставаться въ этомъ положеніи. Россіи слѣдовало бы овладѣть этими проливами, которые для нея въ высшей степени важны. Эти проливы представляютъ собою единственный способъ сбыта южныхъ продуктовъ, это порты торговли Средиземнаго моря съ цѣлымъ свѣтомъ. Закрытый для Русскихъ, Босфоръ убиваетъ ихъ торговлю».

Для Россіи необходимо не владѣніе Константинополемъ, а свободный проходъ въ проливахъ, и пока Турки будутъ сторожить ихъ, она его не получитъ. —

Говорили, что, если Россія пріобрѣтетъ Константинополь, Средиземное море не преминетъ сдѣлаться «русскимъ озеромъ»; такое опасеніе неосновательно. Другія державы: Испанія, Франція, Италія, Австрія имѣютъ гавани въ Средиземномъ морѣ: можно ли поэтому сказать, что это море стало испанскимъ, французскимъ, итальянскимъ, или австрійскимъ «озеромъ?» Нѣтъ, это *европейское озеро*, открытое для всѣхъ прибрежныхъ народовъ, и ко-

торое свободно бороздять корабли всѣхъ націй. Если Россія будетъ владѣть нѣсколькими гаванями въ Средиземномъ морѣ, если тамъ будетъ показываться ея военный флагъ, мореходство другихъ не будетъ черезъ это менѣе могущественно, менѣе свободно въ своемъ движеніи.

Многіе Англичане сами сознаютъ, что свободный проходъ по Босфору и Дарданельскому проливу русскихъ военныхъ кораблей не уничтожитъ морскаго превосходства ихъ страны.—

Въ рѣчи, произнесенной въ Бирмингамѣ, 4 Декабря 1876 года, Джономъ Брайтомъ, находимъ выраженія, которыя, намъ кажется, подсказаны чувствомъ доброты и справедливости:

«Неужели упадетъ небо, или будетъ смущенъ и обезчещенъ навсегда британскій флагъ, если полдюжины, десятокъ, или неопредѣленное число, смотря по обстоятельствамъ, русскихъ военныхъ кораблей будутъ свободно плавать по проливамъ,—которые устроены не Турками, ни Англіей, а самой природой, и естественно назначены быть открытыми для цѣлаго свѣта, между двумя морями, Средиземнымъ и Чернымъ.—

«Сдѣлается-ли англійскій флотъ менѣе могущественъ, если Русскіе будутъ въ состояніи идти той-же

дорогой? Вы знаете, что русскій флотъ можетъ теперь войти въ Средиземное море изъ Балтійскаго моря, черезъ Ла-Маншъ и Гибралтарскій проливъ, но этотъ путь очень длиненъ и опасенъ. Гораздо вѣроятнѣе, что Русскіе захотятъ имѣть—и это вполнѣ справедливо, на мой взглядъ,—принадлежащее имъ *право* на проходъ черезъ Дарданельскій проливъ и пожелаютъ, чтобы онъ былъ открытъ для мореходства всѣхъ націй въ мірѣ.

«Я желалъ бы знать, согласится ли Россія постоянно быть стѣсняема, какъ теперь, льдами на сѣверѣ и Англіей, посредницей Турокъ, на югѣ, и на то, чтобы ни одинъ ея корабль не могъ выдти на югъ, въ теченіе полугодія, по причинѣ льдовъ, и впродолженіи цѣлаго года, по волѣ правительства Англіи.—

«Такое положеніе кажется мнѣ невыносимымъ и невозможнымъ и не могло бы долго продержаться. Если бы мы были въ такомъ положеніи, что бы мы сдѣлали? Я нимало не сомнѣваюсь, что весь англійскій народъ единодушно сталъ бы доказывать, что мы имѣемъ полное право проѣзжать по этому единственному проливу; я думаю, что значительное меньшинство, а можетъ быть, и большинство моихъ со-

отечественниковъ рѣшилось бы требовать этого права первыми попавшимся подъ руку средствами».

Вотъ рѣчь, которая, конечно, можетъ показаться довольно странной въ устахъ Англичанина, а между тѣмъ ей апплодировали, что доказываетъ, что традиціонная политика Англіи далека отъ желанія слышать одобреніе отъ всѣхъ подданныхъ королевы Викторіи.

Россія хочетъ пріобрѣсти свободный проходъ въ проливахъ и имѣетъ основаніе желать этого, потому что это для нея право, опирающееся на возвышенныхъ и законныхъ интересахъ: нельзя удивляться, что этотъ главный пунктъ составляетъ часть программы ея политики, и что она готова добиваться этого, при необходимости, и силою оружія.—

VIII.

Ненависть.

Причины ненависти, существующей между Турками и Русскими, двоякаго рода: общія и частныя.

Между общими причинами самая сильная есть религіозная непріязненность, которая всегда одушевляла мусульман противъ христіанъ. Смертельный бой, начавшійся въ 622 году, между исповѣдующими ту и другую религію, еще продолжается и прекратится только тогда, когда настанетъ конецъ міру. Въ особенности за послѣдній годъ замѣтно, въ турецкой имперіи, ужасное пробужденіе мусульманскаго фанатизма, которое вызвало рѣзню въ Болгаріи и заставляетъ опасаться еще болѣе страшныхъ убійствъ.

Нельзя надѣяться, чтобы современная цивилизація смягчила слѣпой и кровавый фанатизмъ мусульманскихъ народовъ; какъ теперь, такъ и во времена пророка, ненависть къ христіанамъ была самымъ живымъ чувствомъ, первымъ дѣломъ вѣры, первымъ нравственнымъ правиломъ послѣдователей этого вѣроисповѣданія.

Въ высшихъ сферахъ турецкаго общества встрѣчаются нѣкоторые лучшіе умы, является нѣсколько скептиковъ, озаренныхъ свѣтомъ цивилизаціи, которые готовы допустить извѣстныя здравыя и справедливыя понятія относительно христіанъ; но ихъ мнѣніе только капля въ морѣ. Масса народа остается такой еще, какой всегда была и всегда будетъ: отъ глубины души презирающей «гяуровъ» и рѣшившейся обращаться съ ними, какъ съ собаками, какъ съ существами подлыми, которыя имѣютъ только право платить подати, доставлять рабынь и умирать.

Іосифъ де Мэстръ блистательно охарактеризовалъ взаимныя чувства мусульманъ и христіанъ:

«Турки остались тѣмъ же, чѣмъ были въ половинѣ XV вѣка, — татарами, укоренившимися въ Европѣ. Ничто не въ силахъ сблизить ихъ съ покореннымъ народомъ. Двѣ враждебныхъ вѣры мо-

гутъ вѣчно имѣть сношенія, но никогда искра любви не западетъ между ними. Здѣсь не можетъ быть ни договора, ни примиренія, никакой сдѣлки. Два народа не могутъ смотрѣть одинъ на другаго, или смотрятъ съ трепетомъ, какъ дѣти враждебной природы, которыхъ Создатель разъединилъ на вѣки.—Между ними преступленіе и смертная казнь. Магометъ II вошелъ въ Грецію, и право побѣды свирѣпствуетъ тамъ съ первоначальной суровостью; *пока между христіаниномъ и мусульманиномъ не прекратятся всякія сношенія, одинъ изъ нихъ долженъ погибнуть*».

Вотъ печальная истина, и скоро, можетъ быть, начнутся новыя жестокости, которыя подтвердятъ справедливость мнѣнія знаменитаго автора *Вечеровъ въ Петербургѣ*.

Можно ли думать, что сильная помощь, оказанная Турціи въ 1854 году двумя христіанскими націями, вызвала хотя малѣйшее чувство признательности и измѣнила отношенія послѣдователей Магомета къ «гяурамъ»? Султанъ есть «король королей», «князь земли»; слѣдовательно его «вассалы» —Франція и Англія, исполнили только «свой долгъ»,посылая войска и флотъ на помощь своему верхов-

ному владыкѣ, находившемуся въ опасности: благодарности здѣсь нѣтъ мѣста.

Одного примѣра будетъ достаточно, чтобы составить понятіе о чувствахъ турецкаго народа къ своимъ спасителямъ:

2-го Іюня 1854 года, въ ту минуту, когда султанъ Абдулъ-Меджидъ проѣзжалъ передъ англійскими войсками, одинъ дервишъ сказалъ ему, остановивъ за узду его лошадь: «Сынъ гяура, ты ввелъ *невѣрныхъ собакъ* въ имперію Ислама. Ты гяуръ, какъ и отецъ твой. Если ты хотѣлъ прогнать Русскихъ, отчего ты не призвалъ на помощь правовѣрныхъ, развернувъ знамя Пророка?! Мы бы всѣ обнажили шпаги; Русскіе были бы стерты съ лица земли, и ты сталъ бы царствовать въ Москвѣ. Да падетъ на тебя проклятіе пророка!»

Съ другой стороны, Русскіе также не отличаются нѣжностію.—

Нѣтъ такого изступленія, но ненависть одинаково неумолима. Къ религіозному антагонизму присоединилось, въ 1876 году, негодованіе, вызванное страшными убійствами въ Татаръ-Базарджикѣ и Батакѣ: стоны жертвъ раздавались отъ Севастополя до Архангельска, и народъ русскій поднялъ страш-

ный крикъ мщенія, заставившій содрогнуться Стамбулъ.

Вслушаемся въ жалобы несчастныхъ Болгаръ.

Краснорѣчивое описаніе ихъ находимъ въ *Запискѣ*, представленной великимъ европейскимъ державамъ, 14 Августа 1876 года.

«Невозможно, говорится въ этой запискѣ, составить даже приблизительнаго понятія о тѣхъ страданіяхъ, какія терпѣлъ несчастный болгарскій народъ, почти въ теченіе пяти вѣковъ, подъ унизительной властью Турокъ. Чудо даже какъ могъ онъ существовать до настоящаго времени, вѣчный мученикъ, назначенный служить передъ цивилизованнымъ міромъ живымъ свидѣтелемъ жестокостей своихъ угнетателей.

«Когда то народъ работящій и миролюбивый, Болгары, вотъ уже пять вѣковъ, какъ орошаютъ каплями своего пота землю, которую обработываютъ только для выгоды своихъ вѣчно ненасытныхъ притѣснителей.»

Въ вознагражденіе за это Турки смотрятъ на нихъ какъ на животныхъ, годныхъ только на извлеченіе изъ нихъ пользы: жизнь Болгарина, съ такимъ трудомъ пріобрѣтенное имущество, честь его имени, честь его домашняго очага, его жена и дѣти,—все

во власти мусульманъ, въ распоряженіи перваго встрѣчнаго заптія, истиннаго бича страны.

«Администрація есть ничто иное, какъ ловко организованная правительствомъ машина, для болѣе удобнаго эксплуатированія христіанъ Болгаріи.—

А вотъ объясненіе того, что такое правосудіе въ Турціи:

«Правосудіе тамъ только пустыя слова, служащія прикрытіемъ алчности и злоупотребленій мѣстныхъ властей, которыя, обыкновенно, причастны всѣ и безнравственнымъ дѣяніямъ, и всякаго рода злу. и насиліямъ, которыя заставляютъ сносить несчастныхъ Болгаръ.

«Угнетаемый, обкрадываемый Турками оскорбляемый на своей землѣ, заботливо имъ обработываемой, терпящій обиды и звѣрское обращеніе безо всякаго съ его стороны повода, вынужденный видѣть, какъ наругаются надъ его честью (и все это на глазахъ административныхъ властей), несчастный болгарскій райя не рѣшается даже жаловаться, въ увѣренности, что проиграетъ свое-дѣло предъ турецкимъ судомъ; и горе тому, кто, истощивъ послѣднее терпѣніе, осмѣлится прибѣгнуть къ законному праву самозащиты!»

Направляя баши-бузуковъ па Болгаръ, Порта, по

словамъ *Записки*, хотѣла «достигнуть совершеннаго истребленія».

«Тысячи убійствъ людей невинныхъ и безвредныхъ, грабежъ, сожиганіе селъ, оскверненіе церквей и школъ, насилованіе женщинъ, принудительное обращеніе въ магометанство, похищеніе женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей, безчисленныя оскорбленія, сотнями производимые аресты мнимовиновныхъ, тяжелыя цѣпи, удары штыкомъ по дорогѣ, невообразимыя мученія въ тюрьмахъ, пыткой вырванныя ложныя признанія, страшная смерть на висѣлицѣ, систематическое преслѣдованіе школьныхъ учителей, оскорбленія, наносимыя почтеннымъ священникамъ, уважаемымъ лицамъ, отцамъ семействъ, дурное обращеніе со всѣмъ, что есть въ Болгаріи образованнаго, талантливаго или богатаго,—такъ какъ виновники этихъ отвратительныхъ дѣлъ хотѣли убить нетолько тѣло, но и душу болгарскаго народа:—вотъ какими поступками турецкое правительство хотѣло дать почувствовать этому народу признаки новой эры, открывавшейся для имперіи!

«*Возможно-ли, послѣ всего этого, думать, что этотъ несчастный народъ долженъ быть осужденъ оставаться еще долѣе подъ унизительнымъ игомъ, тяготѣвшимъ надъ нимъ впродолженіи*

пяти вѣковъ? Какое же преступленіе противъ человѣчества совершилъ онъ, заслуживъ въ Европѣ такую жестокую судьбу?»

Въ письмѣ, адрессованномъ, 6 ноября 1876 года, на имя Пештскихъ студентовъ, объявившихъ о своихъ симпатіяхъ къ Туркамъ,—студенты Московскаго университета обращаются къ нимъ (студентамъ) съ слѣдующими словами:

«Можно ли вѣрить, что борьба, выражающаяся въ осквернепіи предметовъ, священныхъ для каждаго христіанина, въ тысячахъ убійствъ мирныхъ жителей, безъ различія возраста и пола, въ изнасилованіи женщинъ и дѣвушекъ, умерщвленіи грудныхъ младенцевъ, бросаемыхъ на пики, борьба, позволяющая сдирать кожу съ жителей, бросать въ пламя беззащитныхъ, отрѣзать у нихъ руки и ноги, предавать этихъ несчастныхъ всѣмъ ужасамъ тѣлесныхъ и нравственныхъ страданій, которыя могла выдумать только изобрѣтательность народа «вашей крови», борьба, въ которой нѣтъ помилованія раненому врагу и гдѣ, безъ малѣйшей искры милосердія жарятъ его на медленномъ огнѣ, борьба, которая обращаетъ въ пустыни цѣлыя провинціи, когда то богатыя и цвѣтущія, борьба, которая мечъ разрушенія держитъ въ одной рукѣ и огонь ист-

ребленія въ другой,—можно ли вѣрить, что эта борьба называется у Венгровъ «борьбой за европейскую цивилизацію?»

Въ брошюрѣ, напечатанной въ Сентябрѣ 1876 года, прежній глава Сентъ-Джемскаго кабинета, Гладстонъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ высказывалъ свое негодованіе противъ Турокъ:

«Нѣтъ ни одного преступника въ европейскихъ тюрьмахъ, ни одного дикаря на Австралійскихъ островахъ, негодованіе котораго не достигло бы крайнихъ предѣловъ, при разсказѣ о томъ, что дѣлалось, о чемъ узнали слишкомъ поздно и за что не было отомщено, о томъ, что оставило за собою слѣды всѣхъ позорныхъ страстей, и что можетъ опять совершаться въ другой жатвѣ смерти, на почвѣ, обагренной кровью, въ воздухѣ, зараженномъ всѣми преступленіями, всѣми ужасами. Уже въ одномъ томъ, что подобныя вещи разъ могли случиться, заключается стыдъ за тѣхъ, кто это совершилъ; *оставить дверь открытою, для того, чтобы онѣ могли* еще когда нибудь повториться, значило бы заклеймить позоромъ все человѣчество. Мы можемъ перерыть всѣ лѣтописи, но не знаю, найдемъ ли хотя одинъ такой чудовищный примѣръ ужасныхъ заблужденій властей, назначенныхъ Богомъ «для

наказанія дѣлающихъ зло и поощренія дѣлающихъ добро?».—

«Никакое правительство не совершало никогда такихъ грѣховъ, никакое правительство не казалось въ нихъ такимъ неисправимымъ, или, что одно и тоже,—такимъ безсильнымъ исправиться. Если исполнительная власть Турціи возобновитъ, во время этого страшнаго кризиса, съ позволенія или при поддержкѣ Европы, свое существованіе въ Болгаріи, то трудно будетъ найти въ исторіи, съ самаго начала политическаго общества, примѣръ такого протеста, который люди окажутъ невыносимой тираніи, заклейменной именемъ преступленія. Но мы надѣемся, что, по прошествіи нѣкотораго времени, умные и энергическіе совѣты державъ, вновь соединившихся, начнутъ приносить облегченіе тяжкому движенію трепещущаго народа».

27-го Января, въ Таунтонѣ, тотъ же государственный человѣкъ восклицалъ:

«Жестокость, предательство, ложь, сладострастіе, —всѣмъ этимъ, въ громадныхъ размѣрахъ, отличались дѣйствія турецкаго правительства. Между тѣмъ отрицали эти преступленія, и ихъ виновникамъ не было отплачено; и теперь Турція говоритъ, что дѣлать, по требованію иностранныхъ державъ,

уступки для лучшаго управленія своими подданными, значило бы дѣйствовать несогласно съ собственнымъ достоинствомъ и честью!»

И пусть не говорятъ намъ, что одинъ Гладстонъ такъ думаетъ, и что на его голосъ отвѣчаетъ только безсильное эхо. Вотъ что писалъ лордъ Дэрби сэру Элліоту, посланнику при Константинополѣ, 5 Сентября 1876 года:

«Мой долгъ налагаетъ на меня обязанности сообщить вамъ, что послѣднее чувство расположенія, которое наша страна могла питать до сихъ поръ къ Турціи, подавлено плачевными происшествіями въ Болгаріи. Разсказъ объ оскорбленіяхъ, наносимыхъ турецкими войсками несчастному народонаселенію, не имѣющему возможности сопротивляться, *вызвалъ чувство всеобщаго негодованія во всѣхъ классахъ англійскаго общества* до такой степени, что, въ крайнемъ случаѣ объявленія Россіей войны Турціи, было бы абсолютно невозможно для правительства Ея Величества вступиться за Оттоманскую имперію.»

Можно сказать, къ чести человѣчества, что это чувство было всеобщимъ во всемъ цивилизованномъ свѣтѣ, и если бы въ тотъ моментъ, когда извѣстіе объ убійствахъ распространилось по Европѣ,

русская армія перешла Прутъ и быстро направилась бы противъ Турецкаго государства, ее бы сопровождали благія пожеланія всего цивилизованнаго общества. Теперь негодованіе утихло, но впечатлѣніе было глубоко и не скоро изгладится.»

Возвратимся къ Болгаріи.

Бельгійскій путешественникъ, Г. Негуль, писалъ 22-го Декабря 1876 года:

«Нужно видѣть эти богатыя Дунайскія провинціи, богатыя по природѣ и бѣдныя отъ руки Турокъ, чтобы судить объ ужасномъ гнетѣ, подъ которымъ, въ мирное время, томятся Болгары. Этотъ трудолюбивый народъ страдаетъ на полѣ съ утра до ночи. Съ величайшимъ стараніемъ обработываетъ онъ свою землю. И когда настанетъ время уборки хлѣба, который онъ уже сжалъ и связалъ въ снопы, онъ, прежде чѣмъ собрать его въ житницу, долженъ дожидаться прихода сборщика податей; часто этотъ послѣдній опаздываетъ; до его появленія идетъ дождь, и тогда, какъ я видѣлъ собственными глазами, готовые снопы покрываются зеленью. Хлѣбъ, подъ вліяніемъ сырости и солнечной теплоты, начинаетъ рости на собственной соломѣ, какъ бы находился въ землѣ. Уборка хлѣба оказывается совершенно плохой; крестьянинъ зимой долженъ

отъ всего отказаться; незначительное количество оставшагося хлѣба и припасовъ, — онъ долженъ защищать еще отъ коршуновъ государственной казны, которые на земледѣльцахъ вымещаютъ свою собственную праздность.

«Нѣтъ ничего печальнѣе на видъ и бѣднѣе хижинъ изъ глины этихъ несчастныхъ,—жилищъ, въ которыя мы не захотѣли бы помѣстить даже своихъ собакъ и свиней. А вотъ каково обезпеченіе собственности. Въ обыкновенное время, когда царствуетъ миръ, жизнь христіанина защищена также, какъ и его имущество. Онъ будетъ убитъ мусульманиномъ, и ни одинъ изъ его единовѣрцевъ не можетъ показать на убійцу — магометанина; притомъ и показаніе то его предъ турецкимъ судомъ считается недѣйствительнымъ.. Сто разъ въ день Болгаринъ долженъ удостовѣряться, цѣла ли еще его голова на плечахъ, и при каждомъ приближеніи Турка невольно страшится за нее. Если будутъ его оскорблять или похитятъ его дочь, жену, онъ долженъ покориться этому и молчать, если не хочетъ навлечь еще большихъ несчастій на свой домъ. Ѣдетъ ли онъ на лошади и встрѣчается съ послѣднимъ турецкимъ нищимъ, онъ обязанъ сойти на землю и ждать, пока пройдетъ мимо его повели-

тель въ лохмотьяхъ, а затѣмъ можетъ продолжать свой путь. *Надо подумать объ уничтоженіи этого безобразнаго управленія, подобія ада на землѣ*».

Прочтемъ еще слѣдующее мѣсто изъ донесенія Шуйлера, генеральнаго консула Соединенныхъ Штатовъ, о болгарскихъ убійствахъ:

«Баши-бузуки, отнявъ у поселянъ деньги и всякаго рода цѣнности, которыми тѣ владѣли, собрали самыхъ красивыхъ дѣвушекъ Батака и увели ихъ въ горы, гдѣ несчастныя сохранялись для удовлетворенія страстей этихъ разбойниковъ. Послѣ того начались убійства, которыя невозможно описать: женщины, молодыя дѣвушки, дѣти—были умерщвлены въ домахъ и на улицахъ, мужчинамъ отрубали головы. Очень немногимъ удалось избѣжать смерти, большинство же жителей были убиты самымъ варварскимъ образомъ. Жена Вранко нашла обезглавленными трупъ своего мужа и сына Тріандафиля.—

«Самъ Тріандафиль былъ посаженъ на колъ, обложенный кругомъ хворостомъ, который и зажгли. У беременныхъ женщинъ разрѣзали животъ и ихъ дѣтей сажали на штыки. Школа была сожжена вмѣстѣ съ 200 женщинъ и дѣтей, которыя тамъ на-

ходились. Другіе дома, гдѣ заперлись двадцать или тридцать женщинъ, превратились въ пепелъ со всѣми, кто тамъ былъ. Остальные жители искали убѣжища въ церквахъ и на кладбищахъ, но и тамъ не спаслись отъ ужасныхъ баши-бузуковъ. Нефть, солома и факелы были употреблены для зажженія деревянныхъ построекъ внутри церкви, сабли и ружья дѣлали остальное. Молодыя дѣвушки, которыхъ увели за городъ, подверглись всевозможнымъ оскорбленіямъ, и затѣмъ были обезглавлены.

«Я посѣтилъ Батакъ 1-го Августа. При входѣ въ село я замѣтилъ яму, вырытую около горы; въ этой ямѣ я насчиталъ болѣе сотни головъ, отрѣзанныхъ острымъ оружіемъ. По небольшому размѣру череповъ и по пучкамъ волосъ, которые еще на нихъ остались, можно было безошибочно заключить, что это все женскіе черепа. Множество собакъ, глодавшихъ кости, разбѣжались при моемъ приближеніи; далѣе поля были покрыты черепами и скелетами.

«Обвиняютъ Болгаръ въ возстаніи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ: фактъ этотъ не доказанъ. Во всякомъ случаѣ, ужасы, которые были совершены за нѣсколько мѣсяцевъ до страшныхъ убійствъ мая 1876

года, вполнѣ оправдывали способы защиты и попытки къ сопротивленію такой безобразной администраціи.»

Вотъ что было напечатано въ двухъ Константинопольскихъ журналахъ: *Напредакъ*, 6 ноября 1875 года, и *Восточномъ Геральдѣ*, 8 числа того же мѣсяца:

..... «Заптіи, прибывшіе въ одно мѣсто для сбора податей, собираютъ женщинъ, заставляютъ ихъ стать въ кругъ и приказываютъ смотрѣть, не сводя глазъ, на солнце; наносятъ удары дубиной тѣмъ несчастнымъ, которыя поднимаютъ руку, чтобы отереть льющіяся слезы. Потомъ, когда наступила ночь, тѣ-же заптіи собираютъ мужчинъ и женщинъ, кладутъ въ огонь желѣзную полосу, нагрѣваютъ ее до тѣхъ поръ, пока покраснѣетъ, и приказываютъ каждой парѣ ходить босыми ногами по раскаленному желѣзу; но такъ какъ никто не рѣшался на это, они бьютъ этимъ раскаленнымъ желѣзомъ.»

Корреспонденція изъ Казанлыка, 24 Октября 1875 года, напечатанная въ одно время въ *Напредакъ*, *Стамбулъ* и *Восточномъ Геральдѣ*, была слѣдующаго содержанія:

..... «Чтобы вы могли составить себѣ понятіе о совершенныхъ жестокостяхъ, достаточно сооб-

щить вамъ, что нѣкій Юсъ-баши (капитанъ), по-имени Курджи-Османъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ полковъ, прибывъ въ одно село, сковалъ цѣпями нѣкоторыхъ изъ знатнѣйшихъ крестьянъ; и послѣ многихъ мученій и пытокъ надъ ними, положилъ имъ на обнаженную грудь воспламененныя губки и тяжелые накаленные камни. Онъ освободилъ ихъ только тогда, когда вынудилъ ихъ заплатить ему нѣсколько ливровъ.»

Корреспондентъ *Стамбула* писалъ 16 ноября 1875 года:

«Мусульмане деревни Сульмхи подожгли жилища Болгаръ, стрѣляя въ тоже время изъ ружей. Пораженные удивленіемъ и въ необыкновенномъ страхѣ Болгары вышли изъ своихъ домовъ. Въ туже минуту они были окружены многочисленными мусульманами, которые стрѣляли въ нихъ, убивая и раня многихъ. Тѣ, которые были взяты живыми, должны были вытерпѣть жестокія мученія. Напавшіе жгли однимъ волосы, другимъ прокалывали языки докрасна раскаленнымъ заостреннымъ желѣзомъ и заставляли ихъ танцовать разутыми ногами по кучѣ колючекъ; третьимъ опутывали шеи раскаленными цѣпями. Нѣсколько Болгаръ, которымъ удалось спастись, поспѣшили сообщить о случив-

шемся мѣстной власти, которая арестовала нѣкоторыхъ мусульманъ, но вскорѣ освободила ихъ.»

Конечно, послѣ такихъ страшныхъ происшествій, возмущеніе сдѣлалось обязанностью; но ужасъ, внушенный турками, былъ такъ силенъ, что общаго движенія не могло произойти: только очень значительное число Болгаръ, вооружившись, оставили свои поля и удалились въ горы, чтобы подумать о защитѣ. Вотъ что Порта называетъ возстаніемъ.

Нужно-ли прибавлять, что всѣ эти преступленія остались безнаказанными также, какъ и убійство консуловъ въ Салоникахъ? Вопреки всѣмъ представленіямъ англійскаго посланника и его товарищей, главные виновники всѣхъ этихъ ужасовъ, тѣ, кто приказывалъ совершать ихъ: Шефкетъ-паша, Туссумъ-Бей, Ахметъ-Ага,—они не только не были привлечены къ суду, но напротивъ получили повышеніе въ чинѣ и были осыпаны всевозможными почестями. Вотъ примѣръ турецкаго правосудія!

А со времени пресловутой конституціи Мидхатъ-паши, которая должна была слить въ одинъ народъ всѣхъ подданныхъ султана и возвратить Турціи золотой вѣкъ, положеніе, разумѣется, измѣни-

лось? Судить объ этомъ можно по слѣдующему извлеченію изъ корреспонденціи изъ Аѳинъ. адресованной, въ январѣ 1877 года, въ Nord Deutsche Zeitung:

«Не за долго до окончанія конференціи Турки сочли нужнымъ показать, на какія удовольствія христіане могутъ надѣяться въ «конституціонной» Турціи; такъ какъ Болгарія вся напиталась кровью отъ послѣднихъ убійствъ, то слѣдовало христіанамъ другихъ провинцій подставить подъ ножъ свое горло. Мы знаемъ изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ, что, въ первую ночь праздника байрама, шайки турецкихъ убійцъ напали на селеніе Балустіа, въ Македоніи. Пятеро христіанскихъ жителей, родомъ Греки, умерли подъ кинжалами этихъ разбойниковъ.

«Въ припадкѣ бѣшенства жена одной изъ жертвъ, желая спасти жизнь своему супругу, разбила черепъ одному изъ этихъ разбойниковъ и въ ту же минуту, въ свою очередь, сама пала мертвой. Между тѣмъ злодѣи, испугавшись, обратились въ бѣгство, захвативъ съ собою трупъ товарища, и только благодаря этому бѣгству другіе христіанскіе жители Балустіи могли жить и были на время спасены.

«Отдѣльныя убійства въ Македоніи въ порядкѣ вещей, и всегда христіанамъ приходится умирать отъ сабли или пули мусульманъ. Турки, повидимому, слѣдуютъ *системѣ преднамѣреннаго истребленія* и поставили себѣ задачей достигнуть, этимъ кровавымъ путемъ, обращенія въ магометанство европейскихъ провинцій.»

22-го Февраля писали изъ Албаніи въ *Вѣнскую Прессу*:

«Въ одной деревнѣ, въ окрестностяхъ Причтины, шайка Турокъ проникла въ домъ одного крестьянина, который находился тамъ только съ двумя женщинами и нѣсколькими дѣтьми. Наиболѣе молодой изъ этихъ двухъ женщинъ Турки приказали приготовить для себя хорошій обѣдъ. По окончаніи обѣда они заперлись съ несчастными созданіями и, черезъ нѣсколько времени, вышли изъ дома, забравъ съ собою все, казавшееся имъ подходящимъ и оставивъ полумертвыхъ и раздѣтыхъ женщинъ распростертыми на полу. Возвращаясь домой, эти злодѣи хотѣли зайти на постоялый дворъ (*ханъ*), а такъ какъ *ханджи*, который былъ христіаниномъ, не хотѣлъ впустить ихъ, то они убили его. На молодую крестьянку, возвращавшуюся въ свою деревню, напали двое Турокъ, сняли съ

нея платье, обезчестили ее и оставили на дорогѣ, совершенно безо всякой одежды.

«Недавно нѣсколько Арнаутовъ вошли въ домъ одного крестьянина Серба и потребовали, чтобы онъ имъ тотчасъ выдалъ 500 піастровъ, въ видѣ выкупа за его двѣнадцатилѣтняго сына, угрожая умертвить его сына, если онъ имъ не вручитъ этой суммы. Несчастный отецъ, не имѣвшій 500 піастровъ, просилъ ихъ взять все, что было въ его домѣ, или явиться черезъ нѣсколько дней, обѣщая имъ добыть въ этотъ промежутокъ времени, назначенную сумму. Разбойники не соглашались; тогда несчастный, въ отчаяніи, бросился къ ихъ ногамъ, умоляя убить его самого, но оставить въ живыхъ его сына.

«Напрасныя мольбы! Злодѣи еще разъ повторили свое требованіе, и такъ какъ отцу не было возможности удовлетворить ихъ, одинъ изъ разбойниковъ вонзилъ свой кинжалъ въ грудь ребенка на глазахъ этого несчастнаго. Послѣ такого ужаснаго преступленія они разграбили бѣдное жилище и ушли, какъ ни въ чемъ не бывало. Вотъ еще жертва, павшая подъ ножемъ убійцъ, а между тѣмъ не осмѣливаются даже выражать свое сожалѣніе объ ней; сосѣди опасаются собираться вмѣ-

стѣ и высказывать свое негодованіе, при видѣ горести отца, тогда какъ разбойники, хорошо извѣстные правительству, открыто прогуливаются повсюду, хвалясь своими подвигами и довольные тѣмъ, что принесли еще новую жертву Аллаху.

«Похищеніе Турками молодыхъ дѣвушекъ не прекращается. Если время отъ времени удается открыть прибѣжище обольстителя и его жертвы, эта послѣдняя объявляетъ, что она по своей волѣ убѣжала изъ родительскаго дома и намѣрена принять магометанскую религію. Съ этой минуты все кончено. Ясно, что обольщенныя дѣвушки говорятъ такъ только потому, что надъ ними испытали всю непреодолимую силу страшныхъ угрозъ».

16-го Марта, оттуда же, писали слѣдующее въ вѣнскую *Политическую Корреспонденцію*.

«Высокомѣріе и дерзость Турокъ достигли высшей степени въ старой Сербіи съ тѣхъ поръ, какъ Сербія заключила миръ съ Портой, и князь Миланъ согласился снова быть подвластнымъ Турціи. Они смотрятъ на христіанъ, и въ особенности на Сербовъ, съ такимъ пренебреженіемъ и презрѣніемъ, какія трудно себѣ представить; а что касается до общественной безопасности,—она существуетъ только въ воображеніи. Въ Причтинѣ воровство, грабежъ

и убійство —обычныя явленія. Ночи не проходитъ безъ того, чтобы тотъ или другой христіанинъ не былъ ограбленъ или убитъ.

«Паника достигла такихъ размѣровъ, что христіане не смѣютъ болѣе выходить ночью изъ дому, и даже днемъ совершаются возмутительныя преступленія. Причтину, гдѣ нѣтъ еще консульства, посѣтили консулы другаго города для того, чтобы собственными глазами убѣдиться въ положеніи тамошнихъ дѣлъ, и, какъ и слѣдовало ожидать, возвратились съ грустнымъ сознаніемъ, что жизнь въ этомъ городѣ невыносима. Сообщаютъ, правда, о такомъ положеніи компетентнымъ властямъ; но, какъ всегда, всѣ такія попытки остаются безплодными.

«Сербы вынуждены закрывать храмы, изъ боязни, чтобы магометане не напали на православныхъ во время службы и не убили ихъ. Вслѣдствіе ужаса, внушаемаго этими варварами, закрываютъ школы, чтобы спасти дѣтей отъ ихъ звѣрства. Турки, пользующіеся извѣстнымъ уваженіемъ и находившіеся въ послѣднее время среди насъ, открыто высказывали слѣдующую мысль: Надо уничтожить мятежниковъ, надо нанести имъ послѣдній ударъ!

«Страсти, бродящія въ сердцахъ Турокъ, частью

подерживаются самимъ правительствомъ. Чтобы заставить ихъ охотнѣе платить военныя подати, пускаютъ въ ходъ мысль, что Россія намѣрена раздробить Турцію, посягнуть на религію правовѣрныхъ и обратить ихъ въ рабство. Стараются обрисовать эту опасность самыми мрачными красками, и вся тяжесть ненависти и ожесточенія Турокъ падаетъ, по преимуществу, на христіанъ—Сербовъ.»

28 Марта 1877 года писали изъ Мостара въ *Вѣнскую Прессу*:

«Въ Петровацѣ, въ началѣ послѣдней недѣли, каймаканъ Тэрбей-Кулиновичъ призвалъ къ себѣ семейство Крецманъ, съ цѣлью примириться съ нимъ послѣ долгой, переходившей изъ поколѣнія въ поколѣніе, вражды. Семейство это отозвалось на это приглашеніе, женщины и дѣти явились на назначенное свиданіе. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого мнимаго примиренія на вышеупомянутое семейство было совершено ночью нападеніе. Четырнадцать мущинъ были убиты въ этой рѣзнѣ, женщины подверглись всевозможнымъ оскорбленіямъ, дѣти были умерщвлены на глазахъ родителей. Такимъ образомъ Кулиновичъ утолилъ свою жажду мести въ отношеніи семейства, которое онъ ненавидѣлъ.»

Вотъ преступленія Турокъ; вотъ мотивы негодованія Россіи, Европы, человѣчества. Вотъ что мусульмане не переставали дѣлать повсюду въ продолженіи 1294 лѣтъ (теперь 1294 годъ гежры). Въ Оттоманской имперіи каждый день ознаменованъ убійствомъ многихъ христіанъ, изнасилованіемъ или похищеніемъ многихъ женщинъ, ограбленіемъ многихъ жителей; ежедневно прибавляется нѣсколько злодѣйствъ къ списку преступленій мусульманъ. Теперь, по мнѣнію Россіи, этотъ списокъ достаточно длиненъ для того, чтобы вызвать съ ея стороны вмѣшательство. Если бы Европа хотѣла этого, Европа располагающая многими милліонами войска, она скоро бы очистила свою землю отъ оттоманскаго господства; но она колеблется, остается въ бездѣйствіи. Вотъ почему Россія беретъ въ свои руки дѣло человѣчества и цивилизаціи и принимаетъ на себя, *на себя одну*—весь трудъ исполненія желаній Европы.

Какова будетъ послѣдующая судьба Придунайскихъ княжествъ и европейскихъ провинцій Турціи? — Мы не станемъ вдаваться въ разборъ этого вопроса. Мы желаемъ только, по чувству человѣколюбія, чтобы оттоманское иго было уничтожено, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, и чтобы Греки

и Славяне христіанскаго вѣроисповѣданія могли жить въ безопасности.

Въ то время, когда Россія-освободительница задумываетъ свои проэкты, міръ мусульманскій возмущается въ Сиріи, Месопотаміи, Египтѣ, вплоть до Индіи.

Въ Константинополѣ столицы газетъ были наполнены и стѣны покрыты прокламаціями, дышащими сильнѣйшею 'ненавистью.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1876 года, слѣдующая прокламація была прибита софтами къ дверямъ дворца министровъ:

«Гяуры, которымъ угрожаетъ опасность разлетѣться въ прахъ предъ нашей побѣдоносной арміей, эти *нечестивые народы* Европы молятъ мусульманъ о снисхожденіи. Приготовляющіе въ настоящую минуту трактаты, обратите вниманіе на слѣдующее сообщеніе. Если вы заключите миръ, безъ согласія послѣдняго турецкаго нищаго, въ какой бы формѣ онъ ни былъ заключенъ, мы клянемся святымъ именемъ Пророка, что вы *будете посажены на колъ*, со всѣми своими женами и дѣтьми, на площади Сераскиріата. Вотъ условія, какія турецкій народъ и побѣдоносная армія налагаетъ на *нечестивую Европу*:

«1.) Мы не желаемъ болѣе ни Сербіи, ни Черногоріи, ни Молдо-Валахіи; однимъ словомъ, мы не хотимъ болѣе этого *навоза—гяуровъ.* Эти земли вполнѣ должны быть разсматриваемы, какъ вилайеты, составляющіе часть Турціи.

«2.) Нужно, чтобы Россія заплатила намъ значительное военное вознагражденіе и уступила намъ Крымъ съ Чернымъ моремъ и всѣми его берегами.

«3.) Мы требуемъ отъ Европы—торжественной клятвы не вмѣшиваться болѣе въ дѣла Турціи.

«Если будетъ поступлено иначе, вы погибли!»

«Сыны Пророка.»

Въ январѣ 1877 года, улемъ Фирзи-Эффенди, считавшій себя поэтомъ, сочинилъ воинственную пѣсню, которая имѣла очень большой успѣхъ. Вотъ ея переводъ, заимствуемый нами у корреспондента газеты Temps:

«Мы счастливы и своей религіей и своимъ государствомъ; имя наше на устахъ всѣхъ людей; мы предметъ всѣхъ разговоровъ; мы—воинственный народъ, съ смертоноснымъ мечемъ въ рукахъ; сыны героевъ—мы герои сами. Мечъ воина облагорожи-

вастъ дурныя дѣянія и блескомъ стали озарятъ исторію.

«Для насъ, всегда готовыхъ къ войнѣ, поле битвы — поле брачнаго празднества. Война — наша жизнь.

«Мы умѣемъ умирать съ улыбкою во взорѣ. Съ жаромъ пойдемъ мы на битву и будемъ счастливы найти тамъ смерть и сдѣлаться мучениками.

«Соединившись, мы сотремъ съ лица земли весь родъ человѣческій. Дѣло войны наше дѣло.

«Съ нами Богъ. Онъ намъ поможетъ. Предъ нами Пророкъ. Оба вмѣстѣ,—они направятъ наши дѣйствія.

«Будемъ ревностно охранять свои святыя преданія. Будемъ слушаться своихъ полководцевъ, не переставая быть храбрыми и мужественными.

«Мы видимъ примѣръ въ своихъ славныхъ предкахъ, подобно львамъ, завоевавшихъ эту землю. Будемъ подражать имъ и защитимъ мечемъ оставленную ими намъ сокровищницу.

«Пусть всѣ узнаютъ, что, по волѣ Бога, мы сыны своихъ предковъ.

«Безстрашные и счастливые, какъ и они, мы— воины съ смертоноснымъ мечемъ въ рукахъ. Сыны героевъ —мы сами герои.»

Въ адресѣ, съ которымъ обратилось къ королевѣ Индіи мусульманское общество Калькутты, въ Ноябрѣ 1876 года, читаемъ слѣдующее:

«Мы не знаемъ, каковы прямые англійскіе интересы. Мы знаемъ только одно:—что если Англія желаетъ удержать Индію, Англія должна поддержать цѣлость и независимость Оттоманской имперіи. *Двуглавый орелъ Россіи медленно, но постоянно приближался къ Югу, со взоромъ, устремленнымъ на Константинополь съ одной стороны и на Индію съ другой*; мы не вѣримъ въ гуманность Россіи и никогда въ нее не вѣрили: мы не можемъ рѣшиться повѣрить тому, что Россія тратитъ свои средства въ пустыняхъ Азіи, не имѣя въ виду вознаградить себя въ богатыхъ странахъ Юга.—Ни одинъ благоразумный человѣкъ не повѣритъ, что Россія хочетъ всегда входить понапрасну въ расходы, а способъ, которымъ она могла бы покрыть свои издержки, есть только одинъ,—утвердиться въ Индіи и на плодоносныхъ земляхъ Турціи.»

Вполнѣ ясно, что Русскіе и Турки имѣютъ всѣ возможныя причины отъ глубины души презирать одни другихъ, и съ каждымъ днемъ увеличивается

ихъ взаимная ненависть. Недавно въ одной турецкой Константинопольской газетѣ шла уже рѣчь о томъ, какъ будутъ *сдирать кожу съ живыхъ* Русскихъ, взятыхъ въ плѣнъ, и мясо ихъ отдавать въ пищу крымскимъ татарамъ и черкессамъ: эта газета надѣялась, кромѣ того, что таковой обѣдъ будетъ происходить въ Россіи, «на дорогѣ въ Москву».

Начавшаяся война не есть борьба интерссовъ и честолюбивыхъ стремленій, какъ большая часть войнъ, но губительная борьба, борьба смертельная, которая будетъ возобновляться до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ противниковъ не будетъ уничтоженъ. Мы могли бы сказать,— употребляя выраженіе г. де-Местра: *пока Турокъ и Русскій будутъ имѣть какія-либо сношенія, одинъ изъ нихъ долженъ погибнуть.*

Въ Февралѣ мѣсяцѣ султанъ Абдулъ-Гамидъ II говорилъ одному дипломату: «Европа увидитъ, на что мы способны. Я созову массу мусульманскихъ воиновъ. Русскіе ошибаются, если думаютъ завладѣть митрополіей Ислама. Я не оставлю камня на камнѣ. Я нахожу лучше умереть съ своимъ народомъ, чѣмъ быть ими убитымъ».

И такъ, все приготовляется къ представленію послѣдняго акта той драмы, которая разыгрывается въ теченіе двухъ вѣковъ между Русскими и Турками. Когда русскій орелъ будетъ летать надъ Босфоромъ, только тогда пьеса окончится и занавѣсъ упадетъ при этой послѣдней картинѣ.

IX.

Убитые Французы.

Не слѣдуетъ думать, что Турки относятся съ большимъ почтеніемъ къ подданнымъ великихъ державъ, а также и къ нашимъ соотечественникамъ, не смотря на громадную помощь, которую Франція оказала имъ въ 1854 году.

9-го Января 1877 года писали изъ Константинополя:

«Двое французовъ, работники хорошо извѣстные въ Филиппополѣ своею честностью и относительнымъ довольствомъ, которое доставлялъ имъ ихъ трудъ, не только въ городѣ, но и въ его окрестностяхъ, исчезли однажды, и никто не зналъ, что съ ними случилось. Прошло нѣсколько времени и,

не смотря на всѣ старанія друзей этихъ французовъ, не смотря на заявленія консула, власть, не желая принять дѣятельное участіе, объявила, что всѣ ея попытки къ розысканію этихъ лицъ остались тщетными.

«Черезъ нѣсколько дней одна женщина, изъ окрестностей Ахи-Чилиби, вошла въ городъ, неся что-то въ кускѣ окровавленнаго полотна. Она отправилась въ *конакъ* губернатора, развернула свое полотно,— и намѣстникъ увидѣлъ обезображенную голову одного изъ несчастныхъ французовъ. Такъ какъ тамъ былъ народъ, губернаторъ обратился къ женщинѣ съ нѣкоторыми вопросами. Та объявила, что это преступленіе было совершено по приказанію одного могущественнаго мусульманина, по имени Махмуда-бея, и прибавила, что одинъ докторъ-иностранецъ могъ бы доставить болѣе точныя свѣдѣнія объ этомъ. По прошествіи двухъ сутокъ, женщина изъ окрестностей Ахи-Чилиби и докторъ были призваны въ конакъ губернатора. Они разсказали, что Махмудъ-бей давно обращалъ завистливые взоры на деньги, которыя эти несчастные носили въ кожаныхъ поясахъ. Они показали не только на тѣхъ, кто совершилъ это

злодѣяніе, но также и на того, по чьему приказу оно было совершено.

На другой день послѣ того, какъ они давали свои показанія предъ губернаторомъ провинціи, эта женщина получила записку слѣдующаго содержанія: «Если ты скажешь, если ты обратишься еще разъ въ конакъ губернатора, ты будешь убита, какъ тѣ два *гяура*!»

Къ доктору писали: «Если вы скажете хотя одно слово изъ того, что знаете, если откроете, хотя одного изъ виновныхъ, вы будете повѣшены на своемъ окнѣ.

«Между тѣмъ консулъ увѣдомилъ французскаго посланника, и тотъ немедленно и энергически потребовалъ наказанія виновныхъ, «кто бы они ни были». Губернаторомъ было послано отношеніе къ Мехмеду-Рудши-пашѣ, тогда великому визирю, и этотъ послѣдній отдалъ приказъ немедленно арестовать Махмудъ-бея и дать ему очную ставку съ его двумя обвинителями.

«Позвавъ Махмуда и послѣ многихъ увертокъ съ его стороны, намѣстникъ рѣшился наконецъ послать на другой день заптіевъ за женщиной и докторомъ.

«Когда полицейскіе агенты прибыли въ домъ

женщины,—они нашли тамъ только трупъ ея. Несчастная была убита ночью. Ей было нанесено по лицу и въ грудь десять ударовъ кинжаломъ. Тѣмъ временемъ другіе заптіи направились къ дому доктора. Они нашли дверь открытою, домъ пустымъ, а доктора— *повѣшаннымъ на перекладинахъ его окна*! Соучастники Махмуда сдержали свое слово.

«Особенно важно въ этомъ дѣлѣ то, что послѣ этихъ двухъ новыхъ преступленій, остановившихъ дѣло провосудія, намѣстникъ тотчасъ же освободилъ Махмуда и писалъ Блистательной Портѣ: «Въ виду совершившихся фактовъ и смерти обвинителей я счелъ нужнымъ, за недостаткомъ доказательствъ, возвратить Махмудъ-бею свободу.» Это чудовищно! воскликнете вы. Это повторяется каждый день въ той счастливой странѣ, гдѣ мусульмане вооружены, пользуются правами, могущественны, а на мѣстныя христіанскія народности и на Европейцевъ вообще смотрятъ, какъ на собакъ.

«Нѣтъ надобности говорить вамъ, какое дѣйствіе произвели эти извѣстія во французскомъ посольствѣ и какой оборотъ приняло тогда дѣло. Порта, устрашенная энергическимъ положеніемъ г. Бургуанъ издала формальный приказъ арестовать снова Махмуда и употребить всѣ усилія

для открытія истины. Махмудъ-бей, дѣйствительно, въ тюрьмѣ; но онъ тамъ окруженъ всевозможными почестями. Онъ не стѣсняется замѣчать слѣдующее: «Теперь никто никогда не будетъ говорить». Прибавлю, что намѣстникъ не слишкомъ старается узнать правду; что дѣйствія французскаго консула затрудняются, каждую минуту, не открыто, а тайнымъ образомъ, и что тѣ, кто знаетъ что нибудь, не смѣютъ говорить, изъ боязни быть убитыми.».

Итакъ, спросимъ мы у каждаго добросовѣстнаго человѣка. Это-ли правительство? Можетъ-ли вынести такую администрацію послѣднее человѣческое созданіе? Тѣ, кто поддерживаетъ такое положеніе дѣлъ, не должны-ли краснѣть за ихъ безобразіе? Пусть они отправятся въ турецкое селеніе и проживутъ тамъ, какъ простой райя, только годъ, и они увидятъ сами можетъ-ли Россія долѣе терпѣть такія заблужденія мнимаго права завоеванія!

X.

Русское движеніе.

Поводы ненависти къ Туркамъ существуютъ въ Россіи болѣе двухъ вѣковъ; но никогда, думаемъ мы, даже въ царствованіе Екатерины II, они не поднимали до такой степени духъ народа. Возстаніе Герцеговины, въ Іюлѣ 1875 года, привлекло вниманіе Россіи, никогда неостававшейся индиферентной къ усиліямъ, которыя пытались дѣлать славянскія племена, чтобы свергнуть оттоманское иго; но что вызвало взрывъ всеобщаго негодованія, —это ужасныя убійства въ Болгаріи.

Не 30000 Болгаръ были убиты, изуродованы, въ маѣ 1876 года, Черкесами и баши-бузуками,—а 30000 Русскихъ; 9000 домовъ не болгарскихъ бы-

ло сожжено, а русскихъ, потому что убивающій Славянина—убиваетъ Русскаго, и всѣ удары, наносимые Болгарамъ поражаютъ въ сердце Россію. Это не оскорбленіе чуждаго народа, за котораго Русскіе хотятъ отомстить, это обида, нанесенная имъ самимъ. Дѣло славянъ—ихъ дѣло, и освобожденіе ихъ—для нихъ дѣло чести.

Въ *Голосѣ* говорилось въ сентябрѣ 1876 года:

«Продолжаютъ измѣрять современную Россію тѣми силами, которыя она имѣла въ моментъ Крымской кампаніи. Между тѣмъ разница громадная. Съ европейской коалиціей была просто оффиціальная и военная борьба Россіи. Россія, въ смыслѣ присутствія народнаго духа, не принимала почти участія въ этой войнѣ; и все таки сила нашего сопротивленія удивила нашихъ враговъ. Теперь дѣло другаго рода. Славянскій вопросъ, какъ симпатіи къ нашимъ несчастнымъ братьямъ, сдѣлался для насъ *интересомъ жизненнымъ и народнымъ*, и нѣтъ ни одного Русскаго, какъ бы бѣденъ онъ ни былъ, который бы не вложилъ посильной лепты для святаго дѣла освобожденія. Нѣтъ ни одного Русскаго, который бы не сознавалъ ясно, за что бьются Славяне и въ чемъ нужна имъ наша помощь. Еще труднѣе, думаемъ мы, встрѣ-

тить Русскаго, который поколебался бы оказать имъ болѣе энергическое содѣйствіе, если бы это содѣйствіе стало необходимостью для нашего правительства».

Чрезъ нѣсколько дней г. Салтыкова писала въ газету Nord:

«Сердце каждаго русскаго содрагается при мысли о тѣхъ жестокостяхъ, жертвы которыхъ — Славяне. Молодые и старые, богатые и бѣдные, мущины и женщины устремились бы на помощь къ этимъ несчастнымъ, но политика государства не допускаетъ ихъ исполнить свое страстное желаніе; солдаты и дипломаты стоятъ на сторожѣ, и, волей-неволей, приходится, съ тяжестью на сердцѣ, терпѣливо ждать быть свидѣтелемъ зрѣлища, раздирающаго душу, и съ чувствомъ горькаго сожалѣнія сознавать свое безсиліе. Въ большихъ городахъ и ничтожныхъ деревенькахъ воодушевленіе одно и то же; каждый несетъ свою лепту въ комитеты, наполненные посылками на театръ военныхъ дѣйствій и возсылаетъ къ небу горячія мольбы за угнетенныхъ.

«Наши надежды возложены на Государя, на его доброе сердце, руководимое прекрасными великими стремленіями. Подъ его защитой мы могли бы об-

легчить жестокую участь нашихъ братьевъ по Христу. Простая справедливость заставляетъ насъ такъ поступить, потому что долгъ сильнаго—покровительствовать слабому, законъ Божескій который, къ сожалѣнію, не оказывается закономъ человѣческимъ! У насъ и тѣни нѣтъ мысли о завоеваніи; наша единственная цѣль—освободить славянъ отъ ига мусульманъ и ихъ варварскаго правленія. Безсердечные люди, лишенные христіанской любви, подумайте объ этихъ жертвахъ, мучимыхъ тѣлесно и нравственно; бросьте свои холодные разсчеты и внимайте только голосу собственной совѣсти и правиламъ Божественнаго милосердія. «Блажени милостивіи, говоритъ Евангеліе,—яко тіи помилованы будутъ. Блажени миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся!»

Не чувствуется-ли, когда читаешь эти строки, какъ бьется сердце благородное, пылкое, восторженное,—настоящее женское сердце? И это не пустыя слова, они находили примѣненіе въ дѣлѣ: русскія женщины жертвовали собою во время сербской войны; онѣ едва успѣвали собирать подаяніе для несчастныхъ, шить бѣлье и платье, готовить корпію, отсылать лекарства, устроивать походные госпитали.—

Теперь, когда война приняла болѣе широкія размѣры и когда она интересуетъ весь народъ, самопожертвованіе женщинъ возвысилось до той благородной миссіи, которую возложила на себя Россія.

Одинъ русскій публицистъ такимъ образомъ описывалъ свое посѣщеніе Центральнаго Общества Краснаго Креста, въ С.-Петербургѣ:

«Если вамъ скажутъ, безучастный читатель, что женщины самаго высокаго происхожденія предаются съ удовольствіемъ самымъ грубымъ занятіямъ иглой, что блестящія молодыя дѣвушки отказались отъ развлеченій и даже отъ прогулокъ, чтобы складывать бѣлье и упаковывать хозяйственные предметы, что образованныя и умныя женщины находятъ полное удовлетвореніе въ томъ, что рвутъ корпію и наполняютъ ею коробки; если Вы услышите о томъ, какъ нѣжныя руки, украшенныя алмазами, погружаются безъ отвращенія въ кучи суроваго бѣлья и сортируютъ новое полотно и старое, грубыя тряпки и куски батиста,—я убѣжденъ, недовѣрчивый читатель, что вы пожмете съ презрѣніемъ плечами,—или, по крайней мѣрѣ, если ваши великолѣпныя манеры не допустятъ васъ до тако-

го внѣшняго выраженія своего чувства, вы отвѣтите: что за нелѣпость говорятъ намъ?

«Если, кромѣ того вамъ сообщатъ, чтобы убѣдить васъ, что такой отвратительный трудъ продолжается цѣлый день, и что эти необыкновенныя женщины берутъ къ себѣ домой, для шитья, куски полотна, не боятся класть самые грубые матеріалы на дорогую мебель своихъ будуаровъ и проводятъ въ работѣ цѣлые вечера,—вы подумаете, безъ сомнѣнія, разсудительный читатель, что, вѣроятно, пріобрѣтеніе почетнаго вознагражденія есть цѣль такихъ усилій,—что, благодаря этому самопожертвованію, каждая можетъ разсчитывать на какое нибудь заманчивое отличіе, на какой нибудь возвышеный постъ.

«И вы ошибетесь, читатель съ дурнымъ мнѣніемъ, потому что единственное почетное отличіе этихъ женщинъ есть фартукъ изъ небѣленнаго полотна, украшенный крестомъ на груди,—и этотъ красный крестъ достаточно указываетъ на то, какая цѣль преслѣдуется столькими мужественными женщинами.»

Всею душею отдались онѣ христіанскому дѣлу; и если, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, христіанскіе подданные Турціи, бу-

дуть освобождены, они этимъ частію будутъ обязаны восторженному великодушію этихъ благородныхъ женщинъ. Подобно Спартанкамъ, онѣ возбуждаютъ смѣлость и пылкость въ своихъ мужьяхъ, братьяхъ, сыновьяхъ, обѣщая еще болѣе любить тѣхъ, кто возвратится побѣдителемъ.—

Письмо г. Салтыковой, въ газету Nord, продолжалось слѣдующими строками:»

«Вмѣшательство русскаго общества, выразившееся во всякаго рода помощи, оказанной Сербіи, есть *явленіе новое, твердое и рѣшительно высказавшееся въ Восточномъ вопросѣ.* Симпатія русскаго народа къ восточнымъ славянамъ всегда существовала; но въ этомъ послѣднемъ кризисѣ она вошла въ плоть и кровь Русскихъ. Она запечатлѣна жертвами, которыя придадутъ еще большую цѣну этому дѣлу. Симпатія эта переживетъ настоящую войну; никакая дипломатическая хитрость не въ силахъ заставить ее сойти со сцены, не въ силахъ уничтожить моральной солидарности двухъ народовъ. Европа не должна относиться къ ней съ недовѣріемъ, потому что чувство, подобное тому, которое одушевляетъ теперь русскій народъ, свободно отъ всякихъ интересовъ, чисто отъ всякихъ разсчетовъ.»

Представители англійскаго правительства, которые не должны были преувеличивать значенія движенія, смотрятъ на это движеніе, какъ на опасность, угрожающую европейскому міру.

Г. Уайтъ, англійскій консулъ въ Бѣлградѣ, писалъ графу Дерби, 25 Августа 1876 года:

«Ничто такъ не поражаетъ въ этой войнѣ, какъ дѣйствительное сочувствіе, вызванное ею въ душѣ русскаго народа, вопреки миролюбивымъ намѣреніямъ самого царя, и результатъ такихъ смѣлыхъ стремленій можетъ, надолго, омрачить блѣдныя явленія этой войны и измѣнить нетолько внутренее состояніе Турціи, но даже и политическія отношенія къ иностраннымъ державамъ.

«Впродолженіи многихъ лѣтъ я очень близко слѣдилъ за всѣмъ тѣмъ, что касалось Россіи; но въ настоящемъ случаѣ, хотя я удивленъ не менѣе другихъ, видя, какіе размѣры принимаетъ сочувствіе къ славянамъ въ этой обширной имперіи, къ сожалѣнію, долженъ сказать, что я нахожусь слишкомъ далеко отъ Россіи, чтобы быть въ состояніи представить себѣ къ какимъ важнымъ послѣдствіямъ это можетъ повести.

«Мнѣ невозможно, на такомъ разстояніи, отличить дѣйствія, которыя правительство только до-

пусткаетъ со стороны своихъ подданныхъ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, отъ тѣхъ, въ которыхъ оно было бы очень довольно найти только подходящій предлогъ, чтобы объяснить и оправдать въ глазахъ свѣта, или свое дѣйствительное вмѣшательство, или то, которое она задумала въ пользу христіанскихъ славянъ Турціи.

«Трудно предположить, что *такое общее сильное народное чувство расположенія къ славянамъ*, проявившееся въ настоящемъ русскомъ движеніи, могло бы быть вполнѣ остановлено правительствомъ, хотя и можно бы было сдержать его при его зарожденіи. Естественно спросить себя: достаточно ли могущественно и непреодолимо это явленіе, чтобы повліять на политику русскаго правительства до такой степени, чтобы нарушить миролюбивое настроеніе, котораго до сихъ поръ съ такой славою придерживался императоръ Александръ? Сознаюсь, что я не сумѣлъ бы отвѣтить на эти вопросы, но нахожу, что они имѣютъ громадную важность въ критическихъ условіяхъ, въ которыхъ находится часть Европейской Турціи, въ теченіи многихъ мѣсяцевъ...Я не сомнѣваюсь, что правительство Ея Величества запасется въ скоромъ времени свѣденіями болѣе точными объ средствахъ

Турецкой имперіи, чѣмъ тѣ, которыя можно бы было получить въ мирное время; между тѣмъ, съ другой стороны, донесенія, полученныя Вашимъ Сіятельствомъ изъ С.-Петербурга, Москвы, Одессы и другихъ русскихъ городовъ, помогутъ, конечно, составить себѣ понятіе объ опасностяхъ, которыми угрожаютъ всеобщему миру *сила и продолжительность сочувствія къ славянамъ, которое приняло такіе значительные размѣры среди всѣхъ классовъ русскаго народа.*

« Частныя свѣдѣнія, которыя я получилъ относительно этого послѣдняго вопроса, подтверждаютъ тѣ, которыя были доставлены прессой и соотвѣтствуютъ нашимъ догадкамъ.»

Лордъ Лофтусъ, англійскій посланникъ въ Петербургѣ, писалъ о томъ же предметѣ Графу Дерби:

С.-Петербургъ, 28 Августа 1876 г.

«.....Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ честь писать Вашему Сіятельству, *восторженное сочувствіе* къ Сербамъ увеличилось значительно. Оно принимаетъ такой характеръ, который можетъ оказать могущественное вліяніе на духъ императора и его правительства.

«Народное чувство было сильно возбуждено значительными потерями, которыя, говорять, Сербы потерпѣли во время послѣдняго сраженія при Алексинацѣ гдѣ были убиты тридцать русскихъ офицеровъ, отправившихся въ Сербію волонтерами Большое ожесточеніе произвело также извѣстіе о томъ, что Порта отказалась допустить румынскій походный лазаретъ и объявила, что не можетъ взять на себя обязательства запретить войскамъ стрѣлять въ него.

«Разсказывали также что одинъ русскій походный госпиталь, съ изображеніемъ краснаго креста, былъ обстрѣливаемъ турками, и что пятеро изъ лицъ состоявшихъ при немъ, были убиты.

«Эти обстоятельства, вмѣстѣ съ религіозными причинами, сильно, глубоко дѣйствуютъ на народъ и вызываютъ національное чувство, на которое правительство смотритъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ и которое, если продолжится, можетъ привести къ очень серьезнымъ послѣдствіямъ.

«Если благопріятный случай, открывшійся теперь для прекращенія непріятельскихъ дѣйствій, какъ предшествующій переговорамъ о мирѣ, не будетъ употребленъ съ пользой или Порта отка-

жется отъ перемирія, если она думаетъ выиграть время, продолжая непріятельскія дѣйствія, придется опасаться, чтобы это возбужденіе не произвело ожесточенія, которое будетъ трудно сдержать правительству.»

Такимъ образомъ, дѣло не въ поверхностномъ движеніи, какъ предполагали нѣкоторые журналы, не въ искусственномъ волненіи, вызванномъ и поддерживаемомъ Московскимъ Комитетомъ: сами дипломаты вынуждены были признать силу русскаго національнаго движенія и выставить его, какъ опасность для Европейскаго мира.

Всѣ корреспонденты, жившіе въ Петербургѣ или въ Москвѣ, изучили на мѣстѣ великое нравственное и политическое явленіе, «которое совершалось въ Россіи.»—

Въ ноябрѣ 1876 года, по возвращеніи царя въ Царское село, корреспондентъ газеты Figaro писалъ изъ Петербурга:

«Несправедливо приписываютъ Россіи честолюбивые виды, и стремленія къ завоеваніямъ: обсуждаютъ и обвиняютъ всегда то, *что не понимаютъ*; не могутъ же помѣщать почти 80-ти милліонамъ ея жителей быть одной расы, одного происхожденія, одной крови и одной религіи съ Болгарами, Сер-

бами, Герцеговинцами. Если бы цѣлая англійская нація, если бы даже Европа возстала, негодуя на мученія несчастныхъ турецкихъ подданныхъ,—это возстаніе произошло бы только вслѣдствіе чувства человѣколюбія. У Русскихъ къ этому чувству присоединилось еще другое могущественное чувство родства. Что можетъ быть естественнѣе? Если вы увидите на улицѣ, какъ на человѣка нападетъ разбойникъ, вашимъ первымъ движеніемъ будетъ желаніе помочь несчастному; но если этотъ человѣкъ вашъ братъ, вы, безо всякаго разсужденія, полетите къ нему на помощь.

«Совершенно такое же и положеніе Россіи. Болѣе года правительство употребляетъ всѣ усилія, чтобы сдержать народный порывъ. Оно могло достигнуть этого только обѣщаніемъ, что гнусные поступки турецкаго правительства не повторятся болѣе, что судьба, соціальное и административное положеніе восточныхъ славянъ будутъ улучшены, посредствомъ болѣе солидныхъ и серьезныхъ гарантій. Съ перваго дня депеши князя Горчакова приносили эти заявленія всѣмъ кабинетамъ. Есть одно, особенно адресованное графу Шувалову, для прочтенія графу Дерби; обнародованіе этого заявленія освѣтитъ, конечно, прямодушіе и не-

кренность С.-Петербургскаго кабинета. Всѣ они повторяли, до усталости, что, для достиженія благихъ результатовъ, Россія желаетъ совмѣстнаго дѣйствія шести великихъ державъ, подписавшихъ трактатъ 1856 года, что она стала бы приносить, въ этомъ смыслѣ, всякія жертвы, и дѣлать всевозможныя уступки въ отношеніи самолюбія и личныхъ интересовъ; но что если, послѣ всего, совмѣстное дѣйствіе оказалось бы безсильнымъ побѣдить силу инерціи Турціи и достигнуть этого результата, *тогда Россія увидала бы себя, къ сожалѣнію, вынужденной получить его сама.*»

Въ день праздника Рождества Христова *Новое Время* напечатало статью, которая, на нашъ взглядъ, блистательно объяснила внутреннюю мысль Россіи и опредѣлила точный смыслъ народнаго движенія:

«Теперь, говорила эта газета, прошло 1876 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ родился Іисусъ Христосъ, принесшій на нашу землю Евангеліе любви и братства. Ангелы привѣтствовали Его рожденіе, пророчество воспламенило сердца народовъ и на развалинахъ греко-латинскаго міра создало новый міръ: міръ христіанскій. Почти двѣ тысячи лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, а новый міръ еще не

видитъ осуществленія тѣхъ началъ, которыя служили основаніемъ христіанству; сколько же надо еще годовъ, вѣковъ, чтобы увидѣть это?

«День Рождества Христова застигаетъ въ расплохъ старую Европу слѣдующими вопросами: слѣдуетъ-ли защищать беззащитныхъ? Слѣдуетъ-ли обезпечить слабыхъ отъ произвола сильныхъ? Слѣдуетъ-ли дать имъ частицу земли, этой Божьей земли? Слѣдуетъ-ли доставить вѣрное убѣжище несчастнымъ христіанамъ подъ Балканскимъ небомъ? Слѣдуетъ-ли возвратить имъ хотя частицу того, что у нихъ похитили?

«Но, нѣтъ, Европа не заботится объ этихъ вопросахъ; она не осмѣливается даже слушать ихъ.

«Вѣчный врагъ опустошилъ плодоносныя земли, онъ взялъ отъ нихъ и продолжаетъ еще брать все, что ему нравится. Въ теченіе вѣковъ народы гибнутъ подъ этимъ игомъ, и Европа ждала, чтобы возмутиться, пока бѣдный, ничтожный народъ, едва самъ вышедшій изъ рабства, возвысилъ голосъ. Этотъ голосъ хотѣлъ бы что нибудь сдѣлать, да велико очень число штыковъ, такъ много баттарей угрожаютъ!

«*Кровь и железо*,—*вотъ что до сихъ поръ рѣшало вопросы о правѣ человѣка на жизнь; мечъ гос-*

подствуетъ и только на одинъ мечъ человѣкъ можетъ разсчитывать для своей защиты. Развѣ Іисусъ Христосъ не сказалъ: » не миръ принесъ я вамъ, а войну, » угадавъ, такимъ образомъ, раздоръ и борьбу, которые создадутъ осуществленіе Его святаго ученія? Только мечемъ можетъ быть уничтожено мусульманское иго и только такимъ путемъ можно будетъ поселить миръ Когда это будетъ? Нельзя этого предсказать, но оно будетъ рано или поздно, и *Россія совершитъ это дѣло кроваваго правосудія она приметъ на себя святое отомщеніе за своихъ братьевъ.*

Мы вѣримъ этому и не перестанемъ вѣрить, чтобы намъ ни говорили. Насъ такъ много занимали неумѣстными разговорами, намъ такъ долго повторяли, что мы не приготовлены къ борьбѣ, что Турція имѣла время противопоставить намъ значительныя силы; кто сосчиталъ турецкія силы, чтобы увѣрить насъ, что Турція можетъ выставить отъ 300 до 400,000 человѣкъ? Если она была такъ богата войскомъ, почему не могла она сосредоточить достаточную армію въ Сербіи, почему Османъ-Паша оставался цѣлые мѣсяцы передъ Зайчаромъ? Почему-же тоже безсиліе выразилось также въ Моравіи? . . .

«*Турки-хвастуны.* Если бы дѣло дошло до войны, слабость турецкой арміи выказалась бы во всемъ своемъ блескѣ, и тогда что же случилось бы съ этими сотнями тысячъ людей, такъ хорошо вооруженныхъ? Во всей Болгаріи, отъ Виддина до Тульчи, не болѣе 70,000 Турокъ.

«Но турки возбуждены; они вѣрятъ въ побѣду, ненавидятъ Русскихъ. Турки смѣлы и самонадѣянны: они энтузіасты; а мы? Неужели двадцать лѣтъ реформъ ослабили насъ до такой степени, что нельзя болѣе вѣрить въ нашу военную силу.?

Не чувствуется-ли въ этихъ строкахъ, какъ бьется великое сердце русскаго народа? Какая вѣра! Какой энтузіазмъ! Какая энергія! Когда 80 милліоновъ людей проникнутся такими чувствами и испустятъ военный крикъ,—не очевидно-ли, что враги ихъ погибнутъ? Есть-ли что нибудь прекраснѣе того, какъ видѣть силу, силу во всемъ ея блескѣ, во всемъ величіи, на служеніе человѣчеству и истинѣ?

И не слѣдуетъ думать, что этотъ энтузіазмъ есть ни что иное, какъ вспыхнувшій огонь, который, бросивъ нѣсколько яркихъ отблесковъ, черезъ мгновеніе снова потухнетъ! Русское народное дви-

женіе продолжительно и утихнетъ только тогда, когда достигнетъ своей цѣли.

Подтвержденіе этого находимъ въ русской прессѣ, въ адрессахъ, присланныхъ Императору изо всѣхъ провинцій и: наконецъ, въ рѣчи, произнесенной въ началѣ Апрѣля 1877 года г. Аксаковымъ, президентомъ Славянскаго Комитета въ Москвѣ.

Такъ какъ русское движеніе увѣнчалось успѣхомъ, мы окончимъ эту главу нѣкоторыми подробностями относительно восторженнаго пріема въ Москвѣ, 5 мая, Императора и Императрицы.

Въ Кремлѣ предводитель дворянства Московской губерніи, графъ Бобринскій, прочелъ слѣдующій адрессъ:

«Государь! Съ мольбою въ сердцахъ и съ вѣрою «въ Ваши слова русская нація возстаетъ за спра«ведливое и великое дѣло.

«Настало время доказать дворянству, что оно «вѣрно своимъ преданіямъ, слѣдуя примѣру сво«ихъ предковъ; наши сыновья и братья уже въ «рядахъ нашей храброй арміи; тѣ, на долю кото«рыхъ не выпала честь сражаться съ вѣковымъ «врагомъ за освобожденіе нашихъ братьевъ, дол-

«жны, по крайней мѣрѣ, братски служить ранѣ-
«нымъ и больнымъ.

«Богъ да поможетъ Вамъ, многолюбимый Госу-
«дарь, въ этомъ святомъ предпріятіи!»

За тѣмъ Московскій городской Голова, поднося хлѣбъ-соль, сказалъ:

«Государь Ты призвалъ насъ на битву, и Россія возликовала; Ты возвѣстилъ ей объ ужасной задачѣ,—и для Россіи это праздникъ; Ты появляешься снова въ стѣнахъ своей древней столицы, и воздухъ поколебался отъ нашихъ криковъ благословенія.

«Никогда народъ Твой не выражалъ Тебѣ такой любви и признательности; въ эту священную минуту, по голосу Царя, совѣсть Россіи спокойна.

«Мы видимъ что мечъ Россіи обнажилъ Ты, миролюбивѣйшій изъ монарховъ, не для военной славы, *а во имя Христа за нашихъ несчастныхъ братьевъ*. Не порабощать и разрушать послалъ Ты наши храбрые полки за Дунай, но чтобы распространить тамъ свободу и преуспѣяніе, чтобы призвать единокровныя и единовѣрныя народности къ новому, хорошо организованному, существованію.

«Никогда война не была болѣе справедлива и не призывала милости Божіей на болѣе прекрас-

ное дѣло. Россія обращаетъ къ Небу только одну молитву, чтобы оно помогло ей до конца быть достойнымъ этого дѣла, не смотря на козни нашихъ враговъ и злобныя внушенія ложнаго благоразумія.

«Ты отсрочивалъ борьбу, изъ состраданія къ ея жертвамъ, чтобы сохранить русскую кровь, для Тебя драгоцѣнную: въ этихъ нѣжныхъ словахъ мы видимъ залогъ будущаго успѣха.

«Русская кровь не будетъ проливаться безъ нужды. Голосъ Москвы есть голосъ Россіи. Положись, Государь, на Россію; порадуйся пришедшимъ часамъ испытанія. Ея мужество, любовь и сила совершатъ чудеса.»

Императоръ отвѣчалъ:

«Прошло шесть мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ я, «въ этихъ стѣнахъ, въ нашемъ древнемъ Кремлѣ, «выражалъ предъ Вами свои надежды на мирный «исходъ дѣлъ на Востокѣ. Я горячо желалъ со-«хранить драгоцѣнную русскую кровь, но наши уси-«лія не увѣнчались успѣхомъ. Богу угодно было, «чтобы вопросъ рѣшенъ былъ иначе. Мой мани-«фестъ 12 Апрѣля возвѣстилъ Россіи, что предви-«дѣнный моментъ наступилъ.

«Вся Россія, какъ я и ожидалъ, откликнулась «на мой призывъ. Москва первая подала этому

«примѣръ. Я сегодня счастливъ вмѣстѣ съ Импе-»ратрицей возможностью поблагодарить отъ глу-»бины души всѣ классы Московскаго общества за «патріотическія чувства, которыя они выражаютъ «не только словами, но также и дѣломъ. Я могу «сказать, что дѣйствія превзошли мое ожиданіе. «Богъ поможетъ намъ исполнить нашъ долгъ. Богъ «да благословитъ мои храбрыя войска, сражающія-«ся за вѣру, царя и отечество!»

XI.

Императоръ Россіи.

Съ самаго начала послѣднихъ усложненій дѣлъ на Востокѣ положеніе Его Величества Императора Всероссійскаго было достойно удивленія.

Его сердце не переставало биться вмѣстѣ съ сердцемъ его народа, но, по чувству человѣколюбія, онъ считалъ нужнымъ сопротивляться, въ теченіе года, всеобщему влеченію. Онъ сознавалъ лежавшую на немъ тяжелую отвѣтственность: онъ спрашивалъ себя, насталъ-ли часъ совершенія призванія Россіи? Онъ колебался проливать кровь своихъ подданныхъ и, можетъ быть, вовлечь въ войну всю Европу.

Тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько дней послѣ

прекращенія враждебныхъ дѣйствій между Портою и Сербіей, онъ счелъ долгомъ сообщить свѣту свою программу и свои намѣренія.

10-го Ноября 1876 года, по возвращеніи изъ Ливадіи, онъ обратился съ слѣдующей рѣчью къ членамъ городской Думы Москвы, священной для Русскихъ:

«Благодарю васъ за тѣ чувства, которыя вы «выразили по случаю настоящей политики, теперь «выяснившейся. Съ удовольствіемъ принимаю пред-«ставляемый вами мнѣ адрессъ. Вы уже знаете, «что Турція уступила моему требованію, имѣвшему «цѣлью немедленное перемиріе, въ виду безполез-«ныхъ убійствъ, мѣстомъ дѣйствія которыхъ были «Сербія и Черногорія. Въ этой неровной борьбѣ «Черногорцы оказались, какъ всегда, настоящими «героями. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же «о Сербахъ, не смотря на присутствіе въ ихъ ря-«дахъ нашихъ волонтеровъ, изъ которыхъ многіе «проливали свою кровь за *славянское дѣло*. Я «знаю что, вмѣстѣ со мною, вся Россія прини-«маетъ самое живое участіе въ страданіяхъ нашихъ «братьевъ по крови и религіи. Но истинные ин-«тересы Россіи, —тѣ, о которыхъ я наиболѣе забо-«чусь, и я хотѣлъ бы, до послѣднихъ предѣловъ,

«сохранить русскую кровь Вотъ основаніе, по ко-
«торому я старался и буду еще стараться достиг-
«нуть мирнымъ путемъ дѣйствительнаго улучшенія
«положенія христіанъ на Востокѣ.

«Чрезъ нѣсколько дней откроются переговоры въ
«Константинополѣ между представителями шести
«великихъ державъ, съ цѣлью установленія усло-
«вій мира. Мое самое горячее желаніе —придти къ
«общему согласію. Но если это желаніе не осущест-
«вится и если я увижу, что намъ нельзя будетъ
«получить тѣхъ гарантій, которыя обезпечатъ ис-
«полненіе того, что мы имѣемъ право требовать
«отъ Порты, *Я имѣю твердое намѣреніе дѣйство-
«вать по собственной иниціативѣ*, и я убѣжденъ
«что, въ этомъ случаѣ, вся Россія отвѣтитъ на
«мой призывъ, если я сочту это необходимымъ и
«если честь Россіи потребуетъ этого. Я также
«убѣжденъ, что Москва, какъ всегда, подастъ пер-
«вая примѣръ.

«Да поможетъ намъ Господь, совершить *наше
«святое призваніе*.»

Какъ счастливъ тотъ государь, который можетъ
произносить эту благородную, сильную рѣчь, безъ
боязни услышать противорѣчіе со стороны своихъ
подданныхъ! Какой Русскій не согласился бы съ

такимъ объявленіемъ нравственныхъ правилъ, съ такимъ выраженіемъ непоколебимой воли?

9-го Декабря 1876 года царь имѣлъ разговоръ съ Г. Нигра, Итальянскимъ посланникомъ.

Онъ подтвердилъ заявленія, сдѣланныя лорду Лофтусу, въ Ливадіи, въ началѣ Ноября; онъ повторилъ Итальянскому дипломату, что онъ не думалъ ни о завоеваніяхъ въ Индіи, ни о завладѣніи Босфоромъ, такъ какъ, въ его глазахъ, Восточный вопросъ не былъ «вопросомъ славянства, но вопросомъ человѣчества».

Мы воспроизводимъ текстъ словъ Его Величества въ томъ видѣ, въ какомъ они были въ донесеніи Г. Нигра:

«Чего я желаю и что, кажется, я имѣю право требовать,—это чтобы былъ положенъ конецъ *нестерпимому положенію* христіанъ турецкихъ провинцій; чтобы вполнѣ невозможно было повтореніе притѣсненій, вымогательствъ и убійствъ въ этихъ странахъ; чтобы блага цивилизаціи и справедливой администраціи были укрѣплены за народностями, которыя съ остальными христіанами Европы имѣютъ тѣсную связь въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, и чтобы такимъ образомъ уничтожили *постоянную причину возстаній и смутъ на Во-*

стокъ, также какъ и безпокойствъ и опасности для Европы. Россія, по своему исключительному положенію, наиболѣе заинтересована въ достиженіи этого результата. Но равно и вся Европа интересуется этимъ и, теперь, какъ и прежде, я желалъ бы дѣйствовать согласно съ великими державами, чтобы прекратить настоящій кризисъ такъ, чтобы онъ не могъ болѣе возобновиться. Но необходимо, чтобы державы не довольствовались только словами и пустыми обѣщаніями. Реформы, обнародованныя въ протоколахъ и декретахъ Порты, всегда оставались *мертвой буквой*. Организація конституціонной и парламентской системы для всей Турецкой имперіи есть *мечта*. Эта система никогда не можетъ привиться въ Турціи. Исключительныя болѣзни надо лѣчить «исключительными средствами «и, вмѣсто обѣщаній и мечтательныхъ проэктовъ, «нужны реальные факты и практическія мѣры, «примѣненіе которыхъ было бы дѣйствительно га«рантировано. Вотъ чего я требую. Не присоеди«неній и завоеваній, а облегченія участи угне«тенныхъ христіанскихъ народовъ.»

На высказанное итальянскимъ посланникомъ опасеніе, чтобы военное занятіе Болгаріи не вызвало затрудненій, Императоръ живо отвѣчалъ:

«Я могу удостовѣрить въ томъ, что если я буду вынужденъ туда войти, то сумѣю и выйти».

Чтобы достойно оцѣнить личность царя, намъ кажется, мы сдѣлаемъ лучше всего, если воспроизведемъ слѣдующія строки изъ Figaro:

«Депеши изъ Россіи отличаются воинственнымъ характеромъ, говорила эта газета въ Ноябрѣ 1876 года. Если судить по тѣмъ волненіямъ, которыя онѣ производятъ, нужно сказать, что онѣ могли къ намъ проникнуть только чрезъ атмосферу, пропитанную пороховымъ дымомъ и полную грома и треска. Люди, имя которыхъ упоминается тамъ, кажутся намъ великими, подобно героямъ древнихъ трагедій. Если только подумать объ Императорѣ Александрѣ II, на котораго возложено святое призваніе, который располагаетъ судьбами, и отъ чьей воли зависитъ и миръ и война, — какъ можно не быть взволновану, при мысли о той отвѣтственности, которая лежитъ на немъ? И онъ самъ, душа вѣрующая и мягкая, могъ ли сознавать ее безъ трепета и ужаса?

«Мало людей такихъ симпатичныхъ, какъ Царь, мало государей, которые бы, могли болѣе

возвысить славу своего имени, гордость своей державы, блескъ короны. Подобно своему дѣду, Александру I, который, повелѣвая судьбами Европы, въ 1815 году, хотѣлъ дать въ ней значительное мѣсто для Франціи, въ немъ есть нѣкоторыя черты тѣхъ средневѣковыхъ государей, предъ которыми преклонялись и трепетали народы, нуждавшіеся въ ихъ защитѣ. Подобно имъ онъ всемогущъ; владыка Европы онъ господствуетъ надъ сознаніемъ своихъ подданныхъ. Онъ властвуетъ надъ душой и тѣломъ, и въ этой Россіи, еще таинственной и со стольких сторонъ закрытой, достаточно для него сказать слово, чтобы видѣть всеобщее повиновеніе.

«Все въ немъ оригинально, таинственно: говорятъ, что онъ склоненъ къ мечтательности, проникнутъ либеральными идеями, постоянно занятъ мыслью о будущей жизни, религіозенъ и глубоко вѣрующъ.

«Въ Петербургѣ, также какъ и въ Крыму, гдѣ онъ обыкновенно проводитъ лѣто, онъ любитъ уединеніе, и часто, на разсвѣтѣ, онъ тайно оставляетъ дворецъ, чтобы прогуливаться по улицамъ, еще пустыннымъ, или по дорогамъ, совершенно влажнымъ отъ утренней росы. Въ своемъ семействѣ онъ молчаливъ; нѣженъ съ своей женой, которую

онъ обожаетъ, строгъ, но справедливъ къ своимъ сыновьямъ.

«Таковъ человѣкъ, отъ котораго зависитъ въ эту минуту миръ вселенной. Говорятъ,—и онъ самъ безпрестанно повторялъ, что онъ не желаетъ войны, что она его пугаетъ, но что его *народъ увлекаетъ его*. Старая ненависть Славянина къ Турку.

—«Посмотрите, говорилъ недавно намъ одинъ изъ его подданныхъ, въ Парижѣ, *нашъ Царь объявитъ войну: его народъ хочетъ этого*. Россія поднялась, какъ въ 1812 году, но тогда было только національное движеніе. Теперь это народное и религіозное движеніе, непреодолимо направляющее ее противъ враговъ христіанъ.

«Царь, одинъ изъ могущественнѣйшихъ государей свѣта, въ то же время владѣетъ возвышеннымъ умомъ и благороднымъ сердцемъ; онъ достоинъ своего назначенія управлять судьбами Россіи и совершить свое великое историческое призваніе.

«Давно христіане обращали къ нему свои взоры: они надѣются только на него, потому что Европа не рѣшилась употребить въ ихъ пользу ничего другаго, кромѣ чернилъ и бумаги.

Истощивъ всѣ средства къ примиренію, обратившись по напрасну къ Дивану съ самыми торжест-

вешними предостереженіями, онъ рѣшился перейти отъ словъ къ дѣлу и практически освятить свою рѣчь, произнесенную въ Москвѣ. 24 Апрѣля 1877 года онъ вывелъ заключеніе изъ своихъ рѣчей и исполнилъ обѣщанія, данныя имъ христіанамъ Востока и славянской расѣ.

XI.

Судьба христіанъ.

Судьба христіанъ есть настоящій гордіевъ узелъ Восточнаго вопроса; пока этотъ узелъ не будетъ развязанъ или разрубленъ, вопросъ останется нетронутымъ и угрожающимъ.

Намъ ставятъ въ упрекъ, намъ—приверженцамъ христіанъ, излишнее «сочувствіе»; да, мы сочувствуемъ и гордимся этимъ. Да, каждый разъ, какъ мы услышимъ о большомъ несчастіи, о неслыханныхъ бѣдствіяхъ, мы будемъ сочувствовать страдальцамъ и не сочтемъ это отсутствіемъ здраваго смысла. Мы очень желали бы видѣть этихъ холодныхъ, гордыхъ самолюбивыхъ и насмѣшливыхъ политиковъ на мѣстѣ несчастныхъ турецкихъ

подданныхъ; мы желали бы видѣть ихъ каждый день и каждый часъ въ страхѣ за свое имущество, за свое существованіе, за честь своихъ женъ и дочерей, видѣть ихъ эксплуатируемыми обкрадываемыми, безпрерывно оскорбляемыми враждебнымъ народонаселеніемъ! Нашли-ли бы они тогда смѣшнымъ, что о нихъ заботятся, сочувствуютъ имъ? Разумѣется, когда пользуешься благосостояніемъ, когда нѣтъ основанія страшиться никакой серьозной опасности, легко драпироваться въ тогу гордаго безстрастія, принимать глубокомысленный политическій видъ и относиться съ презрѣніемъ къ тѣмъ, кто хотѣлъ бы, чтобы Европа пришла на помощь къ несчастнымъ христіанамъ Востока.

«Какое намъ дѣло до христіанъ! восклицаютъ эти люди. Мы требуемъ только, чтобы былъ поддержанъ европейскій миръ и чтобы ничто не нарушило хода нашихъ дѣлъ и не смутило нашихъ удовольствій.»

Сознаемся, что мы не смотрѣли на Восточный вопросъ съ такимъ высокомѣрнымъ равнодушіемъ; мы слишкомъ живо чувствовали страданія нашихъ братьевъ, чтобы видѣть безъ слезъ ихъ мученія и принимать участіе въ общемъ пренебреженіи. Когда мы представляемъ въ своемъ воображеніи

сцены ужаса, которыми впродолженіи пяти вѣковъ, наполнялась исторія Турціи; когда мы видимъ эти тысячи отрубленныхъ головъ, туловищъ, посаженныхъ на колъ, изнасилованныхъ женщинъ, которымъ потомъ распороли животъ, проколотыхъ дѣтей, мы перестаемъ быть хладнокровными: чувство необыкновеннаго сострадапія овладѣваетъ нами, и мы призываемъ часъ освобожденія для бѣдныхъ народностей, страдающихъ подъ мусульманскимъ игомъ.

Пусть представятъ себѣ, какова должна быть жизнь жены райи! Въ тоскливомъ ожиданіи она спрашиваетъ себя каждое утро, будутъ-ли вечеромъ живы тѣ, кого она любитъ, не сдѣлается ли ея отецъ, ея мужъ, ея сынъ жертвою подлаго замысла; ея сестра, ея дочь не будутъ-ли оскорблены, убиты, отведены въ гаремъ! Какая жизнь! Какія мученія! Философы и умствователи, поставьте себя мысленно на одну минуту на мѣсто этихъ несчастныхъ; поставьте также своихъ матерей, женъ, дочерей, сестеръ, и вы тогда скажете намъ, можетъ ли человѣческое сердце оставаться хладнокровнымъ предъ такимъ положеніемъ и можетъ-ли христіанская Европа довольствоваться пустыми увѣщаніями?!

Въ итальянской Зеленой книгѣ есть документъ, описывающій мученія христіанъ Востока. Это донесеніе Г. Дурандо, посланнаго Римскимъ кабинетомъ въ Герцеговину съ консульской коммиссіей, въ сентябрѣ 1875 года.

Мостаръ 28 Сентября 1875 года.

«Господинъ министръ,

«Не буду говорить, какъ, переѣзжая Саву, Я видѣлъ цѣлую массу плавающихъ труповъ съ отрубленными головами, ни о томъ, какое отчаяніе и какая паника господствуютъ въ Сераевѣ. Я разскажу вамъ только о Герцеговинѣ.. Я пріѣхалъ 6-го числа въ Мостаръ, гдѣ уже собрались мои товарищи.... 19-го утромъ насъ извѣстили, что значительное число инсургентовъ прибыли въ Метковичъ и выражали желаніе переговорить съ нами... Каждый изъ насъ изложилъ предъ ними цѣль своего назначенія и убѣждалъ ихъ возвратиться въ свою землю, положить оружіе и покориться чиновнику султана, присланному съ полномочіемъ выслушать ихъ жалобы и оказать имъ правосудіе. Намъ отвѣчали: «мы не можемъ возвратиться, такъ какъ все, чѣмъ мы владѣли, сожжено; мы не мо-

жемъ представиться чрезвычайному чиновнику, опасаясь измѣны, у насъ и тѣни нѣтъ вѣры въ турецкія обѣщанія; мы послѣдуемъ вашимъ совѣтамъ только тогда, когда европейскія правительства обезпечатъ намъ исполненіе необходимыхъ реформъ... Въ противномъ случаѣ лучше умереть!»

«Спрошенные о причинахъ этого непреодолимаго недовѣрія и о сущности обидъ, на которыя они жалуются, инсургенты отвѣчали:

«Мы не будемъ говорить о безопасности людей; человѣкъ пользуется ею не болѣе, чѣмъ какая нибудь вещь. Намъ запрещено носить оружіе, тогда какъ мусульмане увѣшаны имъ и безнаказанно употребляютъ его противъ насъ. Достаточно одного мусульманскаго свидѣтельства, чтобы повѣсить христіанина, и сорокъ христіанскихъ показаній не въ силахъ заключить въ тюрьму Турка. Тюрьмы полны христіанами; за бездѣлицу ихъ осуждаютъ на каторжную работу, или отправляютъ въ тюрьму; наказываютъ не только виновныхъ, но и ихъ родственниковъ и друзей. Слѣдствія, процесса, суда у Турокъ не существуетъ.... Намъ ставятъ въ преступленіе жалобы на тѣ насилія и убійства, жертвами которыхъ мы сами; насъ называютъ измѣнниками, если мы осмѣливаемся жаловаться на

чиновника, который обкрадываетъ насъ, на заптія, который грабитъ насъ, насилуетъ нашихъ женщинъ и бьетъ насъ палкой...

«О! господа консулы, вы говорите, чтобы мы возвратились въ наши жилища! А гдѣ эти жилища? Они сожжены Турками... Потомъ, можемъ-ли мы такимъ образомъ подвергать опасности наши семейства и себя самихъ? Кто намъ поручится, что насъ не убьютъ, одного за другимъ, изъ ненависти или мщенія турецкихъ ага, или что насъ не отошлютъ въ тюрьму? Нѣкоторые инсургенты, послѣ возмущенія хотѣли возвратиться, повѣривъ турецкимъ обѣщаніямъ, но были убиты мусульманами. Власти это знали и не воспротивились этому. Какъ хотите вы, чтобы, въ виду такихъ примѣровъ, мы еще вѣрили турецкимъ обѣщаніямъ?»

«Разсказывая о своихъ страданіяхъ, писалъ въ концѣ г. Дурандо, обрисовывая нужду и лишенія своихъ семействъ, скитающихся въ горахъ, эти люди проливали слезы отчаянія.»

Да! Если когда нибудь человѣкъ долженъ употреблять чувствительность, которой одарилъ его Богъ,— это относительно занимающаго насъ вопроса. Это не просто русско-турецкій вопросъ, непросто европейскій вопросъ; это вопросъ всемірный,

затрогивающій и интересующій все человѣчество. И, въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, какъ были всѣ взволнованы, въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1876 года, нетолько въ Россіи, но и во Франціи, въ Англіи, Австріи, вездѣ, когда газеты сообщили публикѣ объ ужасныхъ убійствахъ въ Болгаріи. Въ ту минуту, можно сказать, движеніе цивилизованнаго человѣчества было прекрасно: оно вознегодовало противъ такой рѣзни беззащитныхъ существъ и объявило примѣрное наказаніе. Но съ тѣхъ поръ негодованіе охладилось; значительное число Европейцевъ охотно удовольствовалось бы политикой, результатомъ которой было бы поддержаніе statu quo въ Турціи. Сторонники невмѣшательства представляютъ себѣ, что убійства, совершенныя въ маѣ 1876 года, были или будутъ послѣдними. Думаютъ они, что, съ этого плачевнаго времени, Турки не должны упрекать себя ни за какое новое преступленіе. Они не знаютъ, что Батакскіе ужасы повторяются *каждый день* порознь въ нѣкоторыхъ частяхъ имперіи, что насилія всякаго рода также часты, какъ и прежде, и что во всѣхъ провинціяхъ христіане опасаются новыхъ убійствъ?

26 Марта 1877 года писали изъ Эрзерума въ вѣнскую *Политическую корреспонденцію*:

«Никто не увѣренъ ни за себя ни за свое имущество. Курды ожидаютъ минуты объявленія войны, чтобы дать полный просторъ своимъ необузданнымъ страстямъ. Эти варвары говорятъ уже вполнѣ открыто теперь, что будущая война будетъ войной истребленія всѣхъ гяуровъ. Тѣ, кто можетъ бѣжать, ищутъ убѣжище на Кавказѣ, или въ Константинополѣ.»

Бѣдные люди, ищущіе убѣжища въ Константинополѣ! Они сами бросаются въ пасть звѣря! Константинопольская чернь позаботится разсѣять ихъ мечтанія.

Цивилизованныя правительства употребляютъ всѣ усилія, чтобы увеличить богатство и народонаселеніе; въ Турціи наоборотъ: Турки пользуются всѣми средствами, чтобы уменьшить число христіанъ и довести ихъ до нищеты; они хорошо чувствуютъ, что многочисленное и богатое христіанское народонаселеніе могло бы надѣлать хлопотъ ихъ господству и поколебать его. Вслѣдствіе этого они стараются уменьшить народонаселеніе: вопервыхъ, взысканіями и грабежомъ, имѣющими цѣлью привести въ бѣдность семейства и уменьшить число бракосочетаній; во вторыхъ, похищеніемъ женщинъ и маленькихъ дѣвочекъ, назначенныхъ въ гаремы; и въ третьихъ, —

неослабѣваемыми убійствами, производимыми массами и порознь. Эти средства употреблялись со времени Османа; они остановили размноженіе христіанскихъ расъ, въ извѣстныхъ размѣрахъ, но еще недостаточныхъ для Турокъ. Теперь дѣло идетъ о примѣненіи этой *системы* съ большей энергіей; надо чтобы священная земля Пророка была очищена отъ гяуровъ!

За нѣсколько дней до объявленія войны мы читали въ Dairy News:

«Ужасъ господствуетъ во всей Европейской Турціи. Оттоманское правительство никогда не имѣло столькихъ людей подъ оружіемъ, какъ теперь, и, между тѣмъ, по показаніямъ безпристрастныхъ свидѣтелей, оно не видало никогда болѣе худшаго повиновенія въ провинціяхъ. Магометане, начиная съ беевъ и ага и кончая чернью, дѣлаютъ все, что имъ нравится съ своими сосѣдями христіанами, а что имъ нравится, то едва ли возможно описать.»

Въ Апрѣлѣ писали изъ Константинополя въ Nord Deutsche Zeitung:

«Унасъ есть Конституція, которая избавляетъ Порту отъ необходимости принимать во вниманіе справедливыя заявленія державъ, и, такъ какъ по мнѣнію Порты, Конституція замѣняетъ собою всѣ

реформы, я намѣренъ привести нѣсколько фактовъ, которые докажутъ вамъ, какимъ образомъ Порта заставляетъ исполнять свой главный договоръ. Беру эти факты наудачу.

«Молодая дѣвушка съ острова Кипра, которая должна была около 125 руб., была арестована и брошена въ тюрьму, гдѣ она вскорѣ захворала. Вопреки ея заявленіямъ она была отправлена въ турецкій госпиталь и, по выздоровленіи, была снова отведена въ тюрьму. Она изнемогала отъ страданій, тогда ей дали понять, что она могла бы возвратить себѣ свободу, отказавшись отъ христіанства и обратившись въ исламизмъ. Вслѣдствіе угрозъ она, дѣйствительно, подписала бумагу, сдѣлавшуюся документомъ, удостовѣрявшимъ принятіе ею религіи Пророка.

«Между тѣмъ, во время заключенія, ей удалось извѣстить своего соотечественника о такомъ принужденіи, и тотъ поспѣшилъ выплатить ея долги. Затѣмъ туркамъ удалось обмануть бдительность благотворителя этой несчастной, которую отвели въ домъ муллы. Этотъ фанатикъ отказался возвратить ее.

«Въ самомъ Константинополѣ, идя въ гости къ своимъ друзьямъ, молодая христіанка встрѣтилась

съ софтами, которые завладѣли ею и принудили ее вынести всевозможныя оскорбленія. Родители жертвы подали жалобу; но на эти заявленія не обратили вниманія и оставили дѣло безъ послѣдствій, и достойные уваженія софты, которые составляютъ конституціи, возводятъ на престолъ и низлагаютъ султановъ, обработываютъ законы, могутъ продолжать безнаказанно презирать основные принципы общественной нравственности.

«Въ Македоніи, есть одинъ бей, по имени Якжа, который плѣнился прелестями жены одного изъ своихъ чиновниковъ. Этотъ чиновникъ Грекъ. Жена его, столько же добродѣтельная, какъ и прекрасная, отвергла предложенія нахальнаго Турка; тогда тотъ прибѣгнулъ къ клеветѣ, столь любимой турками, и посадилъ мужа въ тюрьму. Совершивъ этотъ подвигъ, онъ сообщилъ женщинѣ, что спасти жизнь мужа можно только цѣною безчестія жены, и что жизнь даже ея матери могла быть выкуплена только постыдной продажей.

«Мѣстные жители, знавшіе объ этомъ фактѣ, увѣдомили объ немъ Китросскаго епископа, который просилъ архіепископа Салоникъ вступиться въ это дѣло. Но усилія духовныхъ лицъ не привели ни къ какому результату. Въ Турціи высшіе

чиновники могутъ жестоко обращаться съ своими подчиненными и не лишаютъ себя *права* совершать злодѣянія и преступленія; между ссорящимися христіаниномъ и мусульманиномъ правъ всегда послѣдній. Въ этой странѣ самый гнусный послѣдователь Исламизма можетъ всегда сказать христіанину: Stat pro ratione voluntas.

«Въ окрестностяхъ Трапезунда,—Курды и Черкесы, проѣзжая по этой странѣ, совершаютъ самыя возмутительныя преступленія. Никогда не преслѣдуютъ этихъ разбойниковъ, никогда не постигаетъ ихъ наказаніе. Въ самомъ Трапезундѣ, въ одномъ христіанскомъ домѣ они оскорбили хозяйку и молодыхъ дѣвушекъ и убили отца. Въ другомъ домѣ они связали отца, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ безчестія своей жены и дочерей.

«Если вы желаете знать, какъ охраняются въ этой странѣ начала Конституціи, я вамъ скажу только, что кромѣ законовъ, такъ называемыхъ конституціонныхъ, существуютъ также законы экстрапарламентскіе. Одинъ законъ такого рода былъ только что изданъ. По этому закону тотъ, кто осмѣлится подать жалобу правительству на представителей власти, будетъ сочтенъ клеветникомъ.

«Вотъ, безъ сомнѣнія, блестящій способъ дока-

зать, что Турція—страна съ удивительной администраціей, такъ какъ отнынѣ не будетъ существовать ни одной жалобы противъ чиновниковъ этого Эльдорадо! Правда, жалоба можетъ быть подана въ Палату, если только она сопровождается самыми неопровержимыми доказательствами. Какой Тартюфъ могъ бы найти лучшую уловку, чтобы избѣгать законы и поддерживать злоупотребленія и преступленія?»

Въ виду такого положенія, мы понимаемъ движеніе Россіи, движеніе величественное, благородное составляющее собою одно изъ прекраснѣйшихъ явленій исторіи. Да! мы не боимся подтверждать его, всѣ возвышенныя сердца стараго и новаго свѣта присоединились къ нему, не безпокоясь узнать. незамѣшано-ли тутъ честолюбіе, такъ какъ они видѣли и видятъ еще, въ великодушномъ энтузіазмѣ русскаго народа, только могущественное средство для освобожденія христіанъ. Не будемъ вдаваться въ разсужденіе, какимъ бы управленіемъ слѣдовало замѣнить управленіе турецкое—это дѣло Европы; мы желаемъ только одного: конца кроваваго дѣла, безопасности нашихъ братьевъ-христіанъ.

Когда эти несчастные возстаютъ, когда они вы-

таются свергнуть съ себя иго, мы слышимъ отъ людей, видимъ въ газетахъ, какъ ихъ называютъ „бунтовщиками,“ „мятежниками“. Что касается до насъ,—мы не считаемъ ихъ виновными, напротивъ, для людей, управляемыхъ, или, лучше сказать, уничтожаемыхъ такимъ образомъ, *возстаніе есть святая обязанность*; въ данномъ случаѣ мы одобряемъ это положеніе, хотя бы, въ принципѣ, и отвергали его всѣми силами. Да, когда съ народомъ обращаются такъ, какъ съ христіанами, впродолженіи пяти вѣковъ (*пяти вѣковъ*!), возстаніе не только право, но и *долгъ*, потому что человѣкъ долженъ поддерживать, даже если бы пришлось ему умереть, своего отца, мать, жену, дѣтей, домашній очагъ! Турки пользуются только правомъ силы; они господствуютъ, потому что они сильнѣе, потому что они позаботились обезоружить христіанъ; но они не могли бы разсчитывать на вѣчное господство. Никакое угрызеніе совѣсти не можетъ остановить ни христіанскихъ инсургентовъ, ни Русскихъ, стремящихся къ нимъ на помощь.

«Прохожіе, взгляните, есть-ли страданія, подобныя моимъ!» вотъ восклицаніе несчастнаго христіанскаго народа.—

XIII.

Положеніе до войны.

Теперь можно измѣрить силу двигателей, направлявшихъ Россію противъ Турціи: къ вѣковымъ континентальнымъ и морскимъ стремленіямъ присоединилась религіозная ненависть, сродство расы, воспоминаніе о прошедшихъ войнахъ и, наконецъ, твердое желаніе освобожденія и отомщенія.

Для русской націи Константинополь—притягивающій магнитъ, свѣтлый маякъ, блистающій на горизонтѣ ея судебъ, въ синихъ волнахъ Средиземнаго моря. Сила вещей направляетъ ее; судьба ее увлекаетъ. Чего она хочетъ, она рано или поздно достигнетъ, потому что она хочетъ этого силой воли народовъ Сѣвера, еще не разслабленныхъ и

необезсиленныхъ утонченной цивилизаціей. Всѣ такъ хорошо понимаютъ это этнологическое явленіе, что если, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, русское знамя будетъ видно на Средиземномъ морѣ, никто не удивится этому, никто даже на это не вознегодуетъ, ничье сознаніе не воспротивится завоеванію. Всемірное мнѣніе сочтетъ фактъ настолько естественнымъ, что даже и не подумаетъ порицать его: мало того, оно почувствуетъ облегченіе при мысли объ освобожденіи несчастныхъ турецкихъ подданныхъ.

Мы не имѣемъ намѣренія знать, рѣшился или нѣтъ Императоръ Александръ расширить свою имперію съ юга и овладѣть Константинополемъ; но мы можемъ смѣло утверждать, опираясь на исторію и національныя традиціи, что русскій народъ *хочетъ* пріобрѣсти прибрежныя мѣста Средиземнаго моря и Константинополь и что, рано или поздно, онъ непремѣнно будетъ владѣть ими. Если настоящій царь не осуществитъ этого великаго намѣренія, его преемникъ осуществитъ его, завладѣвъ пышнымъ восточнымъ достояніемъ. Эта воля націи совершенно опредѣлена и непоколебима, потому что она покоится на высшихъ интересахъ, отъ которыхъ Россія не могла бы отречься: госу-

дарь можетъ хотѣть и не хотѣть находить обстоятельства неблагопріятными, препятствія слишкомъ трудно преодолимыми, колебаться, ждать удобной минуты; но не отъ него зависитъ сдерживать стремленія цѣлаго народа, обуздывать національные порывы. Это не одинъ человѣкъ, а народъ, состоящій изъ 80-ти милліоновъ единицъ; это раса, которая сознала такое широкое намѣреніе, и никакая человѣческая власть не въ силахъ помѣшать ей исполнить его.

Обыкновенно политика, въ которой играетъ роль чувство, опасно; но, въ настоящемъ случаѣ, эта политика какъ нельзя болѣе согласуется съ національными интересами: однимъ камнемъ Россія нанесетъ два удара и даже три, такъ какъ, освобождая христіанъ, она разовьетъ свое континентальное и морское могущество и прибавитъ новое обаяніе къ своей Церкви.

Напрасно Порта пыталась разувѣрить Европу и отвратить грозу провозглашеніемъ Конституціи и созданіемъ парламента.

Въ глазахъ Россіи Конституція, торжественно дозволенная султаномъ, 23 Декабря 1876 года, есть ничто иное, какъ «приманка», «фарсъ», «плохая шутка». Она не думаетъ, чтобы падишахъ могъ

въ своемъ государствѣ мгновенно замѣнить варварство цивилизаціей, произволъ — правосудіемъ, абсолютизмъ—конституціоннымъ правленіемъ, и превратить въ ягнятъ гіенъ, которыми онъ имѣетъ честь повелѣвать.

Голосъ говорилъ объ этомъ предметѣ: «отчего Европа не спроситъ у Турціи, какъ осмѣливается она, такъ безстыдно, такъ дерзко, говорить о волѣ страны, о Конституціи, въ странѣ, гдѣ завтра, какъ и вчера, съ Конституціей или безъ нея, Турки не перестанутъ неистовствовать надъ христіанами? Устремится-ли азіатскій, фанатизированный элементъ съ факеломъ въ одной рукѣ и кинжаломъ въ другой, на христіанскія народности, чтобы внести туда опустошеніе и смерть, или сойдется холодно въ парламентскомъ собраніи (мысль, заставляющая въ одно время и смѣяться и дрожать) и произнесетъ приговоръ надъ судьбой виновныхъ, т. е. покровительствуемыхъ Европой,—результатъ выйдетъ одинъ и тотъ-же: безнаказанность для Турка, безправіе райи.»

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, эта Конституція, которой никто не вѣритъ и надъ которой смѣется вся Европа? Эта Конституція есть ничто иное, какъ безпорядочная смѣсь статей, заимствованныхъ

у различныхъ европейскихъ конституцій, какъ на скорую руку скроеная граммата,—съ цѣлью поразить удивленіемъ Европу. Турки очень дурнаго мнѣнія о нашихъ умственныхъ способностяхъ, если воображаютъ, что мы допустимъ обмануть себя такой грубой ложью. Нѣтъ, оттоманская Конституція есть ничто иное, какъ приманка, пустая демонстрація, парламентское обезъянство!

Эта странная Конституція непримѣнима; но, еслибъ даже она и могла быть примѣнима, она не улучшила бы положенія христіанъ: она ухудшила бы его, напротивъ, потому что тогда, вмѣсто того, чтобы терпѣть мученія во имя султана, ихъ бы мучили во имя закона, созданнаго ихъ смертельными врагами.

Въ Россіи, относительно этого существуетъ только одинъ взглядъ: *ничего* не ожидаютъ отъ турецкой Конституціи. Султаны могутъ употреблять сколько угодно бумаги на конституціи, фирманы, гатти-шерифы и гатти гумайюны; не повѣрятъ болѣе ни одному слову изъ того, что они могутъ говорить, писать или печатать: отлично знаютъ, какую *практическую* цѣнность имѣютъ всѣ эти прекрасные оффиціальные документы.

Припоминается знаменитое чтеніе султанскаго указа, 3 ноября 1839 г.

Въ тотъ день султанъ, окруженный придворными, появился въ залѣ «дворца Розъ»; предъ нимъ находились всѣ значительные чиновники имперіи: улемы, шейки, имамы, всѣхъ іерархій и всѣхъ степеней, иностранные посланники, патріархи трехъ христіанскихъ націй, какимбаши, или глава Евреевъ, представители гражданскихъ, военныхъ учрежденій и всѣ высшіе сановники. Предъ этимъ собраніемъ былъ торжественно провозглашенъ гатти-шерифъ; затѣмъ, султанъ присягнулъ, обѣщая добросовѣстно исполнять всѣ условія указа,—обязательство, такимъ образомъ подтвержденное:

«Въ знакъ нашего обѣщанія мы хотимъ, «изложивъ условія указа въ этой залѣ, заключающей въ себя одѣяніе Пророка, въ присутствіи всѣхъ улемъ и сановниковъ имперіи, «принять присягу именемъ Бога и, затѣмъ, приказать поклясться улемамъ и «сановникамъ имперіи.»

Чтоже было результатомъ торжественнаго провозглашенія этой хартіи, данной христіанамъ Турецкимъ султаномъ? Ничего. Всѣ эти обѣщанія остались такими же безсильными, какъ и одѣяніе Пророка, которое слѣдовало бы, по справедливости,

вмѣстѣ съ ними зарыть въ могилу; тоже самое будетъ со всѣми турецкими обѣщаніями, до скончанія міра. Почему же? Отвѣтъ на нашъ вопросъ, находимъ въ Times:

«Турецкое правительство основано на священномъ законѣ Исламизма, а этотъ законъ *безусловно и навсегда* запрещаетъ всякое равенство между мусульманиномъ и немусульманиномъ. Ни одно мусульманское государство, отъ Магомета и до настоящаго времени, не допускало такого равенства на практикѣ и никогда не допуститъ его. Даже религіозная терпимость, какъ мы ее понимаемъ, *не можетъ существовать*, и никогда не существовала у исповѣдующихъ Исламизмъ.»

Въ 1840 году г. де Тувэнэль говорилъ въ Revue des Deux-Mondes:

«Подверженный большому числу внѣшнихъ опасностей, новый султанъ, неосторожнымъ актомъ раздражилъ внутреннія раны своей имперіи. Я хочу говорить объ этомъ странномъ гатти-шерифѣ, который наши газеты окрестили высокопарнымъ именемъ *оттоманской хартіи*. Пресса, въ теченіе нѣсколькихъ дней, прекратила свои взаимныя ссоры, чтобы наградить шумными похвалами *того молодого государя, который почувствовалъ необ-*

ходимость положить самому предѣлы на своё могущество. Органы передоваго мнѣнія представляютъ уже мысленно себѣ, благодаря конституціонному правленію, что искусства, промышленность, земледѣліе процвѣтаютъ подъ прекраснымъ восточнымъ небомъ.

«Болѣе умѣренныя газеты находятъ какое то странное сходство между теперешней Турціей и Франціей 1789 года, забывая, что въ первой нѣтъ ни аристократіи, ни буржуазіи, а есть цѣлая нація, не возвышающаяся надъ уровнемъ нищеты и невѣжества. Я вкратцѣ изложилъ печальное положеніе Турокъ. Въ виду подобныхъ фактовъ, какъ бы горячо ни желали будущаго улучшенія дѣлъ въ Турціи, надежда становится почти невозможной. Оттоманская хартія состоитъ изъ двухъ опредѣленныхъ частей: первая есть вступленіе, въ которомъ турецкое правительство, съ искренностью, доходящей до смиренія, признается въ своей неопытности и причиненныхъ ею несчастіяхъ.

«Вторая часть возвѣщаетъ реформы и обѣщаетъ новую финансовую систему, болѣе правильный способъ рекрутскаго набора, гарантіи, способныя обезпечить оттоманскихъ подданныхъ въ совершенной безопасности въ отношеніи ихъ жизни, чести и иму-

щества, однимъ—словомъ, полный соціальный переворотъ... Наши журналы, слишкомъ склонные къ сужденію объ иностранцахъ по своимъ собственнымъ мыслямъ, не разбирая, могутъ-ли онѣ быть приложены внѣ Франціи, позволили этому магическому слову: *Конституція* застать себя въ расплохъ; они отвѣчали на призывъ, съ которымъ къ нимъ обратились...

«Какъ прессѣ не превозносить до крайности того, что она называетъ турецкой хартіей, когда Константинополь дѣлается предмѣстіемъ Парижа и журналисты, заслуженные и не имѣющіе работы, отправляются съ береговъ Сены на берега Босфора? Послѣднее судно привезло въ столицу Турокъ нѣсколькихъ переселенцевъ, которые намѣрены разработать либеральныя идеи въ Турціи и рѣшаются не возвращаться до тѣхъ поръ, пока не услышатъ парламентскихъ преній въ *оттоманской камерѣ*; готовы возвыситься баррикады по извилистымъ улицамъ Стамбула. Напрасныя усилія, смѣшное подражаніе національности, изнемогающей отъ цивилизаціи, которой Турція также неспособна понять, какъ и вынести.»

Невольно думаемъ, что эти строки писаны вчера:

такъ смыслъ ихъ подходитъ къ настоящему положенію.

Въ 1856 году Европа еще не освободилась отъ иллюзій: еще вѣрили въ возможность преобразованія. Теперь среди людей образованныхъ и умныхъ— невѣріе абсолютное.

Русскіе не хотѣли быть одурачены устарѣлыми отговорками и пошлымъ лукавствомъ: они требовали *дѣйствій* и, такъ какъ они знали, что не получили бы ихъ мирнымъ и дипломатическимъ путемъ, что достаточно показала Конференція, они приготовились къ войнѣ.—

Чтобы отвратить ихъ отъ этого рыцарскаго и гуманнаго похода, пробовали увѣрить ихъ въ томъ, что вступленіе ихъ въ Болгарію послужитъ сигналомъ къ общему избіенію христіанъ. Сэръ Элліотъ, посланникъ королевы Викторіи при Блистательной Портѣ, писалъ лорду Дерби, 5 сентября 1876 года:

«Всякая попытка къ изгнанію Турокъ повлекла бы за собой истребленіе массами христіанскаго народонаселенія. Изгнаніе Турокъ могло бы быть совершено значительными европейскими войсками, но надо не знать характера этого народа, чтобы предположить, что онъ удалится, не убивъ всѣхъ хри-

стіанъ, до послѣдняго, всѣхъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей и не обративъ въ пустыню свои земли. Легко сказать, что нужно изгнать Турокъ изъ такой-то и такой-то мѣстности; но люди, предлагающіе такія мѣры, не говорили бы объ этомъ такъ легко, еслибы знали, что неизбѣжно послѣдуетъ изъ этого для христіанъ Европейской и Азіатской Турціи.»

Сэръ Эллiотъ долженъ бы былъ знать, что, въ настоящую минуту, вопросъ заключается не въ изгнаніи Турокъ, а только въ уничтоженіи ихъ господства. Затѣмъ, не первый разъ русскія войска занимаютъ турецкую территорію, и никогда, въ такомъ случаѣ, не производилось всеобщей рѣзни. Что касается до отдѣльныхъ убійствъ,—они нечего не представляютъ необычайнаго въ этой странѣ: они совершаются каждый день.

Положеніе Турціи было ясно обрисовано въ книгѣ, подъ заглавіемъ: *Дипломатическіе этюды о Восточномъ вопросѣ*, появившейся въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ; тамъ находимъ слѣдующее:

«Турція въ большомъ затрудненіи, изъ котораго она можетъ выйти только, поставивъ Босфоръ между собою и Европой. Настанетъ время, когда ей трудно будетъ отличить друзей отъ враговъ, такъ какъ всѣ потребуютъ отъ нея радикальныхъ усту-

покъ, одни въ надеждѣ спасти ее, другіе, съ цѣлью погубить. Напрасно Турки воскликнутъ, показывая на поля битвы, въ Сербіи. «Храбрость нашихъ «солдатъ доказываетъ, что мы не мертвая нація.» Мусульманскій мечъ можетъ еще «проложить себѣ дорогу между христіанами.»

Имъ возразятъ: «Не этого требуетъ отъ васъ Европа. Напротивъ, это пробужденіе военнаго духа пугаетъ насъ. Мы требуемъ отъ васъ, чтобы вы преобразовали свою цивилизацію и сдѣлали ее подобной нашей; чтобы вы совершенно отдѣлили законъ религіозный отъ закона гражданскаго; чтобы вы вложили въ свое вѣрованіе духъ братства и равенства, такъ необходимыхъ въ странѣ, гдѣ столько различныхъ племенъ должны существовать вмѣстѣ.»

Но, чтобы произвести такія реформы, гдѣ могла бы Турція найти исходный пунктъ? Ослѣпленный религіей, цѣль которой убѣдить его, что онъ назначенъ господствовать надъ другими расами, *мусульманинъ никогда не покорится преобразовательнымъ требованіямъ Европы.* Всякій султанъ, который попытался бы исполнить это, былъ бы неумолимо свергнутъ съ престола. Фанатизмъ разбудилъ бы, между народностями, привер-

женными полумѣсяцу, самые звѣрскіе инстинкты; *туземные жители, наши агенты и всѣ христіане увидѣли бы себя предметомъ жесточайшаго мщенія.* Мы говоримъ такъ не безъ основанія. Прошло очень немного времени съ тѣхъ поръ, какъ Али-Паша, министръ иностранныхъ дѣлъ, одинъ изъ наиболѣе интеллигентныхъ и просвѣщенныхъ людей Оттоманской имперіи, говорилъ намъ, указывая на дворецъ Сераскира: «Отсюда будемъ мы громить Константинополь, въ тотъ день, когда насъ принудятъ снова перейти Босфоръ.»

Положеніе до войны страннымъ образомъ походило на положеніе, бывшее въ 1827 году. Также, какъ и въ 1827 году, мы видѣли, что державы обращались съ многочисленными предостереженіями къ Портѣ и угрожали ей предоставить ее своей участи, если она не исполнитъ требуемыхъ реформъ; какъ въ 1827 году, Порта увертывалась, старалась выиграть время отговорками и окончательно отказалась отъ самыхъ умѣренныхъ предложеній Европы. Неудивительно, что Русскіе, какъ въ 1828 году, перешли Прутъ и оружіемъ потребовали возвратить права ихъ восточныхъ единовѣрцевъ.

Также, какъ и Хіосскія убійства 1822 года,

рѣзня въ Болгаріи взволновала Европу и возбудила воинственный жаръ въ Россіи.

Чтобы вполнѣ оцѣнить силу того двигателя, который увлекъ эту страну къ войнѣ, не слѣдуетъ забывать тѣхъ ужасныхъ происшествій, которыя, годъ тому назадъ, оживили старую ненависть и воспламенили народное чувство.

При извѣстіи о Болгарскихъ убійствахъ страшное содроганіе поколебало Россію отъ Бѣлаго моря —до Чернаго и отъ Вислы—до Уральскихъ горъ: проснулась старая ненависть, и русскій народъ испустилъ крикъ мщенія. Поднялись солдаты, изъ арсеналовъ взято оружіе, двинулись колеса пушекъ и шумъ ихъ грохота распространился до Босфора:

Крики страданія христіанъ достигли слуха русскаго народа: онъ увидалъ вдали, сквозь испаренія крови, всѣ эти кучами разбросанные трупы, всѣхъ этихъ женщинъ съ разрѣзаннымъ чревомъ, дѣтей, проколотыхъ штыками, всѣ эти оскверненные храмы, сожженныя селенія, опустошенныя поля и, пылая негодованіемъ, воскликнулъ: *я отомщу за это*! — Онъ вспомнилъ, что онъ много разъ клялся покровительствовать христіанамъ; но что то за покровительство, которое оставило бы эти преступленія безъ наказанія и угнетенныхъ

безъ помощи? Недостаточно отомстить за прошлое, надо еще предохранить будущее. Турки, можетъ быть, будутъ имѣть время начать новыя убійства, но нужно, чтобы они были послѣднія. Русскій народъ не можетъ предоставить жизнь 15 милліоновъ христіанъ, ихъ имущество, честь ихъ женъ и дочерей дикой ненависти, алчности и похотливымъ желаніямъ мусульманъ; покинуть ихъ послѣ пяти вѣковъ мученія и послѣ такихъ торжественныхъ обѣщаній,—значило бы для Россіи не исполнить своего слова, измѣнить своему призванію. Человѣколюбіе и честь заставляли ее дѣйствовать немедленно и энергически. Будетъ ли она побѣдительницей? Мы надѣемся на это. Но чтобы ни случилось, она завоюетъ расположеніе и удивленіе свѣта.

XIV.

Константинопольская Конференція.

23-го Декабря 1876,—день обнародованія оттоманской конституціи.—составилась въ первый разъ въ Константинополѣ, въ зданіи Адмиралтейства, публичная конференція, состоявшая изъ двухъ турецкихъ делегатовъ и посланниковъ и делегатовъ шести великихъ державъ Европы, которыя подписались, въ 1856 году, на Парижскомъ трактатѣ.

Европа представлялась въ лицѣ девяти дипломатовъ, имена которыхъ слѣдующія:

Германія: баронъ Вертеръ, посланникъ.

Австрія: графъ Зичи, посланникъ; баронъ Калисъ, чрезвычайный посланникъ.

Россія: генералъ Игнатьевъ, посланникъ.

Франція: Графъ де Бургуанъ, посланникъ; графъ Шодорди, чрезвычайный посланникъ.

Англія: сэръ Элліотъ, посланникъ; маркизъ Салисбюри, чрезвычайный посланникъ.

Италія: графъ Корти, полномочный министръ.

Порта своими представителями имѣла двухъ делегатовъ: Савфетъ-Пашу, министра иностранныхъ дѣлъ, и Эдхемъ-Пашу, посланника въ Берлинѣ, 5 Февраля провозглашеннаго великимъ визиремъ.

Прошло меньше мѣсяца, 20-го января 1877 года, конференція была закрыта, не приведя ни къ какому результату. По заключенію великаго оттоманскаго совѣта, собравшагося 18 числа, Порта категорически отказалась отъ предложеній Европы; она не хотѣла даже согласиться и на *минимумъ требованій*, который, по нашему мнѣнію, содержалъ только неосуществимыя гарантіи.

Развѣ это, въ самомъ дѣлѣ, не мечтательныя гарантіи, какъ назначеніе международной коммиссіи, обязанной наблюдать за исполненіемъ реформъ, и право державъ, въ теченіе пяти лѣтъ, отставлять, по своему усмотрѣнію, отъ должности губернаторовъ, назначенныхъ Портой въ вилайетахъ Болгаріи, Босніи и Герцеговины? Что могла бы сдѣлать эта коммиссія, находящаяся въ Констан-

тинополѣ, при злоупотребленіяхъ оттоманскихъ чиновниковъ и всего мусульманскаго населенія! А губернаторы, поставленные съ согласія Европы? При постоянной зависимости отъ Дивана, могли ли бы они имѣть ту энергію и то безпристрастіе, которыя необходимы для внушенія народу побѣдителю уваженія къ правамъ народа побѣжденнаго? Не думаемъ.

Мы сказали; что неосторожное рѣшеніе Порты продиктовано ей «великимъ совѣтомъ», бывшимъ за два дня до распущенія конференціи. Считаемъ небезполезнымъ привести здѣсь нѣкоторыя рѣчи, произнесенныя при такихъ торжественныхъ обстоятельствахъ, различными членами совѣта:

Реуфъ-Бей: «Принять предложенія, значило бы умереть. Человѣкъ, больной лихорадкой, можетъ выздоровѣть; но нельзя вылѣчить чахотку. А то, что намъ предлагаютъ,—чахотка. Нужно представить объясненія, найти предлогъ и дать отвѣтъ, который бы спасъ нашу честь».

Мединъ-Бей: Сорокъ милліоновъ (?) мусульманъ требуютъ войны для спасенія своей чести. Приказывайте: мы готовы на всѣ жертвы. Души нашихъ мучениковъ (?) присутствуютъ при нашемъ совѣща-

ніи. Нѣтъ надобности много говорить: надо отказать».

Алединъ-Бей не испугался угрозы немедленнаго отозванія посланниковъ, напротивъ: «Мы должны гордиться, воскликнулъ онъ,—что всѣ шесть посланниковъ уѣзжаютъ сразу: это *великая честь* для насъ!»

Наконецъ великій совѣтъ разошелся при крикахъ *лучше смерть, чѣмъ безчестіе*!

Мы признаемъ, что слова членовъ этого собранія не лишены нѣкоторой гордости, нѣкотораго величія даже; но странно слышать ихъ изъ устъ представителей имперіи, которая живетъ только покровительствомъ и терпимостью Европы.

Истинной причиной упорства Порты было убѣжденіе, глубоко укоренившееся въ ней, что союзъ европейскихъ кабинетовъ былъ только кажущійся, и что они ни въ какомъ случаѣ не имѣли твердаго намѣренія ввести свою программу силою своего оружія.

«Державы, говорило недавно Revue des Deux Mondes, не могли условиться въ образѣ дѣйствій и когда, вслѣдствіе взаимныхъ уступокъ, остановились на программѣ, какъ въ Константинопольской конференціи, онѣ не могли единодушно согласиться

дѣйствовать:—сношеніе ихъ осталось безплоднымъ, программа—мертвой буквой. О ней заботились только въ отношеніи трудности изданія, но не хотѣли ничего предвидѣть, ни рѣшиться на что либо въ случаѣ отказа Порты или неисполненія ею обѣщаній. Еще досаднѣе было то, что державы не вложили въ представленныя ими совокупно ноты одинаковой ревности, одной и той-же вѣры: одни выражали чистосердечную преданность мѣрамъ, требуемымъ отъ Порты, другихъ можно было заподозрить въ поддерживаніи ихъ только для формы, и что они не вѣрили въ ихъ дѣйствительность и невыражали злобы противъ Дивана, который долженъ былъ не согласиться на нихъ. Вмѣсто того, чтобы быть запуганой торжественными требованіями шести державъ, Турція, такимъ образомъ, могла видѣть въ этомъ только какую-то *оффиціальную церемонію*, дѣло дипломатическаго этикета, въ которомъ правительства, плохо скрывая свой скептицизмъ, принимали участіе только изъ благотворительности. *Только энергическія заявленія могли бы вывести Диванъ изъ заблужденія.* Больно видѣть, какъ, спустя полвѣка прогресса, Европа менѣе крѣпка союзомъ, менѣе смѣла, менѣе понимаетъ свои собственные интересы, чѣмъ въ эпоху Реставраціи,

въ то время, когда Франція и Англія присоединились къ Россіи, чтобы удержать ее, и когда, чтобы положить конецъ греческому возстанію, заставили Порту заключить миръ съ своими возмутившимися подданными.»

Послѣдствія высокомѣрнаго отказа Порты, ободренной слабостью и колебаніями Европы, не должны были замедлить выказаться. Легко было угадать ихъ, послѣ прочтенія слѣдующаго объявленія, сдѣланнаго 20 Января 1877 года, въ послѣднемъ засѣданіи конференціи, генераломъ Игнатьевымъ, русскимъ посланникомъ:

«Отвѣтъ, услышанный нами только что изъ устъ оттоманскихъ полномочныхъ министровъ и составлявшій отказъ на предложенія великихъ державъ, выраженныя въ предшествующемъ засѣданіи маркизомъ Салисбюри, ставитъ меня въ необходимость объявить, что почва совѣщаній на конференціи истощена, и что мы, съ этихъ поръ, будемъ считать конференцію оконченной.

«Мои товарищи и я, мы предупредили оттоманскихъ полномочныхъ министровъ о томъ, что всѣми нами получено приказаніе выѣхать изъ Константинополя, оставивъ довѣренныхъ лицъ для исполненія обыкновенныхъ текущихъ дѣлъ.

«Съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія вижу я, что наши чистосердечныя и единодушныя усилія привели къ отрицательному результату и что смягченіе нашихъ требованій вызвало ложныя истолкованія, которыя, при незнаніи возвышеннаго источника нашихъ миролюбивыхъ наклонностей, были склонны приписать другимъ мотивамъ.

«Сознавая свою роль поручительницъ за Турцію, великія державы сдѣлали все, что онѣ считали возможнымъ и необходимымъ для того, чтобы принудить Оттоманскую имперію вступить на тотъ *единственный путь, который могъ, по ихъ мнѣнію, обезпечить ея цѣлость и неприкосновенность, поддерживая европейскій миръ*.

«Порта не хотѣла послушаться ихъ совѣта. Позволивъ себѣ увлечься опаснымъ потокомъ патріотическихъ манифестацій, не столько глубокихъ и пространныхъ, сколько блестящихъ и шумныхъ, она отвѣчала несогласіемъ съ единодушнымъ мнѣніемъ и непринятіемъ безпристрастныхъ совѣтовъ Европы.

«Правительство султана измѣняетъ, такимъ образомъ, само характеръ отношеній, которыя оно поддерживало съ великими державами, и рискуетъ потерять, что утверждалъ, въ предъидущемъ засѣ-

данін, и маркизъ Салисбюри, право просить ихъ о поддержкѣ, и тѣ выгоды, которыя пріобрѣтены трактатами. Оно беретъ на себя также всю отвѣтственность въ тѣхъ серьезныхъ послѣдствіяхъ, которыя могли бы произойти черезъ это. Съ нынѣшняго дня я считаю долгомъ объявить, что если, вслѣдъ за этимъ прекращеніемъ переговоровъ о мирѣ, снова начнутся противъ Сербіи и Черногоріи враждебныя дѣйствія, возникновеніе которыхъ хотѣли предупредить державы, или *если безопасность христіанъ будетъ серьезно нарушена во внутреннихъ провинціяхъ, или въ одномъ изъ городовъ прибрежья, императорское правительство, котораго я имѣю честь быть представителемъ, сочтетъ подобное явленіе вызовомъ Европѣ.*

«Я не могу воздержаться отъ нѣкоторыхъ предостереженій.

«Въ ходѣ нашихъ подготовительныхъ работъ, придерживаясь строго границъ указанныхъ англійскими основаніями, мы не занимались тѣми вопросами, которые не входили прямо въ нашъ трудъ. Между тѣмъ, не смотря на усилія оттоманскихъ властей вызвать благопріятныя манифестаціи въ пользу настоящаго положенія дѣлъ, присылались на конференцію адрессы, въ которыхъ заключалась просьба

принять во вниманіе положеніе христіанскихъ провинцій Турціи, судьба которыхъ не входила въ составъ англійской программы. Такъ, жители Өессаліи и Эпира сообщили о многочисленныхъ злоупотребленіяхъ правительства. Населеніе Крита представило несовершенства органическаго устава, который, даже въ своей настоящей, недостаточной формѣ, не былъ серьезно приложенъ оттоманскими властями.

«Мы не могли бы пройти молчаніемъ эти заявленія и, вѣрные желанію нашихъ правительствъ поддержать миръ на востокѣ, мы должны привлечь самое серьезное вниманіе Порты на положеніе *всѣхъ христіанскихъ народностей имперіи*, обязавъ ее не дожидаться удивительныхъ дѣйствій начертанной конституціи, выгоды которой, во всякомъ случаѣ, могли бы быть осязательны, еслибъ даже она была совершенна, только послѣ добросовѣстнаго исполненія ея правилъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, чтобы принять дѣйствительныя мѣры, съ цѣлью избавить человѣчество отъ печальнаго зрѣлища возобновленія *трагическихъ происшествій, заставившихъ содрогаться отъ негодованія цивилизованный міръ*.

«Не будучи въ состояніи говорить заранѣе о зна-

ченіи недавно обнародованной конституціи, дополнить еще распоряженія которой и опредѣлить истинный характеръ должны новые законы, я считаю долгомъ предостеречь Блистательную Порту отъ ударовъ, которые могли бы быть нанесены постановленіямъ гатти-гумаюна 1856 года и предписаніямъ фирмана 12 декабря 1875 года, и которые бы нарушили обязательства относительно Европы. Должно бы особенно позаботиться о поддержаніи неприкосновенными преимуществъ, данныхъ христіанскимъ общинамъ вообще и ихъ духовенству въ особенности, и ни въ чемъ не измѣнять правъ, которыми они пользуются.

«Всеобщій интересъ другаго рода долженъ бы былъ также вызвать заботы въ Блистательной Портѣ. Довѣріе финансоваго міра Европы было ею пріобрѣтено, и сбережные милліарды дали возможность заключить оттоманскіе займы. Недавнія распоряженія правительства свидѣтельствуютъ объ его намѣреніи признать обязательства къ своимъ кредиторамъ. Но положеніе послѣднихъ отъ этого нисколько не улучшилось. Было бы крайне нужно и выгодно для Порты увѣдомить немедленно о средствахъ удовлетворенія предъявителей турецкихъ фондовъ. Представители имѣли въ виду свои инте-

ресы, когда предлагали положить въ банкъ часть доходовъ съ провинцій, установить организацію которыхъ было назначено имъ. Когда правительство султана отказалось принять этотъ проэктъ, было бы несправедливо съ его стороны не избрать немедленно системы, которая бы обезпечивала интересы владѣльцевъ оттоманскихъ фондовъ.

«Мнѣ остается теперь выразить только послѣднее желаніе. Дай Богъ, чтобы совѣтникамъ султана, которыхъ популярность и вліяніе на общественное мнѣніе опредѣлили тѣ рѣшенія, которыя кладутъ конецъ конференціи, не пришлось сожалѣть объ этомъ; дай Богъ, чтобы они не имѣли случая оплакивать несчастныя послѣдствія для Турціи того положенія, которое можетъ повлечь за собою, измѣненіе законнаго порядка вещей, который установилъ условія ея существованія среди европейскихъ государствъ и обезпечилъ ея территоріальную неприкосновенность.»

Надо сознаться, что этой рѣчи, отличающейся большой умѣренностью, будетъ достаточно при необходимости объяснить и оправдать военное вмѣшательство Россіи. Слѣдуетъ замѣтить, что, по словамъ русскаго дипломата, правительство царя взяло подъ свое высокое покровительство не только,

какъ предполагаютъ Греки, славянскія народности, но и всѣ „христіанскія народности“ Оттоманской имперіи, безъ различія происхожденія и національности.

Заявленіе представителя Россіи заключало въ себѣ серьезныя, предостереженія, очень серьезныя, опирающіеся на значительную военную силу, о которой Турки должны бы были подумать, если хотѣли предотвратить катастрофу.

Послѣ закрытія конференціи, когда Порта показала, съ какимъ уваженіемъ относится она къ предостереженіямъ и совѣтамъ Европы, Россіи представлялось три средства.

1) Воздержаніе;

2) Военное дѣйствіе коллективное и

3) Военное дѣйствіе отдѣльное.

Но, спросимъ мы, возможно-ли было воздержаніе? Какъ! истративъ столько милліоновъ и двинувъ столько войскъ, Россія рѣшилась бы потерять плоды своихъ усилій? Какъ! послѣ столькихъ торжественныхъ обязательствъ въ пользу несчастныхъ турецкихъ подданныхъ, она могла бы ихъ оставить? Чтобы сказалъ міръ о рѣчи, произнесенной въ Москвѣ?

А коллективно военное дѣйствіе? Увы! Европа

никогда не соглашалась на него. Безъ сомнѣнія, она могла бы выставить противъ Турокъ, для исполненія своего приговора, 4 милліона людей и 2000 пушекъ; но она не хотѣла пользоваться правомъ понужденія. Англія остереглась бы благопріятствовать проэктамъ Россіи, ея соперницы въ Босфорѣ и въ Азіи; Пруссія не имѣетъ прямыхъ интересовъ на востокѣ и, кромѣ того, по выраженію Бисмарка, раіи не стоятъ „кожи одного солдата"; Франція залѣчиваетъ свои раны и собирается съ силами: у нея нѣтъ ни малѣйшаго желанія возобновить безплодное предпріятіе 1854 года; Австрія боится за самое-себя: прогресса панславизма; наконецъ, Италія считаетъ себя не въ силахъ принимать иное положеніе, чѣмъ остальныя державы. Однимъ словомъ, исключая Россіи, ни одна европейская держава не захотѣла бы потратить хотя одинъ зарядъ для спасенія христіанъ: совмѣстное дѣйствіе было невозможно.

Оставалось отдѣльное дѣйствіе, единственно возможное, единственно исполнимое, единственно дѣйствительное; это дѣйствіе, которое Императоръ обѣщалъ христіанамъ своей рѣчью въ Кремлѣ, предвидя исполнившуюся случайность.

Въ моментъ заключенія Портой мира съ Сербіей

нѣкоторые поверхностные умы представили себѣ, что Туркамъ нечего болѣе опасаться Россіи: это было заблужденіе. Рѣшенія Петербургскаго кабинета вовсе не были связаны съ опредѣленіями кабинета Бѣлградскаго; занятія перваго были иначе обширны и его отвѣтственность иначе велика предъ человѣчествомъ и исторіей.

Турецко-Сербская война была только „побочнымъ явленіемъ“ кризиса; главнаго явленія, главнаго вопроса не существовало тамъ. Этотъ вопросъ существовалъ и существуетъ еще въ прочномъ успокоеніи турецкихъ провинцій дѣйствительнымъ улучшеніемъ судьбы христіанъ. Кризисъ, глубокій кризисъ достигъ высочайшей степени: онъ могъ быть оконченъ только мечемъ.

Царю нужно было только знать: интересъ Россіи, въ соединеніи съ интересомъ христіанъ, налагалъ ли на него немедленное дѣйствіе, или позволялъ ждать, пока турецкая конституція покажетъ вполнѣ свое безсиліе? Нѣтъ сомнѣнія, что онъ раздѣлялъ бы мнѣнія прежняго главы Сентъ-Джемскаго кабинета, Гладстона, который говорилъ 27 января 1877 года, въ Таунтонѣ:

«Что обѣщаетъ турецкая конституція и что случится, если эти обѣщанія будутъ исполнены?

«Наша жалоба заключается въ томъ, что незначительное меньшинство мусульманъ и главнымъ образомъ турецкихъ магометанъ пользуются безграничнымъ господствомъ надъ громаднымъ большинствомъ христіанъ въ Европейской Турціи. Но хотя-бы христіане были въ громадномъ большинствѣ въ Европѣ, они будутъ меньшинствомъ въ цѣломъ Турціи; и средство, которое предлагаютъ для положенія христіанъ, подчиненныхъ магометанамъ въ Европѣ,—то, что ихъ представятъ въ собраніе, гдѣ будетъ *христіанское меньшинство, ограниченное, лишенное бодрости духа, въ извѣстныхъ случаяхъ униженное, предъ магометанскимъ большинствомъ*; и такому то большинству хотимъ мы поручить дѣло оказанія правосудія къ христіанамъ подданнымъ Турціи!»

Какое улучшеніе могутъ ожидать христіане отъ законовъ, которые будутъ издаваться палатой депутатовъ, когда эти законы могутъ быть отмѣнены:

1). Сенатомъ, члены котораго назначаются султаномъ; 2) шейкъ-уль-исламомъ, великимъ жрецомъ мусульманской религіи и, наконецъ 3) султаномъ, калифомъ Стамбула, высочайшимъ главою Исламизма и хранителемъ ученія Корана. Такимъ образомъ, ни одинъ благопріятный для христіанъ

законъ не будетъ ни изданъ двумя палатами, ни обнародованъ главою государства. И рѣшаются представлять конституцію 1876 г. равносильною тѣмъ реформамъ, введенія которыхъ требовала Европа! Кто-же отнесется съ серьезнымъ довѣріемъ къ этой «комедіи»! Конечно, никто.

Конституція положила конецъ неограниченной власти султана. Первое примѣненіе конституціи совершилось надъ ея творцомъ, великимъ визиремъ Мидхадомъ-Пашей, который, въ силу 113 статьи, былъ смѣщенъ и изгнанъ.—Настоящій докторъ Гильотенъ, который первый попробовалъ изобрѣтенную имъ машину!

XV.

Турція предъ судомъ Европы.

Современная исторія представляетъ странный феноменъ, являя намъ многія христіанскія племена уже пять вѣковъ находящіяся подъ игомъ мусульманъ,—и это передъ лицомъ христіанской Европы, насчитывающей 300 милліоновъ жителей!

Разумѣется, если-бы Турки утвердились въ Европѣ тремя вѣками ранѣе, дѣло бы приняло иной оборотъ: властители запада соединились бы противъ нихъ, огромныя массы вооруженныхъ людей не замедлили бы пошатнуть владычество Отомановъ и откинули бы ихъ на другую сторону Босфора. Но увы! со смертію Людовика Св., а особенно послѣ Лепанта, узы, соединявшія христіанскія націи, рас-

пались, духъ солидарности уступилъ мѣсто національному эгоизму, и несчастные христіане востока были покинуты.

Въ наше время сколько было говорено, писано, издано разныхъ сочиненій по поводу христіанъ, бывшихъ многократно предметомъ дипломатической корреспонденціи.... но, въ сущности *одна* Россія дѣйствовала въ ихъ пользу и старалась освободить ихъ изъ подъ ига Оттомановъ.

Парижскимъ трактатомъ (1856) Европа предоставила Россіи *номинально* роль покровительницы христіанъ на востокѣ, но тѣмъ и ограничалась, не сдѣлавъ ничего для улучшенія ихъ участи.

Европа осыпала Турцію благодѣяніями; она ей дала все: милліарды денегъ, броненосный флотъ, пароходы, пушки, локомотивы, оружіе и амуницію. И что-же, какое употребленіе сдѣлано изъ всѣхъ этихъ драгоцѣнныхъ ресурсовъ? Турція употребила ихъ на пріобрѣтеніе веселой беззаботной жизни, на угнетеніе христіанъ и на утвержденіе своего расшатаннаго могущества и даже, въ нуждѣ, пользовалась этими средствами противъ самой Европы.

Въ недавно вышедшемъ номерѣ одного французскаго журнала, именно «Revue des Deux Mondes», проводится параллель между жертвами Европы, при-

несенными въ пользу Турціи и дѣяніями этой послѣдней.

«Турки, говоритъ Г. Леруа-Болье, предоставленные самимъ себѣ, не успѣли нечего ни исправить, ни издать какихъ либо реформъ—со времени самого Магомета; и та бездѣлица, которую они пытались совершить, оказалась скорѣе ко вреду, нежели выгодамъ христіанъ. Крымская война доставила 20-ти лѣтнюю отсрочку прекращенію существованія Турціи въ Европѣ, и всѣмъ извѣстно, что было совершенно Россіею въ этотъ періодъ; но что-же сдѣлала Турція въ эти 20 лѣтъ пощады? Только и есть, что обѣщанія, высказанныя ею при заключеніи Парижскаго мира, гатти-гумаюнъ и фирманы султана Абдула-Меджида; но гдѣ-же реформы, гдѣже улучшенія? Дурная администрація уцѣлѣла, угнетеніе христіанъ, благодаря успѣхамъ централизаціи, сдѣлалось еще ужаснѣе, налоги увеличились, финансовое мотовство, поощряемое займами у наивно-великодушныхъ, услужливыхъ капиталистовъ Англіи и Франціи,—усилилось. Порта водворила въ Европѣ, посреди своихъ мирныхъ болгарскихъ подданныхъ, грабительскія шайки черкесовъ, и Европа, смотря на это, не вымолвила ни слова. Затѣмъ случилась рѣзня въ Сиріи... Я собственными гла-

зами видѣлъ въ горахъ Ливана цѣлыя деревни, населенныя когда-то 500 и болѣе обитателей, въ которыхъ оставались лишь однѣ женщины, мужчины-же всѣ были систематически преданы смерти, и Европа не сократила ни одного дня продолжительной отсрочки, данной Портѣ. Поднялся Критъ, объявляя свое сліяніе съ Греціей, и Западъ, ссудивъ Турцію деньгами, далъ ей возможность усмирить возставшихъ Кандіотовъ..... Говоря по справедливости, можно сказать, что, со времени Крымской кампаніи, Европу нельзя обвинить въ недостаткѣ долготерпѣнія въ отношеніи Порты. Франція и Англія израсходовали 3 милліарда и положили 100.000 человѣческихъ жизней въ долинахъ Крыма, чтобы доставить Турціи свободу лично свершать реформы. Онѣ ежегодно жертвовали ей сотнями милліоновъ, чтобы помочь ей въ дѣлѣ ея преобразованія, и кто можетъ сказать, что эта политика терпѣнія удалась? Наоборотъ, вся исторія Турціи ясно говоритъ, что для ея христіанскихъ подданныхъ необходимъ починъ и бдительность Европы, отъ Турціи-же ждать нечего».

«Безъ земледѣлія, безъ промышленности, безъ искусствъ, безъ торговли, безъ литтературы—Турки, считающіе трудъ униженіемъ, несовмѣстимымъ

съ ихъ «*достоинствомъ*», какъ вампиры сосали кровь Европы. Имъ дали милліарды: милліарды поглощены, и никогда заимодавцы не вернутъ своихъ капиталовъ. Вотъ дойныя коровы, эти гяуры и какъ ловко провели ихъ сыны пророка!»

Теперь посмотримъ какова была признательность Турокъ, многократно спасенныхъ Европою отъ банкротства и отъ русскаго завоеванія.

Турція тремя путями оскорбила Европу: 1) въ ея денежныхъ интересахъ—банкротствомъ 2) въ ея человѣчности—болгарскими ужасами и 3) въ ея достоинствѣ отклоненіемъ предложеній конференціи и радостію, съ которою Порта приняла отъѣздъ пословъ. Тутъ тройное оскорбленіе, которое Европа простила, но котораго Россія не проститъ никогда.

Послѣ столькихъ безполезныхъ жертвъ, Европа хотѣла испытать послѣднее усиліе, чтобы спасти «больнаго человѣка».—Она послала въ Константинополь девять врачей, чтобы на мѣстѣ изучить признаки болѣзни и составить консультацію. Послѣ мѣсячнаго совѣщанія, врачи-члены конференціи прописали больному лѣкарственное питье. Что-же сталось съ больнымъ? Онъ поднялся на своемъ ложѣ, опрокинулъ лѣкарство и указалъ двери врачамъ, а послѣ ихъ ухода принялся хохотать!

Переговоры, бывшіе во время Константинопольской конференціи между Европою и Турціею, можно резюмировать въ слѣдующемъ діалогѣ:

Европа.—О Турція, вспомни мои многочисленныя благодѣянія: милліарды, данные тебѣ, оружіе, изготовленное мною для тебя, офицеровъ и администраторовъ, доставленныхъ мною тебѣ; вспомни 1854 г. и мои огромныя жертвы людьми и деньгами, чтобы спасти тебя изъ подъ *когтей русскаго орла*; вспомни, наконецъ, усилія моей дипломатіи усилія постоянныя, чтобы сохранить твою цѣлость и независимость. Вѣдь, взамѣнъ всѣхъ этихъ великодушныхъ поступковъ, безъ которыхъ ты уже перестала бы существовать, я прошу у тебя только одного, произвести реформы въ твоей администраціи и заставить твоихъ пашей, низамовъ заптій и баши-бузуковъ уважать жизнь, имущество и свободу христіанъ.

Турція. Принося твои сокровища царю—царей, ты, о Европа! исполняла только свой долгъ.

Что было-бы съ христіанскими союзниками, вассалами падишаха, въ войну 1854 года, безъ храбрыхъ сыновъ пророка! Они и теперь-бы еще сидѣли подъ стѣнами Севастополя!

Не говори мнѣ, о Европа, о ничтожныхъ гяу-

рахъ: самъ Аллахъ предоставилъ намъ ихъ имущество, дочерей и ихъ самихъ, они должны считать за честь служить удовольствіямъ благородныхъ сыновъ Ислама. Клянусь Аллахомъ! къ чему-же послужили-бы великія завоеванія Османа, Амурада, Солимана и великаго Мегмета, если христіанская земля, со всѣмъ, что она носитъ, намъ бы не принадлежала? Отцы наши сражались, мы наслаждаемся: такъ хочетъ Аллахъ!

Европа. Но подумай-же, Турція, что ты составляешь только 3 милліона мусульманъ въ Европѣ, тогда какъ насъ, христіанъ, болѣе 300 милліоновъ, Подумай, что райя, наши братья, которымъ мы должны помогать.—Подумай, наконецъ, что, вооружившись противъ тебя, мы можемъ тебя вычеркнуть изъ числа народовъ.

Турція. Да, вы сильнѣе насъ, но вы разрознены, снѣдаемы завистью, и мы хорошо знаемъ, что вы никогда не соединитесь, чтобы идти противъ насъ. Россія, быть можетъ, нападетъ на насъ, но вы ее остановите.

Европа. Вотъ иллюзія! Какъ, ты осмѣливаешься противиться моимъ требованіямъ даже теперь, когда я, возмущенная твоими звѣрствами въ Болгаріи, послала въ Константинополь спеціальныхъ

делегатовъ, которые, соединившись съ моими послапниками, составили Европейскую конференцію? (Подумай хорошенько: Европейскую конференцію!) Задача этой конференціи заключается въ томъ, чтобы приготовить тебѣ отъ моего имени, отъ имени 300 милліоновъ человѣкъ,—реформы,—которыя я признаю необходимыми и въ исполненіи которыхъ я требую гарантій, — Ты осмѣливаешься сопротивляться?

Турція. Да, я сопротивляюсь: я дома и мнѣ не нужно ни отъ кого совѣтовъ. Стыдъ мнѣ, если я уступлю чужеземному давленію. «Лучше смерть, чѣмъ безчестье!» говоритъ мой Диванъ.

Европа.-Такъ я отзову моихъ пословъ....

Турція. Тѣмъ лучше! Я, покрайней мѣрѣ, буду избавлена отъ ихъ присутствія!

Европа. Такъ ты рѣшительно отказываешь въ исполненіи моихъ требованій?

Турція. Да.

Европа. Смотри, подумай о послѣдствіяхъ. Берегись Россіи.

Турція. У меня есть солдаты и пушки.

Намъ кажется, что Европа была бы нѣсколько въ правѣ обижаться такими рѣчами и сдержать па-

стойчивую дерзость Турціи; это предписывало ей ея достоинство.

Но она отказалась отъ участія съ Россіей въ войнѣ. Ужъ не имѣетъ-ли она надежды, что Турція сама дастъ реформы? Не думаетъ-ли она, что конституція Мидхада-Паши измѣнитъ нравы и обычаи мусульманъ? Не разсчитываетъ ли она, что, вслѣдствіе дипломатическаго вліянія кабинетовъ, турецкое правительство устроитъ администрацію на европейской манерѣ?

Times справедливо замѣчаетъ что только внимательное чтеніе *«Тысячи и одной ночи»* можетъ дать понятіе о тайнахъ «Оттоманской политики», прибавляя въ поученіе наивнымъ людямъ, вѣрующимъ въ конституціонное преобразованіе Турецкой имперіи:

> «Отъ фразъ къ дѣйствительности насъ при-
> «ведетъ какое нибудь внезапное событіе, и
> «это будетъ прекрасной сатирой на мирные
> «разсчеты дипломатовъ».

Въ прошломъ апрѣлѣ вотъ еще что печаталъ органъ лондонскаго Сити:

«Трудно читать безъ удивленія тѣ блестящія обѣщанія и надежды, которыя когда-то высказывала Турція государственнымъ людямъ, чуждымъ всякой меч-

та тельности. Что вотъ она развернетъ свои великолѣпные естественные рессурсы, спишетъ законы цивилизованныхъ націй, уравняетъ передъ закономъ съ мусульманами всѣхъ прочихъ своихъ подданныхъ, истребитъ фанатизмъ господствующей расы и, однимъ словомъ, въ два десятка лѣтъ, достигнетъ такихъ успѣховъ, которыхъ такія государства, какъ Франція и Англія, не сдѣлали-бы въ два столѣтія.

«Все это кажется теперь насмѣшкою.—Двадцать лѣтъ гнета, прерываемаго возмущеніями и рѣзнею —ясно напоминають намъ принципъ, что *націи не могутъ быть возрождены благотворными установленіями*. Такая воинственная раса, какъ Турки, сдѣлана не изъ гибкаго матеріала: она заскорузла въ своихъ вѣковыхъ привычкахъ. Турка по природѣ—консерваторъ: онъ не поддается цивилизаціи по образцу западной Европы и у него хронически появляется старая привычка показать свое близкое родство съ воинами, основавшими Имперію Оттомановъ.

«Такимъ образомъ Турція освободила Европу отъ убѣжденія, что Порта, какимъ нибудь таинственнымъ способомъ, можетъ слиться въ единое, сильное и самостоятельное государство, способное

противоборствовать нашествіямъ на Дарданеллы и заградить путь Россіи къ Средиземному Морю¹.

Вотъ уже 522 года, какъ Турки впервые водрузили въ Европѣ знамя владычества (1355 года¹), но съ тѣхъ поръ ничто не измѣнилось, ни въ идеяхъ, ни въ стремленіяхъ, ни въ правахъ, ни въ обычаяхъ: востокъ *неизмѣненъ*. Въ прошедшемъ февралѣ великій визирь, всемогущій наканунѣ, проснувшись утромъ, получилъ приказъ отправиться на бортъ корабля, который былъ долженъ отвести его въ ссылку. Это приключеніе напомнило намъ одинъ пассажъ изъ Candide:

«Часто можно было видѣть цѣлыя лодки, наполненныя разными эффенди, пашами, кади, которыхъ отправляли въ ссылку на Лемносъ, Митилене и Эрзерумъ, пріѣзжали другіе эффенди, паши и кади, чтобъ занять мѣста изгнанныхъ и чтобъ затѣмъ самимъ отправиться въ изгнаніе; часто на высокія должности представляли Высокой Портѣ совершеннѣйшихъ чучелъ.»

Вотъ живо схваченный турецкій режимъ, лишенный всякой конституціонной искусственности: никогда падишахъ, верховный владыка Ислама, не согласится принять конституцію, ограничивающую его всемогущество. Онъ разобьетъ, уничтожитъ пар-

ламентъ, если онъ вздумаетъ сопротивляться волѣ владыки.

«Повелитель расы, управляемой силою оружія, удаленный отъ подвластныхъ ему народовъ, покоренныхъ единственнымъ въ мірѣ фанатизмомъ,—говоритъ Times,—не можетъ принести своей деспотической власти въ жертву самой прекрасной конституціонной теоріи.-Если-бы его тронъ, или господство мусульманской касты подвергались опасности, онъ былъ-бы долженъ идти съ рѣшимостію на защиту восточнаго господства.--Если-бы онъ медлилъ, то его толкнула-бы впередъ партія господствующей касты, которая, съ чутьемъ ищейки, пронюхиваетъ приближеніе опасности.»

И такъ, безумно мечтать, что конституція способна сдѣлать изъ султана ограниченнаго монарха и привести господствующую касту къ рѣшимости отказаться добровольно отъ исключительнаго пользованія ея вѣковыми привилегіями.—

Въ концѣ февраля *Русскій Міръ* такимъ образомъ разъяснилъ апатію Европы:

«Ничто такъ скоро не забывается, какъ происхожденіе и причина событій. То что увлекало въ прошедшемъ году, постепенно изглаживается изъ памяти, и европейская пресса изъ своекорыстныхъ

выгодъ, старается эксплуатировать память публики. Повидимому, вопросъ о Балканахъ потерялъ свой первоначально серьезный характеръ и превратился въ простое соперничество въ пріобрѣтеніяхъ.—Государственные люди, занятые изящными политическими разсужденіями, забыли о безпрерывныхъ бѣдствіяхъ несчастныхъ христіанъ Европы. Можно подумать, что видѣнныя ими звѣрства въ Болгаріи поглотили въ нихъ всѣ чувства человѣчности и обратили ихъ къ обыкновеннымъ ихъ эгоистическимъ разсужденіямъ.—Подъ вліяніемъ этого новаго направленія участь бѣдныхъ христіанъ необходимо должна была ослабнуть въ памяти общества, а высокомѣріе турокъ настолько же возрости. И вотъ въ такомъ то положеніи было дѣло, когда новая фаза восточнаго вопроса обратила на себя всеобщее вниманіе.»

Дипломаты могутъ забыть, но русская нація и люди съ сердцемъ, къ какой бы странѣ они ни принадлежали,— не забудутъ.-Оффиціальная Европа заткнула уши, чтобъ не слышать криковъ отчаянія страдальцевъ востока, но они услышаны Россіею и не остались безъ сочувственнаго, сердечнаго отголоска.—Царь желалъ соединиться съ Европою для совмѣстнаго дѣйствія, но съ условіемъ,

чтобы Европа опредѣлила свое положеніе, а такъ какъ она избрала бездѣйствіе, то Царь долженъ былъ отдѣлиться отъ нея, чтобы идти впередъ.— Если Европа отказалась отъ своего долга, то это не было причиною для Россіи пренебрегать своимъ. Она была въ правѣ показать себя болѣе чувствительной и щекотливой въ дѣлѣ чести, нежели Европа, болѣе преданной интересамъ христіанъ. Развѣ не свободна всякая нація понимать по своему требованіе своего достоинства и долга?

Не хотимъ и слушать, чтобы совмѣстное военное дѣйствіе было не возможно.—Законность и возможность этого акта признавались даже самимъ маркизомъ Салисбюри, котораго лордъ Дерби поздравлялъ съ «удивительнымъ» способомъ исполненія его миссіи на Константинопольской конференціи*. 4 Января 1877 г. англійскій дипломатъ писалъ министру иностранныхъ дѣлъ:

«Независимость Оттоманской Порты—фраза растяжимая и доступная многоразличнымъ толкованіямъ. Въ дѣйствительности-же *она должна быть истолкована такъ, чтобы ее было можно примирить съ совокупными военными и дипломатическими дѣйствіями великихъ державъ, подписавшихъ трактатъ 1856 года.*»

Это совокупное дѣйствіе и было лучшимъ средствомъ обмануть Турцію европейской программою, а за недостаткомъ этого взаимодѣйствія, Россія вышла на бой одна.—

Своимъ наставническимъ отношеніемъ, многочисленными дѣйствіями и благодѣяніями Европа пріобрѣла право контролировать турецкое правительство, бодрствовать надъ нимъ, управлять имъ, угрожать ему и, наконецъ, стараться принудить его къ внутреннимъ реформамъ.- Кто могъ бы серьезно оспоривать у нея это право? Развѣ оно не слѣдуетъ изъ совокупности фактовъ, излагаемыхъ намъ исторіей?

«Часто говорили, сообщаетъ Revue des deux Mondes въ своемъ номерѣ отъ 1-го мая, что трактаты воспрещали великимъ державамъ всякое дѣйствительное вмѣшательство въ дѣла Турціи, и что международное право воспрещало всякую мѣру понужденія со стороны иностраннаго государства въ борьбѣ съ подданными или возмутившимися вассалами. Подобные принципы черезъ чуръ богобоязненны, когда дѣло идетъ о самыхъ высокихъ интересахъ всеобщаго мира и цивилизаціи. Если загорится домъ, угрожая опасностью объять пламе-

немъ сосѣдніе дома, развѣ хозяинъ имѣетъ право запретить своимъ сосѣдямъ помогать ему и всѣми силами препятствовать распространенію пламени, угрожающаго цѣлости ихъ собственнаго имущества? Турція представляется для Европы мастерской этихъ легко воспламеняющихся веществъ, которыя охранительные законы обязаны подчинить спеціальнымъ правиламъ.--Идя въ разрѣзъ всѣмъ теоріямъ, Европа долго еще будетъ обязана вмѣшиваться болѣе или менѣе открыто въ дѣла Порты.»—

Вотъ языкъ здраваго смысла; тѣмъ хуже, если нѣкоторые пункты извѣстныхъ трактатовъ съ нимъ не имѣютъ ничего общаго.—Когда дѣло идетъ о высшихъ интересахъ гуманности и цивилизаціи, о насущномъ вопросѣ, обезпечивающемъ настоящій и будущій миръ континента, тогда неумѣстно останавливаться на формулахъ трактатовъ.—

Если Порта не послушалась совѣтовъ и предложеній Европы, то это только потому, что Европа не сказала твердаго, энергическаго слова. Если-бы она произнесла съ твердостію и вполнѣ серьезно quos ego! Турки уступили-бы несомнѣнно, и этимъ война была-бы избѣгнута.—

XVI.

Циркуляръ 31 января 1877 года.

Послѣ комедіи, именуемой Константинопольской конференціей, С.-Петербурскій кабинетъ долженъ былъ дѣйствовать рѣшительно и дать знать Европѣ о своихъ намѣреніяхъ. Такова была цѣль циркуляра 31 января, адрессованнаго русскимъ Канцлеромъ, Княземъ Горчаковымъ, представителямъ Россіи при дворахъ великихъ державъ.

Вотъ его текстъ:

«Отказъ Порты удовлетворить желаніямъ Европы вводитъ восточный кризисъ въ новое положеніе.

«Съ самаго возникновенія этого кризиса Императорскій Кабинетъ отнесся къ нему, какъ къ вопросу обще-европейскому, который не долженъ былъ

и не могъ разрѣшиться иначе, какъ по единодушному согласію великихъ державъ. Дѣйствительно, такъ какъ всѣ Кабинеты отвергли всякую предвзятую мысль, основанную на исключительно личномъ разсчетѣ, то задача ихъ сводилась къ тому, чтобы склонить турецкое правительство къ справедливому и человѣчному управленію христіанскими подданными султана, для огражденія Европы отъ тѣхъ постоянныхъ потрясеній, которыя возмущали ее совѣсть и нарушали ея спокойствіе.

«Такимъ оброзомъ дѣло это становилось вопросомъ человѣколюбія и общаго блага.

«Вслѣдствіе сего Императорскій Кабинетъ употребилъ съ своей стороны всѣ старанія къ тому, чтобы вызвать совокупное дѣйствіе Европы для устраненія кризиса и предупрежденія его возврата. Онъ вступилъ въ соглашеніе съ австро-венгерскимъ правительствомъ, какъ непосредственно заинтересованнымъ въ этомъ вопросѣ, съ цѣлію представить Европейскимъ Кабинетамъ такія предложенія, которыя могли бы послужить основаніемъ къ общему соглашенію и общимъ дѣйствіямъ. Эти предложенія, изложенныя въ депешѣ графа Андраши отъ 18-го (30-го) декабря 1875 года, были приняты всѣми великими державами, а также и Портою; но сог-

лашеніе это осталось безплоднымъ, такъ какъ не было скрѣплено рѣшеніемъ привести его въ исполненіе, а потому берлинскій меморандумъ побудилъ Кабинеты снова установить начала совмѣстной дѣятельности для изысканія болѣе дѣйствительныхъ средствъ къ достиженію общей цѣли.

«Хотя при этомъ не послѣдовало единодушнаго согласія и дипломатическая дѣятельность была, такимъ образомъ, пріостановлена, тѣмъ не менѣе, въ виду усложненія кризиса кровавыми событіями въ Болгаріи, революціей въ Константинополѣ и войной съ Сербіей и Черногоріей, Кабинеты соединились вновь.

«По почину англійскаго правительства они установили основанія и гарантіи умиротворенія, подлежавшія обсужденію на конференціи, созывавшейся въ Константинополѣ. Эта конференція на предварительныхъ засѣданіяхъ пришла къ полному соглашенію, какъ относительно условій мира, такъ и о предположенныхъ реформахъ. Она сообщила Портѣ результаты своихъ совѣщаній въ смыслѣ твердаго и единодушнаго желанія Европы, но встрѣтила съ ея стороны упорный отказъ.

«Такимъ образомъ, послѣ дипломатическихъ усилій, продолжавшихся болѣе года и свидѣтельствую-

щихъ о степени важности, придаваемой великими державами дѣлу умиротворенія Востока, о ихъ правѣ обезпечивать это дѣло, въ виду общихъ выгодъ, и о ихъ твердой рѣшимости достигнуть этого путемъ общеевропейскаго соглашенія, Кабинеты вновь оказываются въ томъ-же положеніи, какъ при началѣ этого кризиса, нынѣ принявшаго еще болѣе тревожный характеръ, вслѣдствіе пролитой крови, крайняго возбужденія страстей, повсемѣстнаго разрушенія и невозможности опредѣлить, когда окончится столь бѣдственное положеніе дѣлъ, тяготѣющее надъ Европой и справедливо смущающее общественное мнѣніе и правительства. Порта ни во что не ставитъ ни свои прежнія обязательства, ни долгъ, лежащій на ней, какъ на членѣ европейскаго союза, ни единодушныя желанія великихъ державъ. Положеніе дѣлъ на Востокѣ не только не приблизилось къ удовлетворительному разрѣшенію, но даже ухудшилось, продолжая угрожать спокойствію Европы и тревожить чувства человѣколюбія и совѣсти христіанскихъ народовъ.

«Въ этихъ видахъ Его Императорскому Величеству желательно, прежде чѣмъ опредѣлить свой послѣдующій образъ дѣйствій, узнать, какъ полагаютъ поступить Кабинеты, съ которыми мы ста-

рались до сего времени и впредь желаемъ, на сколько это будетъ возможно, дѣйствовать сообща.

Цѣль, которую великія державы имѣли въ виду, была ясно опредѣлена дѣйствіями конференціи.

«Отказъ турецкаго правительства затрогиваетъ достоинство Европы и ея спокойствіе Намъ необходимо знать, какъ отзовутся на этотъ отказъ и чѣмъ намѣреваются обезпечить исполненіе своихъ требованій Кабинеты, дѣйствовавшіе доселѣ за одно съ нами.

«Вамъ предлагается освѣдомиться объ этомъ, по прочтеніи этой депеши и врученіи копіи съ нея министру иностранныхъ дѣлъ.

Примите, и проч.“

Таковъ былъ отвѣтъ С.-Петербургскаго Кабинета на высокомѣрный отказъ Порты принять умѣренныя требованія, высказанныя на Конференціи. Циркуляръ заключалъ въ себѣ также вопросъ, обращенный къ Европѣ, на который она должна была отвѣтить, два мѣсяца спустя, лондонскимъ протоколомъ.- Эта дипломатическая новинка примыкала непосредственно къ войнѣ, вслѣдствіе безумнаго упорства Турціи.

Этимъ циркуляромъ старецъ-канцлеръ выразилъ истинную мысль русскаго народа и ясно показалъ гуманную цѣль императорской политики.

Чего желаетъ Россія? «Заставить турецкое правительство управлять его христіанскими подданными справедливо и человѣчно.» Развѣ можетъ быть болѣе возвышенная, благородная и законная цѣль? Вотъ что высказано съ рѣшимостію и твердымъ голосомъ. Теперь спросимъ, позволялъ-ли Россіи опытъ прошедшаго—надѣяться на достиженіе ея цѣли дружественнымъ путемъ, не прибѣгая къ силѣ? Конечно, нѣтъ!

Развѣ безсиліе дипломатіи не высказалось самымъ поразительнымъ и нагляднымъ образомъ? Въ теченіе двухъ лѣтъ она употребляла усилія заставить Турокъ произвести реформы въ Управленіи и тѣмъ предупредить страшный взрывъ, и какого-же добилась она результата? Положеніе со дня на день дѣлалось болѣе и болѣе серьезнымъ, когда, наконецъ, всѣ надежды на миръ одна за другою разсѣялись

Канцлеръ имѣлъ полнѣйшее право взывать «къ чувствамъ человѣчности и совѣсти христіанскихъ народовъ».. Дѣло, которое защищаетъ Россія, — дорого для всѣхъ цивилизованныхъ народовъ.-Всеобщее мнѣніе возмущено дикимъ угнетеніемъ восточныхъ христіанъ, и всѣ живо желаютъ ихъ скорѣйшаго избавленія.

XVII.

Паденіе Мидхада-Паши.

Пятаго февраля совершилось паденіе великаго визиря Мидхада-Паши, непріятно поразивъ друзей Турціи и нѣкоторую часть европейскаго мнѣнія. Въ этой внезапной немилости увидѣли тревожный симптомъ, знакъ враждебныхъ намѣреній противъ Европы и Россіи. По нашему-же убѣжденію, случай этотъ не имѣетъ никакой важности. Кто не знаетъ, что при дворѣ султана самый незначительный, пустой поводъ, ненависть евнуха и фаворита, капризъ женщины можетъ повести къ паденію великаго визиря? Въ этой удивительной странѣ министерскія перемѣны не имѣютъ никакого политическаго значенія. Мидхадъ, или Эдхемъ, Эдхемъ, или

Мидхадъ—все равно Турокъ, т. е. человѣкъ, имѣющій турецкія мысли, предразсудки, страсти. Въ этомъ обществѣ мысли одинаковы во всѣхъ степеняхъ іерархіи: понятія визиря ничѣмъ существенно не отличаются отъ понятій простаго стамбульскаго посильщика; конечно, они имѣютъ нѣкоторыя разнообразія, но въ основѣ — всегда одни и тѣ-же.

Вопросъ заключается не въ томъ, та или другая партія возьметъ верхъ въ передней султана, но въ томъ—улучшится, или нѣтъ участь христіанъ, а мы увѣрены, что перемѣна визиря не можетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на ихъ участь. Имъ все равно придется терпѣть ненависть, грабежи, угнетеніе и даже смерть, какой бы великій визирь ни управлялъ страной.-Ихъ одинаково будутъ преслѣдовать и эксплуатировать по приказу властителя, или по закону, вотированному парламентомъ.

Важенъ результатъ и опредѣленный конецъ, но во всякомъ случаѣ, будетъ или не будетъ введена конституція 23 Декабря 1876 года, — результатъ для несчастной райи будетъ одинъ и тотъ-же: бѣдные не были даже призваны къ избранію отъ себя депутатовъ въ парламентъ! Вотъ уже пять вѣковъ христіанскія племена преслѣдуются Оттоманами,

которые никогда не откажутся отъ этой эксплуатаціи, такъ хорошо устроивающей ихъ дѣла. Каждый Турокъ, азіатецъ и черкесъ чувствуютъ себя вполнѣ хорошо подъ существующимъ режимомъ и отъ него не откажутся прежде, чѣмъ не сожгутъ свой послѣдній патронъ.

XVIII.

Роль Англіи.

Восьмаго февраля 1877, англійская королева открыла парламентскую сессію рѣчью, въ которой нимало не выразила существенныхъ намѣреній ея правительства. Королева порицала рѣзню въ Болгаріи и выражала «сожалѣніе», что Порта не уступила настояніямъ конференціи; но въ то-же время она дала понять, что она не потерпитъ малѣйшаго посягательства «на неприкосновенность и независимость Оттоманской имперіи». Вообще это значило, королева желала сохранить свободу дѣйствій и оставляла въ запасѣ лазейку, черезъ которую моглабы дѣйствовать противъ Россіи, еслибы эта послѣдняя вздумала угрожать столицѣ Турціи.

На томъ-же засѣданіи Лордъ Дерби дополнилъ тронную рѣчь и заявилъ о намѣреніяхъ кабинета, которыя можно выразить въ двухъ словахъ: *Англія предоставляетъ Россіи свободу дѣйствій до тѣхъ поръ, пока она не будетъ угрожать Константинополю.*

Отказавшись принять дѣйствительныя мѣры, предложенныя Берлинскимъ Меморандумомъ, правительство Соединенныхъ Королевствъ не захотѣло употребить противъ Порты вооруженнаго давленія, ни поддержать съ оружіемъ въ рукахъ опредѣленій конференціи.

«Въ сущности, говорилъ министръ иностранныхъ дѣлъ Англіи, рѣшеніе зависитъ отъ одной державы, пожалуй, отъ одного человѣка. Ни на одномъ человѣкѣ не лежала такая серьезная отвѣтственность, какая лежитъ теперь на главѣ Русской имперіи.»

И дѣйствительно, только благодаря сознанію этой отвѣтственности, въ теченіе шести мѣсяцевъ, не начинались военныя дѣйствія, но пусть знаетъ Англія и другія державы, что передъ судомъ исторіи истинная отвѣтственность падетъ на голову тѣхъ, которые въ просвѣщенномъ XIX вѣкѣ вели себя, какъ дикари, какъ вандалы, сдѣлавъ необходимымъ вооруженное вмѣшательство.

Лордъ Дерби призналъ, что русскій народъ былъ «увлеченъ энтузіазмомъ, предпринимая новый крестовый походъ», но прибавилъ что реакція уже наступила, давая понять, что энтузіазмъ охладѣлъ, и что Россія могла въ средѣ себя насчитать только небольшое число сторонниковъ войны. Однако теперь ясно, что этотъ энтузіазмъ, вызывавшій насмѣшку въ нѣкоторыхъ европейскихъ сферахъ, не былъ фейерверкомъ.

Дерби не хотѣлось, чтобы Россія вступила въ войну. Въ рѣчи, произнесенной въ палатѣ перовъ, онъ предлагалъ средство измѣнить направленіе общественнаго мнѣнія Россіи.

Но извѣстное его разсужденіе не могло быть принято русскою націею по двумъ причинамъ: 1) Россія, испытавъ живо ударъ своему достоинству, не считала себя отомщенной, сохраняя, подобно Европѣ, индифферентное положеніе и 2) она имѣетъ особенное назначеніе, что доказывается ея исторіей и естественнымъ влеченіемъ къ единовѣрнымъ страдальцамъ.

Въ томъ-же засѣданіи палаты лордовъ, одинъ изъ членовъ сдѣлалъ совершенно истинное замѣчаніе, которое мы здѣсь и приводимъ, такъ какъ оно заключаетъ сущность Восточнаго вопроса.

«Миръ, говоритъ онъ,—до тѣхъ поръ не установится въ Европѣ, пока не будетъ обезпечено благосостояніе христіанскихъ подданныхъ Турціи».

Вотъ непреложная истина, которою должны проникнуться всѣ, приносящіе въ жертву участь христіанъ сомнительнымъ интересамъ спокойствія Европы.—Бѣдственная участь райи—вотъ настоящая причина періодическихъ кризисовъ, пять десятковъ лѣтъ волнующихъ доброе согласіе кабинетовъ, и только улучшеніе положенія христіанъ можетъ повести къ прочному и продолжительному миру. Такимъ образомъ Россія, стараясь обезпечить благо христіанскихъ подданныхъ Турціи, дѣйствуетъ несомнѣнно въ интересахъ европейскаго мира.

Спустя немного времени, послѣ открытія британскаго парламента, была издана *Синяя книга*, сборникъ, заключающій въ себѣ, согласно воззрѣній Times, «обвинительную рѣчь противъ Турціи.» Фактъ этотъ тѣмъ болѣе значителенъ, что документъ этотъ принадлежитъ перу Англичанъ, людей, которымъ выгодно явить свѣту всѣ заблужденія Турокъ.

Вотъ что заключаетъ въ себѣ депеша лорда Дерби, включенная въ Синюю книгу:

«Вся исторія имперіи Оттомановъ показываетъ

что Порта неспособна гарантировать успѣшное исполненіе реформъ въ провинціяхъ; турецкіе чиновники принимаютъ реформы съ отвращеніемъ и дерзко, пользуясь сознаніемъ безнаказанности, ими пренебрегаютъ.»

Таково-же и наше мнѣніе: Порта неспособна гарантировать исполненіе реформъ; но недостаточно только констатировать фактъ, слѣдуетъ вывести изъ него заключеніе.—Вотъ логическое заключеніе: *необходимо матеріальное принужденіе.*—Министръ иностранныхъ дѣлъ Англіи забываетъ объ этомъ. Да вѣдь это очень просто, принужденіе не согласуется съ знаменитой «традиціонной политикой!»

Синяя книга говоритъ, что султанъ Абдулъ-Гамидъ самъ сознался сэру Эллioту, что *благодѣтельныя уложенія предшествующихъ царствованій остались мертвою буквою.* Хорошо признаніе въ устахъ падишаха! Развѣ можетъ быть лучшее доказательство безполезности и безсилія всѣхъ актовъ даже исходящихъ отъ высочайшей власти? Развѣ есть въ другой странѣ такой владыка, который не можетъ заставить своихъ чиновниковъ повиноваться его волѣ? Поистинѣ, султанъ, говоря это, не могъ лучше осудить своего правленія.

Желая, во что бы то ни стало, избѣжать немед-

леннаго разрыва, англійское министерство придумало нѣкоторое средство.

Оно предложило Россіи—дать Портѣ на одинъ годъ отсрочку, для введенія реформъ и конституціи, но Царь на это не согласился.—Вполнѣ убѣжденный заранѣе, что никакія реформы не привьются, онъ не захотѣлъ разоружаться.

Если бы онъ согласился на отсрочку, то ему пришлось-бы, во всякомъ случаѣ, поддерживать армію въ теченіе года на военной ногѣ, что требовало громадныхъ издержекъ, издержекъ безполезныхъ: вѣдь эта отсрочка нимало не улучшала положеніе христіанъ и не производила никакихъ перемѣнъ въ дѣлахъ Востока. Чтобы судить о размѣрѣ пожертвованія Россіи въ этомъ случаѣ, достаточно простаго исчисленія. Князь Горчаковъ сообщилъ лорду Лофтусу, что содержаніе русской арміи, сгруппированной на югѣ имперіи, стоитъ 750.000 рублей или 3 милліона франковъ въ день, годичное продолженіе statu quo причинило бы пустую и безполезную потерю *милліарда* франковъ.

Мысль лорда Дерби была вдохновенна, она была-бы даже разумна въ отношеніи другаго народа, но не Турокъ; но въ этомъ случаѣ она подавала вполнѣ химерическія надежды. Россія не могла согла-

ситься истощать свои финансы, увеличить и безъ того значительные размѣры экономическаго кризиса, подвергнуть лишеніямъ свое населеніе, чтобы увидѣть, по истеченіи года, то-же положеніе дѣла, какое было до отсрочки; война была неизбѣжна, и въ интересахъ Россіи лежало, чтобы она была немедленной; но не *желяніе сдѣлаться наслѣдницей великой и пышной державы Востока*; какъ говорили въ англійской палатѣ лордовъ, 20 февраля 1877 г.,—влекло ее къ войнѣ; она стремилась положить предѣлъ экономическому кризису и спѣшила на помощь христіанамъ, звѣрски угнетаемымъ Черкесами, Курдами и Турками.

Отсрочкою какъ-бы спрашивалось у угнетенныхъ, истерзанныхъ, обезчещенныхъ и ограбленныхъ всѣхъ расъ и вѣроисповѣданій, могутъ-ли они перенести новые опыты, по приказу европейской дипломатіи.- Но опыты эти стоютъ слишкомъ дорого; когда каждый день угрожаетъ смертію, тутъ развѣ возможно ожиданіе?

И такъ, самые важные интересы обязывали Россію скорѣе рѣшить вопросъ войны или мира, а съ другой стороны она не могла распустить свою армію, ранѣе достиженія гуманной цѣли, которую она положила достичь оружіемъ; тутъ дѣло шло не

бумагѣ, о гатти, или ираде, прокламаціяхъ, или протоколахъ, а о необходимыхъ реформахъ, достаточныхъ, по мнѣнію Россіи, — для безопасности христіанъ.

Юридическая сторона дѣла была ясно истолкована однимъ бельгійскимъ публицистомъ за нѣсколько дней передъ объявленіемъ войны.

«Европа, писалъ онъ,--имѣетъ право совокупнаго вмѣшательства въ пользу христіанъ Турціи. Европа, созвавъ Константинопольскую конферецію, сама заявила о сознаніи этого права. Иначе эта конференція не имѣла-бы вовсе разумнаго значенія. Можеть-ли Европа отказаться отъ этого права? Конечно, нѣтъ: оно лежитъ не въ ея интересахъ, а въ интересахъ христіанскихъ народностей, угнетаемыхъ Турками, въ интересахъ человѣчности и общей цивилизаціи.—Итакъ, Европа имѣетъ и *право* и *обязанность* и исполненіе этой обязанности лежитъ на державахъ важныхъ по своему вліянію и военному могуществу. Предположимъ теперь, что нѣкоторыя изъ такихъ державъ уклоняются отъ исполненія своей миссіи; — освобождаются-ли отъ этого и другія? Да, если онѣ безсильны дѣйствовать въ одиночку: что невозможно, то—невозможно; но если напротивъ,— онѣ имѣютъ необхо-

димыя силы для дѣйствія, то онѣ въ правѣ и обязаны дѣйствовать. *Исполняя этотъ долгъ, онѣ дѣлаютъ великую услугу гуманности*, и возростаніе могущества, какъ слѣдствіе исполненія долга, будетъ справедливою наградою за ихъ жертвы. —Другія заинтересованныя націи не будутъ имѣть права жаловаться, потому что отъ нихъ зависило принять участіе и въ трудахъ, и въ тріумфѣ.»

Кто можетъ отвергнуть законную разумность этой теоріи? Не основывается она развѣ на самыхъ почетныхъ чувствованіяхъ и на самыхъ возвышенныхъ началахъ, оправдывая употребленіе силы въ международныхъ сношеніяхъ?

Въ этомъ вопросѣ Англія сама вполнѣ сознавала-бы разумность и справедливость основаній Россіи, еслибы не была горячей соперницей этой державы по отношенію къ Азіи и еслибы ея воззрѣнія не были ограничены слишкомъ странной исключительностію ея интересовъ.

Объявленіе войны повергло Англію въ безпокойство и произвело живое волненіе: можно было подумать, что острее русской шпаги кольнуло ее въ сердце. Ея экзальтированное воображеніе внезапно увидѣло русскаго двуглаваго орла, распростершаго свои крылья надъ султанскимъ сералемъ и отряды

казаковъ, быстро несущихся въ долинѣ Тигра и Ефрата, прямо къ Персидскому заливу.

30 апрѣля королева Викторія «дружественная обѣимъ державамъ», объявила строгій и безпристрастный нейтралитетъ»; но Европа не довѣряетъ этому *условному, оставившему лазейку нейтралитету*, зависящему отъ военныхъ событій на востокѣ.

Объявленіе нейтралитета, 30 апрѣля, было послѣдуемо на другой день страннымъ коментаріемъ; мы говоримъ объ отвѣтѣ лорда Дерби на циркуляръ 19 апрѣля, которымъ князь Горчаковъ объявлялъ кабинетамъ о рѣшимости Россійскаго Императора.

Тонъ этого отвѣта изумилъ Европу;

«Правительство Ея Величества, писалъ лордъ Дерби лорду Лофтусу, посланнику въ С. Петербургѣ, получило русскій циркуляръ съ глубокимъ сожалѣніемъ. Ему невозможно принять декларацiи князя Горчакова и оправдать его заключенія.»

Дерби напоминалъ декларацiи протокола и обращалъ вниманіе на то, что Порта, сопротивляясь положеніямъ протокола, «подтверждала вновь свое *намѣреніе* привести въ исполненіе уже обѣщанныя реформы.» Такимъ образомъ, не взирая на уроки

прошлаго, Россіи предоставлялось удовлетвориться «намѣреніями» Порты!

«Правительство Ея Величества,--продолжалъ лордъ Дерби, не можетъ допустить, какъ настаиваетъ князь Горчаковъ,—что отвѣтъ Порты разрушилъ всѣ надежды на ея подчиненіе желаніямъ Европы и на всякую гарантію исполненія предписанныхъ реформъ. Изъ ея отвѣта также нельзя видѣть невозможности заключенія мира съ Черногоріей.—Правительство Ея Величества вѣритъ, что терпѣніемъ и умѣренностію съ обѣихъ сторонъ можно прійдти къ умиротворенію.»

Вотъ къ какимъ иллюзіямъ, высказываемымъ болѣе или менѣе чистосердечно, могутъ вести страсти соперничество и узкое отношеніе къ интересамъ! Все это отрицаетъ очевидность.

Лордъ Дерби даетъ еще образчикъ:

«Британское правительство не скрываетъ, что присутствіе значительныхъ русскихъ силъ на границахъ Турціи, дѣлая невозможнымъ разоруженіе и производя чувство страха и фанатизма между мусульманскимъ населеніемъ, установляетъ матеріальное препятствіе внутреннему умиротворенію и реформамъ. Оно не можетъ вѣрить, чтобы вступленіе этихъ армій на турецкую территорію, могло

устранить затрудненія и улучшить участь христіанскихъ населеній подъ властію султана».

Такимъ образомъ, подъ предлогомъ исполненія реформъ,—слѣдовало дать свободу врагамъ христіанъ и возможность представить намъ новыя звѣрства въ Болгаріи! Нужно было полагаться на слова и добрыя чувствованія Турокъ! Пусть это не понравится государственному мужу Англіи, но мы убѣждены, что участь христіанъ тогда только улучшится, когда они не будутъ болѣе подданными Оттоманской Порты.

Письмо лорда Дерби оканчивалось такими словами, рѣзкость которыхъ противорѣчитъ дипломатическимъ обычаямъ:

«Дѣйствуя противъ Турціи единолично и самостоятельно и прибѣгая къ оружію безъ совѣта и согласія союзниковъ, Русскій Императоръ вышелъ изъ европейскаго союза, который не былъ прерванъ доселѣ, и удалился отъ избраннаго имъ правила. Невозможно предвидѣть послѣдствія такого образа дѣйствій.

«Правительство Ея Величества охотно изложило бы свои соображенія по этому поводу, но не дѣлаетъ этого, такъ какъ князь Горчаковъ высказываетъ въ своемъ циркулярѣ, что Россія дѣйст-

вуетъ одинаково, какъ въ интересахъ Великобританіи, такъ и другихъ державъ, и объявляетъ формально и публично, что рѣшеніе русскаго правительства—нетаково, чтобы быть судимо».

Къ несчастію, не отъ англійскаго министра зависитъ заставить выйти Россійскаго императора изъ «европейскаго союза», и онъ только напрасно разразился такою выходкою: взрывъ С. Джемскаго кабинета не можетъ достичь *дворца царей*.

Пренебрегая интерсесами христіанъ и занимаясь только собственными интересами, Англія держится выжидательнаго положенія, вооруженнаго, относительнаго нейтралитета; она вступитъ въ дѣйствіе, даже одна,—какъ скоро русское оружіе покажетъ блистательные успѣхи, или,—вѣрнѣе,—какъ скоро ей покажется, что ея европейскіе или азіатскіе интересы угрожаемы побѣдоносным шествіемъ царскихъ войскъ.

Какъ измѣнились времена послѣ того, какъ, въ царствованіе Екатерины II, контръ-адмиралъ Эльфингстонъ и два другіе англійскіе контръ-адмирала начальствовали русскими кораблями въ Архипелагѣ и помогали графу Орлову одержать блестящую побѣду при Чесмѣ! Теперь не то: многіе офицеры британскаго флота командуютъ турецкими корабля-

ми. Англійскій подданный, Гоббартъ, Паша, принялъ начальство надъ оттоманскимъ флотомъ: онъ первый, пробравшись по Дунаю, далъ первый военный залпъ противъ русскихъ войскъ. Въ теченіе одного вѣка британское правительство совершенно измѣнило свои мысли.

Предложеніе Гладстона.—30 апрѣля престарѣлый предводитель партіи виговъ высказалъ въ палатѣ общинъ пять положеній, имѣющихъ цѣлію освободить англійскую политику отъ всякой солидарности съ политикою Турціи.

7 мая открылись пренія, окончившіяся только 14-го, отклоненіемъ предложеній Гладстона.

Въ засѣданіи 7 мая, Гладстонъ отвѣчаетъ тѣмъ, которые думаютъ, что русское вооруженіе повредило дѣлу конференціи. Онъ напоминаетъ, что, согласно воззрѣніямъ самого лорда Салисбюри,— вооруженіе это составляло «надежды конференціи». —Одни слова, по его мнѣнію, были «безполезны» и недостаточны; «только русское вооруженіе могло внушить Турціи страхъ и только на немъ основывались надежды представителей державъ на конференціи—заставить Турцію подчиниться рѣшенію Европы».—

Наконецъ, ораторъ упрекаетъ правительство за его отношеніе къ болгарской рѣзнѣ:

«Развѣ, — восклицаетъ онъ, — не вслѣдствіе отказа нашего правительства дѣйствовать въ согласіи съ другими державами, — виновники преступленій остались безнаказанными и даже получили награду? Безразличное отношеніе, высказанное нами къ судьбѣ христіанъ въ Турціи, — дозволило Портѣ идти по пути жестокостей и дурнаго управленія и довело дѣло до такого положенія, что христіане принуждены теперь платить дань, какъ условіе ихъ существованія».

Въ тотъ-же день Кроссъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, излагаетъ виды кабинета и опредѣляетъ интересы Англіи въ Восточномъ вопросѣ.

Онъ предлагаетъ Гладстону отвѣтить *да* или *нѣтъ* на слѣдующій вопросъ: «Намѣрены-ли вы объявить войну Турціи, въ качествѣ союзника Россіи?» Гладстонъ не отвѣчаетъ: онъ не рѣшается идти до конца и извлечь практическое разсужденіе; быть можетъ, онъ опасается быть покинутымъ своею партіею, если-бы онъ открыто объявилъ союзъ съ Россіею.

Кроссъ напоминаетъ, что Великобританія объявила «строгій нейтралитетъ» и заявляетъ, что всѣ

усилія правительства будутъ стремиться «къ локализированію войны, насколько возможно, доведя поле сраженія до minimuma».

Онъ не думаетъ, что занятіе Константинополя необходимо для защиты христіанъ.

«Что касается Суецкаго Канала, то его безопасность интерессуетъ, говорилъ онъ,--нетолько Англію, но цѣлый свѣтъ... Я не знаю какимъ путемъ Россія можетъ произвести нападеніе на этотъ каналъ, но случай этотъ представляетъ несомнѣнный интересъ, не только для англичанина, но для всякаго европейца. Этотъ каналъ,дѣйствительно,—путь народовъ запада на востокъ».

Кроссъ напоминаетъ слова, произнесенныя въ Ливадіи, 2 Ноября 1876 г., Русскимъ Императоромъ:

«Императоръ торжественно объявилъ нашему послу, что онъ не желаетъ завоеваній и не имѣетъ ни малѣйшаго желанія или намѣренія—овладѣть Константинополемъ, прибавляя, что обладаніе этимъ городомъ принесетъ несчастіе Россіи. «Если даже, прибавилъ Царь, я буду принужденъ занять часть Болгаріи, то это будетъ только на время».—Если Императоръ Всероссійскій сдержитъ свое слово, данное такъ торжественно, тогда британскіе инте-

ресы не подвергнутся никакой опасности.—*По побѣдоносную армію трудно удержать, какъ и успокоить возставшую націю.* Вотъ что я могу сказать, наше правительство чистосердечно вѣритъ, что Россія не коснется интересовъ, которые не истекаютъ изъ предпринятой борьбы, потому что, въ противномъ случаѣ, Англія и Европа не посмотрятъ на это съ индифферентизмомъ».

Такимъ образомъ Англія проситъ Россію только не касаться Константинополя: значитъ, для арміи Царя довольно простора!

Рѣчь Кросса заканчивается слѣдующимъ:

«Предъ лицомъ собранія, Англіи, Европы и цѣлаго міра, англійское правительство высказываетъ честность своихъ намѣреній.--Оно желаетъ мира, хотя и сознаетъ свою силу; оно не желаетъ употреблять силу, безъ особой необходимости, и какъ скоро представится случай остановить эту войну, прекратить распрю, дѣйствительнымъ образомъ улучшить положеніе христіанскихъ обитателей Турціи, а это средство заключается, по моему мнѣнію, не въ войнѣ,—локализировать войну и устранить ея послѣдствія, —оно прійдетъ предложить свои услуги».

Въ засѣданіи 8 мая одинъ изъ членовъ упре-

каетъ лорда Дерби за его дѣйствія по отношенію къ Россіи и говоритъ объ отвѣтѣ на циркуляръ Горчакова, отвѣтѣ, который и «по тону и по выраженіямъ равно неприличенъ».

Отвѣтъ лорда Дерби упрекаетъ Россію въ пренебреженіи парижскимъ трактатомъ; на это тотъже членъ замѣчаетъ:

«Не сказалъ-ли самъ лордъ Дерби, что *трактаты не могутъ быть безсмертны*, что они старѣютъ и что принципъ, будто они всегда обязательны,—нелѣпъ. И вотъ Россія дѣйствуетъ потой-же программѣ, а за это ее осыпаютъ горькими упреками!»

«Говорятъ, что Русскій Императоръ отдѣлился отъ европейскаго союза.-Какая держава, спрашиваетъ ораторъ,—въ сущности отдѣлилась отъ союза? Развѣ это не одна изъ шести великихъ державъ, подписавшихъ протоколъ и приведшая его къ *нулю*? Развѣ это не Англія, обратившаяся къ Императору съ горькой и оскорбительною рѣчью, будто «невозможно отвѣчать за послѣдствія рѣшимости Россіи?»

По мнѣнію оратора, эта рѣчь была «прямою угрозою, обращенною къ Россіи», и онъ резюмируетъ свои слова такимъ образомъ;

«Англійское правительство, оскорбивъ Россію, уничтожило все хорошее, что удалось ей сдѣлать, и *это вызвало войну*».

Въ засѣданіи 10 мая, Форстеръ смѣло разбираетъ содержаніе депеши 1-го мая:

«Депеша лорда Дерби, говоритъ онъ, заключаетъ въ себѣ аргументы, основанные на ложныхъ принципахъ, аргументы опасные.

«Въ ней есть положенія, противорѣчащія политикѣ правительства. Желалъ бы я знать, неужели министры вѣрятъ въ новую турецкую конституцію?

«Въ отвѣтъ Россіи сказано, что правительство увѣрено, что вступленіе русскихъ войскъ на турецкую территорію, не улучшитъ положенія христіанскаго населенія Турціи. Положимъ, что будутъ бѣды, неизбѣжныя при всякомъ вторженіи, но мнѣ удивительно, что министръ, знающій положеніе дѣлъ, объявляетъ, будто условія христіанскаго населенія въ Турціи не будутъ улучшены русскимъ вмѣшательствомъ.

«Возьмемъ напр. Болгарію... Я не могу повѣрить, чтобы, если избавить ее отъ владычества Турокъ, дать ей автономію, какъ Сербіи, Греціи и Румыніи,—положеніе народа значительно не улучшилось.

«Переносясь мысленно теперь на театръ войны, я утверждаю, что русскіе находятся теперь въ турецкой Арменіи, и могу сказать по личнымъ наблюденіямъ и опыту, что *населеніе русской Арменіи находится въ лучшемъ соціальномъ, нравственномъ и религіозномъ положеніи, чѣмъ населеніе, гдѣ въ настоящее время оперируютъ русскія войска.*

«Лордъ Дерби въ своей депешѣ сообщаетъ, что въ свиданіи съ Музурусъ- Пашей, онъ предупредилъ представителя султана, что, вслѣдствіе успѣха русскаго оружія, Турція потеряетъ ни одну, или двѣ провинціи, но что даже на карту ставится *существованіе Оттоманской имперіи.*

«Каковъ бы ни былъ результатъ, но по моему несомнѣнно, что успѣхъ Русскихъ поведетъ къ улучшенію условій христіанскихъ подданныхъ Порты».

Г. Форстеръ также защищаетъ Россійскаго Императора противъ упрека въ томъ что онъ отдѣлился отъ европейскаго союза:

«Я явился не для защиты Россіи, но я хочу просить палату дать честное заключеніе, можно-ли порицать Россію въ томъ, что она не держалась европейскаго союза»?

«Понятно ей было-бы можно сдѣлать серьезный упрекъ, если-бы европейскій союзъ былъ дѣйствительностью, а не *призракомъ*.

«Я говорю, что союзъ этотъ былъ *ложенъ*, что было слѣдствіемъ рѣшенія не исполнить опредѣленій конференціи, а это давало Россіи право сказать, что она не имѣетъ вѣры въ европейскій союзъ».

«Кайнарджійскій трактатъ, говоритъ Гладстонъ, предоставляетъ извѣстныя права Россіи и по моему—*преступленіе оставить христіанъ безъ покровительства*; ничто не можетъ оправдать чувства притязательности противъ Россіи. Наша истинная обязанность—ополчиться противъ Турціи, вмѣстѣ съ Россіею.—Положимъ, это предложеніе можетъ быть отвергнуто парламентомъ, тѣмъ не менѣе оно раздѣляется большинствомъ населенія Англіи».

Наконецъ, въ засѣданіи 14 мая, маркизъ Гартингтонъ, одинъ изъ предводителей партіи виговъ, поддерживаетъ идеи своего политическаго единовѣрца, г. Гладстона.

«Чего желаетъ Гладстонъ?

«Устранить Англію отъ постыдной роли въ исторіи быть защитницею Турціи, перейти къ дѣятельной роли, дать свободу турецкимъ провинціямъ и

миръ Европѣ и блюсти интересы Британіи такимъ образомъ, чтобы сдѣлать ихъ торжественными съ интересами мира и свободы».

Ораторъ не вѣритъ въ излѣчимость Турціи:

«Нѣтъ силы, способной возвратить здоровье Турціи, и нѣтъ власти, могущей остановить успѣхъ и культурный ростъ ея христіанскихъ подданныхъ. Турція—*тронъ безъ жизни*; народности ей подвластныя, ростутъ и мужаютъ: Палатѣ слѣдуетъ объявить, что наше правительство не хочетъ пріобщить судьбы Великобританіи къ постыднымъ и печальнымъ остаткамъ Турціи».

Канцлеръ казначейства, сиръ Стаффордъ Норткотъ, входитъ на трибуну, чтобы объяснить поведеніе британской политики:

«Нашею политикою всегда было требовать улучшенія турецкаго правленія и совѣтами, и предупрежденіями и упреками. Съ другой стороны, мы объявили, что не хотимъ прибѣгать къ понужденіямъ, потому что, въ глазахъ нѣкоторыхъ, подобное поведеніе покажется несправедливымъ».

Намъ кажется страннымъ, что какое нибудь правительство можетъ быть остановлено размышленіемъ, что его поведеніе будетъ въ глазахъ *нѣкоторыхъ* несправедливо.

Не восхваляя и не порицая рѣшенія Россіи, канцлеръ съ почтеніемъ относится къ мирнымъ усиліямъ Императора:

«Положеніе Россіи было затруднительно, давленіе славянскаго элемента ея народонаселенія было такъ сильно, что было очень трудно ему сопротивляться. Единственное желаніе, единственная преобладающая мысль правительства русскаго, а особенно Императора, было—*избѣгнуть, насколько возможно,—употребленія силы; но имъ пришлось бороться противъ слишкомъ сильныхъ вліяній*».

Говоря такъ умѣренно, сиръ Норткотъ, кажется, старался смягчить дѣйствіе высокомѣрныхъ и вызывающихъ рѣчей министра иностранныхъ дѣлъ.

Онъ возобновляетъ рѣчь объ объявленіи нейтралитета:

«Мы желаемъ остаться нейтральными и исполнить наши обязанности, истекающія изъ такого положенія, и принципъ этотъ мы поставляемъ себѣ, какъ путеводный маякъ».

Этотъ торжественный дебатъ по поводу Восточнаго вопроса заканчивается рѣчью Гладстона.

Старый вождь С. Джемскаго кабинета думаетъ, что совокупное дѣйствіе державъ *еще возможно* и

что попытка новаго понужденія со стороны державъ не повлечетъ войны».

Мы же не можемъ понять этого «понужденія безъ посредства войны».

Въ заключеніе Гладстонъ выражаетъ сожалѣніе, что «не вняли голосу націи» и что «отстранили Англію отъ участія въ этомъ *великомъ предпріятіи цивилизаціи:* улучшить участь восточныхъ христіанъ».

Вопреки краснорѣчію либеральныхъ ораторовъ, первоначальное рѣшеніе Гладстона, имѣющее предметомъ объявить, что Англія не окажетъ Турціи ни нравственной ни матеріальной поддержки,— было отвергнуто 354 голосовъ противъ 223, что дало министерству перевесъ 131 голосовъ.

Палата общинъ постановила:

«Отвергнуть всякое предложеніе, клонящееся къ тому, чтобы связать правительство въ свободномъ дѣйствіи сохранить миръ и защитить англійскіе интересы».

Такимъ образомъ нижняя палата одобрила поведеніе кабинета въ послѣднихъ фазахъ восточнаго вопроса и дала ему полную волю соблюдать «англійскіе интересы».

Изъ длинныхъ преній по поводу предложеній

Гладстона вышелъ такой результатъ: Англія не заботится болѣе о *независимости и цѣлости Оттоманской Имперіи*; она занимается только Индіей и неприкосновенностію путей, туда ведущихъ.»

Въ засѣданіи 14 мая, въ палатѣ лордовъ, лордъ Росбери обратился къ правительству съ слѣдующимъ запросомъ:

«Не полагаетъ-ли правительство, что настал моментъ покончить, при посредствѣ Франціи и Австріи, съ обязательствами трактата 15 апрѣля 1856 г.—Во время хода восточной войны Англія могла-бы требовать дѣйствій, согласныхъ съ трактатомъ.—Не знаю, законно-ли это, но увѣренъ, что никакое министерство не можетъ вступить въ борьбу за Турцію.

Вопросъ былъ деликатенъ: надо было узнать, будетъ-ли расположена Англія—въ союзѣ съ Франціей и Австріей—объявить Россіи войну, чтобы сохранить неприкосновенность Оттоманской имперіи, согласно трактата 15 апрѣля 1856 г.

Лордъ Дерби отвѣчалъ въ выраженіяхъ смѣлыхъ, отказавшись дать опредѣленное обязательство.

Въ то-же время онъ истолковалъ право, которое имѣютъ Франція и Англія,—право требовать исполненія трактата:

«Трактатъ этотъ, будучи изданнымъ съ цѣлію сохранить цѣлость и независимость Турецкой имперіи. даетъ право спросить, имѣетъ ли право какая-либо изъ державъ, подписавшихъ трактатъ,—требовать отъ другихъ исполненія ихъ обязательствъ, послѣ того, какъ подписавшіяся державы допустили нарушеніе этой цѣлости и независимости, т. е. послѣ начавшейся войны Россіи съ Турціею? Я не берусь за рѣшеніе этого вопроса».

Глава министерства иностранныхъ дѣлъ не думаетъ, что Австрія будетъ гласно ссылаться на трактатъ; а Франція,—по его мнѣнію,—не имѣетъ никакого желанія воевать, потому что она не сдѣлала вызова другимъ подписателямъ трактата.

Благородный лордъ заключаетъ пренія слѣдующею декларацiей:

«Когда несчастная война, начатая теперь,—кончится, тогда будетъ необходимо произвести новый осмотръ положенія дѣлъ, которое не будетъ приложимо къ новымъ условіямъ, въ которыхъ мы находимся. Тогда мы будемъ имѣть разумное право спросить себя. долженъ-ли быть сохраненъ этотъ трактатъ.—Я разсмотрю порядокъ вещей, чтобы приготовиться къ поведенію, котораго мы должны держаться, когда наступитъ моментъ. но я пола-

гаю, что, въ дѣйствительности, не слишкомъ благоразумно и политично принимать мѣры, предложенныя нашимъ достопочтеннымъ сочленомъ».

Изъ рѣчи лорда Дерби слѣдуетъ, что онъ не желаетъ связывать себя никакимъ обязательствомъ, и что будетъ дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ. Что-же касается трактата 15 апрѣля 1856 года, то ни одна изъ трехъ державъ, его подписавшихъ, не думаетъ требовать его исполненія.—

Нѣкоторые члены палаты общинъ объявляютъ, что было-бы *постыдно* поддерживать Турцію оружіемъ, и, чтобы тамъ ни было, но мы увѣрены въ нѣкоторой фракціи англійскаго народа, которая не примкнетъ къ постыдной политикѣ и съ чувствомъ сожалѣнія взглянетъ на свою страну, вступившую на такой путь, на которомъ интересы человѣчности и цивилизація приносятся въ жертву.—

XIX.

Турецкій Парламентъ.

За мѣсяцъ до объявленія войны, т. е. въ мартѣ мѣсяцѣ, въ Константинополѣ случилось важное событіе.—

Турецкій парламентъ былъ торжественно открытъ, 19 марта 1877, султаномъ Абдулъ-Гамидомъ, во дворцѣ Долма Бахтче, въ присутствіи министровъ, улемовъ, гражданскихъ и военныхъ чиновъ, 30-ти сенаторовъ и 40 депутатовъ.

«Абдулъ Гамидъ, какъ писалъ корреспондентъ Times, вошелъ, поклонился собранію и помѣстился у подножія трона.—Султанъ былъ одѣтъ съ простотою: военный сюртукъ, феска и черные, безъ всякихъ

украшеній, панталоны, составляли его костюмъ.— Рукою, въ бѣлой перчаткѣ, онъ опирался на рукоятку изогнутой турецкой сабли, ножны которой едва были украшены серебряною насѣчкою. Въ правой рукѣ онъ держалъ свертокъ бумаги, на которомъ была написана тронная рѣчь.—Позади Абдулъ-Гамида встали его братья, Решадъ-Эффенди и Джеммаледдинъ-Эффенди, за которыми стояла толпа чиновниковъ и дворцевыхъ сановниковъ. Всѣ они помѣстились сзади трона.

«Великій визирь приблизился къ султану, поклонился ему съ религіознымъ почтеніемъ, показывающимъ огромное различіе простаго правовѣрнаго съ Калифомъ, и взялъ изъ рукъ Абдулъ-Гамида тронную рѣчь. Поднесши ее къ своему лбу и губамъ, онъ передалъ ее Саидъ-Пашѣ, первому секретарю султана, который, выдвинувшись на нѣсколько шаговъ изъ рядовъ министровъ, началъ ее читать. Трудно было разслушать чтеніе, хотя Саидъ-Паша, который, скажемъ мимоходомъ, человѣкъ умный и вполнѣ благородный, напрягалъ свой голосъ насколько возможно, но онъ терялся въ огромномъ залѣ.—Въ это время всѣ европейцы наблюдали за султаномъ: онъ былъ первенъ и находился въ замѣшательствѣ; часто проводилъ онъ

рукою по своему лбу и бородѣ, которую онъ отрощалъ со времени вступленія на тронъ.

«Какъ скоро чтеніе было окончено, всѣ полагали, что Абдулъ-Гамидъ обратится съ привѣтственною рѣчью къ депутатамъ, но онъ ничего не сказалъ, а поклонившись еще разъ собранію, вышелъ, въ сопровожденіи братьевъ, посреди кликовъ *да здравствуетъ султанъ*! Церемонія была ,кончена, и пушечная пальба возвѣстила о томъ населенію».

Рѣчь султана была такова, что, не довольствуясь цитированіемъ изъ нея только нѣкоторыхъ мѣстъ, мы приведемъ ее вполнѣ. Вотъ эта рѣчь Абдулъ-Гамида.

Рѣчь султана, при открытіи турецкаго парламента.

«Гг. сенаторы, гг. депутаты.

«Съ величайшимъ удовольствіемъ открываю парламентъ моей имперіи, собирающійся сегодня въ первый разъ.

«Вамъ всѣмъ извѣстно. что развитіе величія и силы государства, равно какъ и народовъ, зиждется на правосудіи.

«Мое императорское правительство съ самаго начала почерпало свою силу и свое вліяніе въ ува-

женіи, съ которымъ относилось къ правосудію въ государственной администраціи, равно какъ и къ правамъ и интересамъ всѣхъ классовъ своихъ подданныхъ.

«Одинъ изъ моихъ предковъ, славной памяти султанъ Махмудъ-Завоеватель, даровалъ льготы, для обезпеченія личной свободы, свободы совѣсти и исповѣданій.

«Идя по его слѣдамъ, мои августѣйшіе предшественники также никогда не допускали покушеній на свободу совѣсти и вѣроисповѣданій. Нельзя опровергать, что естественнымъ слѣдствіемъ этого принципа высокой справедливости было то, что наши различныя народности могли сохранить, въ теченіи шести вѣковъ, свой національный характеръ, свой языкъ и религію.

«Благодаря именно уваженію, которымъ окружали тогда правосудіе и примѣненіе законовъ, благосостояніе государства и націи получило столь замѣчательное развитіе; по впослѣдствіи, когда распоряженія *Шери* и установленныхъ законовъ не стали соблюдаться, ходъ прогресса замедлился и первоначальная сила превратилась въ слабость.

«Но мой предокъ, славный султанъ Махмудъ, уничтоживъ безпорядокъ, дѣйствительную причину

продолжительнаго ослабленія государства, и устранивъ кризисъ, вызванный бунтомъ янычаръ, освободилъ государство и націю отъ оковъ, останавливавшихъ ихъ преуспѣяніе, и первый открылъ путь, для введенія въ нашу страну цивилизаціи новѣйшей Европы.

«Мой славный родитель, покойный султанъ Абдулъ-Меджидъ, слѣдуя этому благородному примѣру, обнародовалъ *танзиматъ*, обезпечивающій жизнь, имущество и честь нашихъ подданныхъ. Съ тѣхъ поръ источники торговли и земледѣлія нашей имперіи получили развитіе, государственные доходы въ короткое время значительно увеличились; дабы благопріятствовать необходимымъ улучшеніямъ, были выработаны законы и уставы и, наконецъ, обученіе въ области искусствъ и наукъ пріобрѣло весьма замѣтное расширеніе.

«Эти первые опыты реформъ и внутренняя безопасность государства позволили предвидѣть для имперіи будущность, исполненную прогресса и благоденствія; но къ несчастію, вспыхнула Крымская война и остановила усилія, стремившіяся къ улучшенію положенія имперіи и ея подданныхъ.

«До тѣхъ поръ наше императорское казначейство не заключало никакого заграничнаго займа; но въ

виду невозможности покрыть настоятельные военные расходы посредствомъ нашихъ собственныхъ доходовъ, правительство было принуждено прибѣгнуть къ внѣшнимъ займамъ. Такимъ образомъ былъ открытъ путь займовъ. Правда, великія союзныя державы, признавая справедливость нашего дѣла, оказали намъ полное и существенное содѣйствіе, которое займетъ славную страницу въ лѣтописяхъ исторіи и благодаря которому былъ заключенъ мирный договоръ, поставившій цѣлость и независимость нашей имперіи подъ гарантію великихъ державъ.

»Тогда было позволительно думать, что этотъ миръ обезпечитъ намъ въ будущемъ время и средства для возстановленія нашихъ внутреннихъ дѣлъ и для дѣйствительнаго выступленія страны на путь прогресса.

»Къ несчастію, послѣдовавшія затѣмъ событія привели къ результату, противоположному тому, на который имѣли право надѣяться; преступныя интриги и подстрекательства, создавая внутреннія и постепенныя затрудненія, не только не дали намъ возможности посвятить себя преобразованію и реформѣ государства, но поставили насъ въ необходимость ежегодно мобилизировать чрезвычайные

армейскіе корпуса и держать подъ знаменами значительную часть населенія страны, способнаго носить оружіе. Эта необходимость существеннымъ образомъ препятствовала развитію нашей торговли и нашего земледѣлія. Однакожъ, несмотря на всѣ затрудненія и помѣхи, нравственный и матеріальный прогрессъ не останавливался. Постоянное увеличеніе государственныхъ доходовъ, въ теченіи двадцати лѣтъ, служитъ доказательствомъ улучшенія, которое не переставало производиться въ условіяхъ страны и въ благосостояніи ея населеній.

«Хотя наши настоящія затрудненія проистекаютъ изъ обстоятельствъ, только что здѣсь перечисленныхъ, однакожъ было бы возможно значительно облегчить ихъ тяжесть и сохранить кредитъ государства, еслибъ въ управленіи финансами придерживались принциповъ строгой законности. Но мѣры, принятыя въ ту эпоху, повидимому съ цѣлью улучшить финансы, могли только увеличить важность положенія дѣлъ, коль скоро, не принимая во вниманіе будущее, имѣли въ виду лишь временно выйти изъ затрудненій.

«Постоянное повтореніе этихъ затрудненій, въ связи съ необходимостью имѣть въ запасѣ новый военный матеріалъ и завести броненосный флотъ,

сдѣлавшійся главнымъ элементомъ военнаго могущества государствъ и, сверхъ того, несоблюденіе правилъ экономіи, долженствовавшихъ управлять бюджетомъ приходовъ и расходовъ, постепенно ввело безпорядокъ въ наши финансы и увеличило наши долги, и наконецъ привело насъ къ чрезвычайно стѣснительному финансовому положенію, въ которомъ мы нынѣ находимся.

«Между тѣмъ, подъ вліяніемъ интригъ, въ Герцеговинѣ произошли событія, принявшія скоро весьма значительные размѣры.

«Вскорѣ и неожиданно возникли непріязненныя дѣйствія съ Сербіей и Черногоріей, а въ политическомъ мірѣ обнаружились весьма серьезныя усложненія. Въ минуту, когда этотъ кризисъ достигъ самой высшей степени своего развитія, я былъ, по волѣ Всевышняго, призванъ занять престолъ моихъ августѣйшихъ предковъ.

«Затрудненія и опасности, представляемыя нынѣ нашимъ общимъ положеніемъ, не могутъ быть сравнены ни съ однимъ изъ кризисовъ, которые моя имперія переживала до сихъ поръ. Сначала, дабы охранить права имперіи, я былъ принужденъ увеличить наличный составъ моихъ армій на разныхъ пунктахъ и призвать подъ оружіе 700,000 борцевъ.

Потомъ я счелъ своимъ долгомъ, посредствомъ основныхъ реформъ, постараться, съ помощію Божіею, положить конецъ безпорядку положенія дѣлъ и такимъ образомъ прочно обезпечить наше будущее.

«Очевидно, что благодаря рессурсамъ, которыми Провидѣніе одарило нашу страну, и способностямъ моихъ подданныхъ, хорошая администрація позволитъ намъ сдѣлать въ краткое время значительные успѣхи. Если доселѣ мы не достигли уровня прогресса цивилизованнаго міра то причину этого слѣдуетъ видѣть въ непрочности учрежденій, необходимыхъ государству, а также законовъ и регламентовъ, непрочности, происходившей оттого, что все это было дѣломъ абсолютнаго правительства, непризнававшаго спасительный принципъ обсужденія сообща съ народомъ.

«Успѣхи, одержанные цивилизоваными государствами, безопасность и богатство, которыми они пользуются,—суть плоды участія всѣхъ въ установленіи законовъ и въ управленіи общественными дѣлами. Я счелъ необходимымъ изыскать также на этомъ пути средство къ достиженію успѣховъ, даруя странѣ, какъ основаніе для нашей законодательной системы, всеобщую подачу голосовъ, и съ этой цѣлью провозгласилъ конституцію.

«При созданіи этихъ новыхъ учрежденій, моимъ намѣреніемъ было нестолько призвать населенія къ участію въ правленіи общими дѣлами, сколько сдѣлать эти учрежденія могущественнымъ орудіемъ для административной реформы и для искорененія злоупотребленій и произвольныхъ дѣйствій.

«Независимо отъ присущихъ ей выгодъ, конституція имѣетъ цѣлью положить основанія для братства и союза между моими народами и открыть такимъ образомъ путь къ благоденствію, равномѣрно распредѣленному между всѣми.

«Мои славные предки одерживали великія побѣды, соединившія подъ ихъ скипетромъ различныя народности, обитающія въ нашей обширной имперіи.

«Оставалось однакожъ соединить эти народы, столь различные по вѣрованіямъ и національностямъ, подъ единымъ закономъ, въ виду ихъ совмѣстнаго существованія. Божественному Провидѣнію, по его неистощимой благости, было угодно, чтобъ это дѣло было приведено въ исполненіе.

«Отнынѣ всѣ мои подданные, сдѣлавшись дѣтьми общаго отечества и живя подъ эгидой одного закона, будутъ называться однимъ именемъ, столь доблестно носимымъ моими предками, въ теченіи

шести сотъ лѣтъ и оставившимъ столько воспоминаній, славы и величія въ лѣтописяхъ исторіи. Имя *оттомановъ*, олицетворяющее доселѣ мысль о силѣ и могуществѣ, будетъ служить впредь,—я убѣжденъ въ этомъ,—символомъ поддержанія интересовъ, отнынѣ торжественныхъ для всѣхъ моихъ подданныхъ.

«Вдохновляясь этими принципами и этими намѣреніями, я начерталъ себѣ путь, по которому рѣшился идти неуклонно и неустанно. Я жду теперь, чтобъ ваше дѣятельное и разумное содѣйствіе позволили конституціи, основанной на справедливости, дать результаты, которыхъ мы въ правѣ отъ нея ожидать.

«Я полагалъ, что было крайнею необходимостію обезпечить свободу и равенство моихъ подданныхъ, положить конецъ режиму произвола, поставить изготовленіе и примѣненіе законовъ и управленіе дѣлами подъ контроль воли страны; однимъ словомъ, связать правила нашей административной системы съ конституціоннымъ и совѣщательнымъ принципомъ.

«Въ видахъ осуществленія моихъ самыхъ завѣтныхъ желаній въ этомъ отношеніи, я рѣшилъ созвать парламентъ, состоящій изъ сената и палаты депутатовъ.

«Теперь на васъ лежитъ долгъ вѣрно и правдиво исполнить законодательную миссію, ввѣренную вашему патріотизму. Принявъ на себя эту задачу, вы не должны поддаваться вліянію какихъ либо личныхъ соображеній и, при честномъ исполненіи своихъ работъ, имѣть въ виду лишь спасеніе и благоденствіе государства и страны. Улучшенія, въ которыхъ мы нынѣ нуждаемся, и административныя реформы, всѣми ожидаемыя, имѣютъ весьма важное значеніе. Постепенное примѣненіе этихъ мѣръ зависитъ отъ согласія, которое будетъ господствовать между вами.

«Съ другой стороны, государственный совѣтъ занимается изготовленіемъ законопроэктовъ, которые вамъ будутъ представлены.

«Въ настоящую сессію на ваше разсмотрѣніе будутъ подвергнуты проэкты внутреняго регламента палаты, избирательнаго закона, общаго закона касательно вилайстовъ и общинной администраціи, муниципальнаго закона, кодекаражданскаго судопроизводства, законовъ о преобразованіи судовъ, способѣ повышеній и отставки судей, аттрибутахъ и правахъ на отставку всѣхъ вообще государственныхъ чиновниковъ, закона о печати, закона о счетной палатѣ и, наконецъ, закона о бюджетѣ.

«Я горячо желаю, чтобъ эти различные законы были постепенно изучены и обсуждены.

«Вамъ придется прежде всего заняться преобразованіемъ судовъ,—единственной охраной правъ каждаго,—и образованіемъ корпуса жандармеріи. Эта двойная цѣль можетъ быть достигнута лишь увеличеніемъ цифры спеціально назначенныхъ на эти предметы суммъ.

«Но, какъ вы увидите это изъ представленнаго палатѣ бюджета, наши финансы находятся въ чрезвычайно трудномъ состояніи. Рекомендую вамъ прежде всего употребить всѣ старанія, чтобы сообща принять мѣры, способныя устранить трудности этого положенія дѣлъ и возстановить кредитъ государства, озаботившись одновременно съ тѣмъ принятіемъ мѣръ, способныхъ обезпечить фонды, требующіеся для введенія неотложныхъ реформъ.

«Одна изъ большихъ нуждъ моей имперіи и моихъ подданныхъ—это развитіе земледѣлія и промышленности. Этотъ результатъ, столь необходимый для прогресса цивилизаціи и для увеличенія народнаго богатства, тѣсно связанъ съ развитіемъ наукъ и народнаго образованія. Вамъ будутъ представлены въ текущую сессію законопроэкты, имѣ-

ющіе цѣлью улучшеніе учебныхъ заведеній и назначеніе программы преподованія.

«Что касается до надлежащаго примѣненія перечисленныхъ законовъ, равно какъ и тѣхъ, которые будутъ приняты съ теченіемъ времени, то въ этомъ отношеніи весьма важное значеніе имѣетъ хорошій выборъ государственныхъ чиновниковъ. Мои министры посвятятъ этому всѣ свои старанія, равно какъ, одновременно съ этимъ, они примѣнятъ къ дѣлу систему наградъ и поощренія, которую конституція установила въ пользу честныхъ чиновниковъ.

«Со дня моего восшествія на престолъ, я, проникнутый этой истиною, рѣшилъ основать на свои собственныя средства школу, назначенную для доставленія странѣ, въ будущемъ времени, персонала служащихъ по администраціи. Въ уставѣ этой школы говорится, что воспитанники, выходящіе изъ этого заведенія, могутъ занимать самые высшіе посты въ администраціи и дипломатіи; въ воспитанники будутъ приниматься, безъ различія вѣроисповѣданій, всѣ классы моихъ подданныхъ, а ихъ повышеніе по службѣ будетъ производиться согласно ихъ способностямъ.

«Скоро уже два года, какъ мы имѣемъ дѣло съ

внутренними усложненіями. Въ теченіи этого періода, особенно во время непріязненныхъ дѣйствій съ Сербіей и Черногоріей, всѣ мои вѣрноподданные дали доказательства патріотизма, а мои войска исполнили, цѣною великихъ страданій, акты мужества и храбрости, которые я высоко уважаю.

«Во всѣхъ этихъ событіяхъ, мы имѣли въ виду лишь охрану нашихъ правъ. Усилія, которыя мы употребили съ этой цѣлью, имѣли результатомъ возстановленіе мира съ Сербіей. Что касается до рѣшеній, которыя слѣдуетъ принять вслѣдствіе переговоровъ, происходящихъ съ Черногоріей, то они будутъ представлены на ваше разсмотрѣніе, въ первое ваше собраніе, и я въ особенности рекомендую вамъ поспѣшить своимъ обсужденіемъ этого предмета.

«Мои отношенія къ иностраннымъ державамъ попрежнему запечатлѣны тою дружбою и тѣмъ взаимнымъ уваженіемъ, которыя составляютъ для моей имперіи самыя драгоцѣнныя традиціи.

«Правительство ея британскаго величества, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, предложило созвать конференцію въ моей столицѣ; другія державы поддержали предложенные базисы, и Блистательная Порта присоединилась къ этой программѣ. Если со-

браніе конференціи не привело къ окончательному соглашенію, то мы тѣмъ не менѣе показали, что были готовы опередить на дѣлѣ желанія и совѣты державъ, которые можно было примирить и согласовать съ трактатами, международнымъ правомъ и повелительною необходимостію нашего положенія и нашихъ правъ.

«Причины несоглашенія находятся болѣе въ формѣ и въ пріемахъ примѣненія реформъ, чѣмъ въ самой сущности вопроса.

«Я высоко оцѣниваю повелительную необходимость довести до высшей степени прогрессъ, уже столь значительно осуществленный, со времени изданія *танзимата* до нашихъ дней, во всѣхъ отрасляхъ администраціи и въ общемъ положеніи моей имперіи. Всѣ мои усилія будутъ посвящены этому дѣлу. Однакожъ, я считаю также моимъ величайшимъ долгомъ—наблюденіе за тѣмъ, чтобы не было сдѣлано никакого покушенія на достоинство и независимость моей имперіи. Время всѣмъ докажетъ честность и чистоту моихъ намѣреній.

«Моя цѣль—неуклонно идти по пути поддержанія и охраны нашихъ правъ и нашей независимости, и ни въ какомъ случаѣ я не сойду съ этого пути въ моихъ послѣдующихъ дѣствіяхъ.

«Какъ до конференціи, такъ и послѣ нея, мое правительство постоянно давало доказательства своей искренности и умѣренности, которыя, я надѣюсь, будутъ содѣйствовать укрѣпленію узъ дружбы и симпатіи, соединяющихъ насъ съ великимъ европейскимъ семействомъ.

«Да благоволитъ Всемогущій даровать успѣхъ нашимъ общимъ усиліямъ.»

Вообще рѣчь 19 марта 1877 была не болѣе, какъ новое, слегка исправленное изданіе гатти 1839 года: красивыя фразы, звучныя слова—вотъ и все. Если бы Св. Павелъ слышалъ эту рѣчь, онъ разюмировалъ бы ее такимъ образомъ: Aes sonans et cymbaum tinniens.

Былъ-ли султанъ чистосердеченъ ? Весьма возможно: мы не отвергаемъ этого. Но всѣ его совѣтники, визири, министры, паши, говоря тѣмъ же языкомъ,—нечистосердечны; да и кромѣ того, недостаточно говорить, надо дѣйствовать, недостаточно желанія,—надобно исполненіе; недостаточно имѣть благія намѣренія,—необходимо, чтобы они были приложены къ дѣлу, а не оставались только теоріями,—а извѣстно, что во всѣхъ случаяхъ, когда падишахъ захочетъ воздать справедливость христіанамъ, повелитъ уважать ихъ права, ему не по-

винуются; пока повелѣніе высочайшей власти идетъ сверху внизъ по административной лѣстницѣ, оно сталкивается съ упрямымъ противорѣчіемъ и лѣнивымъ бездѣйствіемъ.—Безъ внѣшняго давленія, реформы въ Турціи неприложимы; да и въ данномъ случаѣ реформы могутъ привиться, только благодаря вооруженному давленію.

Невозможность административнаго улучшенія признавалась слѣпо однимъ англійскимъ дипломатомъ, именно маркизомъ Салисбюри, и это мы читаемъ въ его рапортѣ лорду Дерби отъ 4 января 1877 года изъ Константинополя.

Дополнимъ, чтобы вполнѣ резюмировать нашу мысль.

Мы охотно вѣримъ въ добрыя намѣренія повелителя правовѣрныхъ, но мы убѣждены, что воля его безсильна; судя по справедливости, не на него должна пасть отвѣтственность за будущія катастрофы, а на всѣхъ Турокъ, отъ великаго визиря до послѣдняго нищаго Стамбула.

Въ будущемъ христіане будутъ имѣть честь претерпѣвать угнетеніе и звѣрства отъ имени турецкаго парламента, а не отъ султана; вотъ и весь выигрышъ несчастныхъ отъ введенія представительнаго прав ленія!

Кромѣ того, христіанскимъ депутатамъ будетъ трудно излагать свои требованія и ихъ защищать, потому что единственный оффиціальный языкъ, допущенный въ парламентѣ,—есть языкъ турецкій, который плохо понимаетъ большинство христіанскихъ депутатовъ. Они говорятъ, по-персидски, по арабски, по-гречески, по-армянски, по-славянски, по албански, по-сирійски, по-валахски и по-еврейски въ смѣси съ испорченнымъ испанскимъ.—Турецкій парламентъ, вмѣщая такихъ депутатовъ,—представляется просто *вавилонскимъ столпотвореніемъ*: тамъ царствуетъ полнѣйшее смѣшеніе языковъ. —Какіе-же серьезные результаты могутъ быть достигнуты подобнымъ собраніемъ?

Первымъ актомъ палаты депутатовъ было вотированіе адресса султану, адресса, заключающаго въ себѣ восхваленіе за отказъ отъ предложеній конференціи; въ немъ просятъ султана не принимать никакого условія, «несовмѣстимаго съ идеею неприкосновенности имперіи,» согласно 1-го параграфа конституціи.—

Возьмемъ на выдержку отрывокъ изъ этого адресса:

«Оттоманское правительство искони пользовалось заслуженною извѣстностію въ уваженіи къ тракта-

тамъ и будетъ всегда честно идти по тому-же пути, что мы будемъ поддерживать съ энергическою рѣшимостію, и великая Оттоманская нація будетъ всѣми средствами защищать полнѣйшую независимость имперіи и за нее готова жертвовать и душою, и тѣломъ».

«Защита цѣлости и независимости Оттоманской имперіи противъ всякаго иностраннаго вмѣшательства по праву принадлежитъ всему народу.

Мы спѣшимъ повергнуть къ подножію вашего высочайшаго трона обѣты и пожеланія всего народа.

«Обѣщаніе, данное Вашимъ Величествомъ, что ваше правительство никогда не уклонится отъ началъ права и справедливости, наполнило радостію и надеждою сердца всѣхъ вашихъ вѣрныхъ подданныхъ, и мы возобновляемъ глубочайшую благодарность Вашему Величеству, высказывая еще разъ, что нація отвергнетъ всякое чужеземное вмѣшательство въ дѣла нашей внутренней администраціи, что указуютъ намъ принципы международнаго права и справедливости».

Далѣе палата въ такихъ словахъ выражаетъ Блистательной Портѣ восхваленія за ея отвѣтъ на Лондонскій протоколъ:

«Палата депутатовъ, въ тайномъ засѣданіи, узнала

текстъ протокола, сообщеннаго Блистательной Портѣ и приложенныхъ къ нему декларацій лорда Дерби и посланниковъ Россіи и Италіи въ Лондонѣ, а равно и отвѣта, которымъ Блистательная Порта отвергла протоколъ.

«Документы эти и *тескере* великаго визиря отъ 30 марта 1293 года были прочтены въ палатѣ и разсмотрѣны съ величайшимъ вниманіемъ.

«Палата находитъ, что отвѣтъ, данный Блистательной Портой, на протоколъ и его приложенія, составленъ такимъ образомъ, что охраняетъ во всѣхъ отношеніяхъ права императорскаго правительства и оттоманскаго народа, равно какъ независимость и неприкосновенность страны.

«Вслѣдствіе этого палата депутатовъ, не возвращаясь къ вопросу о Черногоріи, по поводу которой она уже высказала свое мнѣніе и формулировала рѣшеніе, спѣшитъ съ похвалою отнестись къ пути, избранному Блистательною Портою, въ ея отвѣтѣ на протоколъ, и выразить ей полнѣйшее удовольствіе и чувства признательности.

«Да продлитъ и благословитъ Аллахъ дни нашего верховнаго, либеральнаго владыки!».

Это по поводу внѣшней политики; что-же касается политики внутренней, то поведеніе палаты

было достаточно, чтобы вывести изъ заблужденія легковѣрныхъ, убѣжденныхъ въ избраніи законовъ въ пользу христіанъ.

Конституція объявляетъ, что отнынѣ всѣ подданные султана будутъ называться *Оттоманами*, и что въ отношеніи законовъ и администраціи между ними не будетъ никакого различія. Однако 14 апрѣля принципомъ этимъ, поистинѣ либеральнымъ, турецкая палата открыто пренебрегла.— Статья изъ Neologos, константинопольскаго органа Грековъ, вполнѣ убѣждаетъ насъ въ этомъ отношеніи:

«Заключеніе депутатовъ въ засѣданіи 14 апрѣля касалось религіозныхъ различій, которыя конституція, за нѣсколько лишь мѣсяцевъ передъ тѣмъ,— положительно отмѣнила.

«Большинство членовъ палаты ни момента не задумалось избѣгнуть статей 8,17 и 117 конституціи и безъ затрудненія вотировало заключеніе по поводу различія между мусульманами и не мусульманами.

«Въ честь греческихъ депутатовъ мы должны сказать, что только они одни сражались противъ этого роковаго заключенія, тогда какъ прочіе христіанскіе депутаты, армяне, сирійцы и другіе поспѣшили примкнуть къ мусульманскому большинству.

«Вотъ какъ было соблюдено основное рѣшеніе

конституціи, постановившей общее наименованіе подданныхъ--Оттоманами, безъ различія исповѣдуемой ими религіи; вотъ какъ соблюдены 8,17 и 117 статьи конституціи, вотъ какъ прилагаются къ дѣлу начала, изложенныя въ тронной рѣчи, объявившей равенство правъ и повинностей!—По опредѣленію мусульманской палаты равенство это допускаетъ и требуетъ различія между мусульманами и не мусульманами —

«Различіе это, заключеніе вотированное палатою, уничтожаетъ самый вѣскій аргументъ Блистательной Порты, противопоставленный европейскому протоколу? «*Блистательная Порта*, говоритъ циркуляръ Савфета-Паши,—*основываясь на конституціи, старалась всегда устранять несправедливость, которая, прикрываясь реформами, заключалась бы въ различіи провинцій, религіи и классовъ подданныхъ*».

«Послѣднее опредѣленіе палаты депутатовъ не дастъ развѣ врагамъ имперіи практическаго средства завести рѣчь о различіи расы, основываясь на религіозномъ различіи, вотированномъ оттоманскою палатою?

«Однако Блистательная Порта протестуетъ съ негодованіемъ противъ пристрастнаго и исключи-

тельнаго попеченія Европы о христіанскомъ элементѣ и противъ безразличнаго отношенія, высказываемаго цивилизованными націями къ участи мусульманъ.

«Блистательная Порта въ правѣ протестовать.— Но предложимъ вопросъ мусульманскому большинству палаты: установивъ религіозное различіе, на другой день по объявленіи декларацiи Портѣ, стараясь всѣми средствами и уклоненіемъ отъ конституціи увѣковѣчить господство привелигированной расы, не оправдываетъ-ли оно исключительное попеченіе Европы о судьбахъ христіанъ? Развѣ не внушаетъ это правительство подозрѣній и не укрѣпляетъ многократно высказываемыхъ обвиненій, что обѣщанія и реформы Турціи остаются мертвою буквою? И въ какое-же время? Въ часъ самый важный, въ моментъ отклоненія чужеземнаго вмѣшательства, которое, оставивъ въ сторонѣ права народовъ и международные законы, можетъ воспользоваться, чтобы оправдать войну, чувствами человѣколюбія и естественными правами народовъ».—

Такова рѣчь представителя эллинической расы, наименѣе враждебной турецкому режиму.—Развѣ можно, послѣ такихъ фактовъ, сохранять хотя малѣйшій самообманъ?

«Мусульманскій фанатизмъ, говоритъ «Nord», заявляетъ себя весьма характеристично въ рѣчахъ ораторовъ большинства палаты оттоманскихъ депутатовъ. Истинный мусульманинъ долженъ желать одного и не долженъ желать другаго. Эта формула постоянно повторяется въ этихъ рѣчахъ: одно подходяще для мусульманъ и ислама, а другое не подходитъ.—Вотъ всемогущій критеріумъ для турецкихъ депутатовъ, заставляющій ихъ производить оцѣнку, что должно и чего не должно дѣлать. *А о христіанахъ и ихъ потребностяхъ заботятся настолько, что можно подумать, будто христіане вовсе не существуютъ.* Признавая такое положеніе, развѣ можно мечтать о какомъ нибудь благѣ для христіанъ, какъ слѣдствіи учрежденія турецкаго парламента?»

Имѣли-ли, покрайней мѣрѣ оттоманскіе депутаты свободу и независимость рѣчи, что одно позволяло имъ защищать противъ предразсудковъ и интересовъ большинства дѣло истины и справедливости?.

Вовсе нѣтъ. Президентомъ палаты былъ Ахмедъ Векларъ, ужасный деспотъ, именуемый сотоварищими: *школьнымъ учителемъ*, который нимало не стѣсняется заставить ихъ молчать, какъ скоро мнѣніе ихъ противорѣчитъ его собственному; но онъ

слишкомъ рѣдко имѣетъ причину сердиться, потому что его ученики», привыкшіе къ ярму деспотизма, привыкли восхвалять предсѣдателя, вкупѣ съ мусульманскимъ большинствомъ. Подчиненіе это было настолько велико, что однажды, если вѣрить корреспонденту Journal de Genève, Ахмедъ Векифъ, забывши всякій стыдъ и пренебрегши самостоятельностію своихъ учениковъ, обратился къ нимъ съ такою рѣчью:

«Эффенди, вамъ извѣстно, что во всѣхъ европейскихъ парламентахъ, существуютъ депутаты именуемые оппозиціею, помѣщающіеся, хотя я и не знаю почему, на лѣвой сторонѣ трибуны. Эти депутаты лѣвой имѣютъ обыкновеніе говорить противъ правительства; государи, довольно великодушные, терпятъ это, какъ средство служащее къ нѣкоторому одушевленію и разнообразію парламентскихъ преній, и нашъ августѣйшій монархъ не менѣе великодушенъ: я дозволяю нѣкоторымъ изъ васъ, но только *нѣкоторымъ*, помѣститься на скамьяхъ лѣвой стороны, чтобы составить *на волосокъ* bir az)-оппозицію.—Прибавлю, что эти послѣдніе не должны опасаться послѣдствій моего неудовольствія».

Сознаемся, приглашеніе поощрительное и притомъ

настолько, что ни одинъ изъ достопочтенныхъ сочленовъ не воспользовался позволенiемъ, такъ либерально соизволеннымъ «школьнымъ учителемъ».

Такимъ образомъ, въ ожиданiи великой трагедiи, прологъ который разыгрался въ долинахъ Болгарiи и въ предѣлахъ Сербiи,—разыгрывалась конституцiонная и парламентская комедiя на берегахъ Босфора, съ серьезностью, свойственной дѣянiямъ Востока.

XX.

Лондонскій протоколъ.

Въ мартѣ генералъ Игнатьевъ, русскій посолъ при турецкомъ дворѣ, совершилъ путешествіе по Европѣ.

Повсюду, въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ, русскій дипломатъ былъ принятъ съ почтеніемъ, по свойству чрезвычайнаго посланника Его Величества Императора; особенно въ Парижѣ пріемъ былъ сочувственный, и даже доходилъ до энтузіазма. Въ высшихъ слояхъ общества на генерала Игнатьева смотрѣли, какъ на представителя великой имперіи, какъ на защитника великаго благороднаго дѣла и, наконецъ, какъ на вѣстника мира: все уповали,

что онъ привезетъ въ Лондонъ масличную вѣтвь.

Цѣль его путешествія заключалась въ томъ, чтобы испросить у державъ заключенія конференціи и отвѣта на циркуляръ отъ 19 января, служившій предлогомъ, для общаго соглашенія по отношенію къ Турціи.

Въ теченіи нѣсколькихъ дней можно было думать, что протоколъ никогда не будетъ подписанъ С.-Джемскимъ кабинетомъ: лордъ Дерби настаивалъ, чтобы Россія дала формальное обѣщаніе демобилизировать свою армію, но С.-Петербургскій кабинетъ категорически отказывался. Къ счастію, вошли по этому поводу въ соглашеніе.

22 марта графъ д'Аркуръ, французскій посланникъ въ Лондонѣ, вотъ какъ доносилъ своему правительству по поводу переговоровъ о разоруженіи: «Важнѣйшимъ пунктомъ въ проэктѣ протокола былъ тотъ, который приглашалъ Турцію сложить оружіе къ подножію мира.—Съ своей стороны Россія объявила себя готовой дать обѣщаніе разоружиться и подчинила исполненіе этого обѣщанія двойному условію. Вопервыхъ, сообщалось, что демобилизація русской арміи будетъ немедленно пріостановлена, если опять начнутся тѣ-же звѣрства и жестокости, театромъ которыхъ была Болгарія.—

Это условіе не встрѣтило противорѣчія со стороны лорда Дерби, но не то бы въ отношеніи втораго, въ зависимости отъ котораго Россія поставила демобилизацію своей арміи.—Она требовала, чтобы первоначально Турція сдѣлала *починъ въ разоруженіи* и чтобы она ознаменовала какимъ нибудь значительнымъ актомъ ею торжественно обѣщанныя реформы.—Правительство королевы живо возстало противъ этого требованія Россіи; оно ничего не желало, какъ немедленнаго разоруженія. Наконецъ, 31 марта представителями шести великихъ державъ былъ подписанъ въ Лондонѣ протоколъ вотъ его текстъ:

Лондонскій протоколъ.

Державы, предпринявшія сообща умиротвореніе Востока и способствовавшія въ этихъ видахъ созванію конференціи въ Константинополѣ, признаютъ, что самый вѣрный способъ къ достиженію предположенной ими цѣли состоитъ, прежде всего, въ поддержаніи столь счастливо установившагося между ними согласія и въ новомъ совмѣстномъ утвержденіи принимаемаго ими совокупнаго участія — въ улучшеніи судьбы христіанскаго населенія Турціи

и въ реформахъ, имѣющихъ быть введенными въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи, и которыя Порта приняла подъ условіемъ самостоятельнаго ихъ примѣненія.

Державы принимаютъ къ свѣдѣнію заключеніе мира Сербіей.

Что касается Черногоріи, то державы считаютъ желательнымъ, въ видахъ болѣе прочнаго и долговременнаго умиротворенія, чтобъ границы ея были исправлены и допущено свободное плаваніе по Боянѣ.

Въ состоявшемся уже и еще имѣющемъ состоятъся соглашеніи между Портою и обоими княжествами державы видятъ шагъ, сдѣланный на пути къ умиротворенію, составляющему предметъ ихъ общаго желанія.

Онѣ приглашаютъ Порту еще болѣе упрочить это умиротвореніе—возвращеніемъ войскъ въ положеніе мирнаго времени, за исключеніемъ того ихъ количества, которое необходимо для поддержанія порядка, и приведеніемъ въ исполненіе, въ возможно непродолжительномъ времени, реформъ, необходимыхъ для спокойствія и благосостоянія тѣхъ провинцій, участью коихъ была озабочена конференція. Державы признаютъ, что Порта изъявила готовность

привести въ исполненіе большую часть этихъ реформъ. Онѣ особенно принимаютъ къ должному свѣдѣнію циркуляръ Порты отъ 13-го февраля 1876 года, и заявленія, сдѣланныя оттоманскимъ правительствомъ во время конференціи, и затѣмъ послѣ нея, чрезъ посредство его представителей.

Въ виду такихъ благихъ намѣреній Порты и явной пользы для нея отъ немедленнаго приведенія ихъ въ исполненіе, державы полагаютъ, что есть основаніе надѣяться, что Порта воспользуется настоящимъ успокоеніемъ для того, чтобы энергически примѣнить мѣры, долженствующія принести дѣйствительное улучшеніе въ положеніи христіанскаго населенія, улучшеніе, единодушно сознаваемое крайне необходимымъ для спокойствія Европы, и что Порта, вступивъ однажды на этотъ путь, пойметъ, что ея честь и польза требуютъ добросовѣстнаго и неуклоннаго по немъ слѣдованія.

Державы намѣрены имѣть бдительный надзоръ, посредствомъ своихъ представителей въ Константинополѣ и чрезъ мѣстныхъ агентовъ, за выполненіемъ обѣщаній турецкаго правительства.

Еслибы державы еще разъ ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ, и положеніе христіанскихъ подданныхъ султана не было бы улучшено въ такой мѣрѣ,

чтобъ предотвратить возвращеніе тѣхъ усложненій, которыя періодически нарушаютъ спокойствіе на Востокѣ, то онѣ считаютъ долгомъ заявить, что такое положеніе вещей было бы несогласно съ интересами ихъ и Европы вообще.

Въ такомъ случаѣ, онѣ оставляютъ за собою право совмѣстно разсудить о тѣхъ мѣрахъ, которыя онѣ признаютъ наиболѣе дѣйствительными для обезпеченія благосостоянія христіанскаго населенія и выгодъ всеобщаго мира.

Составленъ въ Лондонѣ 19-го марта 1877 года.

Подписали: *Мюнстеръ*, *Бейстъ*, *Д'Аркуръ*, *Дерби*, *Менабреа*, *Шуваловъ*.

Декларація императорскаго посла въ Лондонѣ, графа Шувалова, отъ того же 19-го марта 1877 г.

Если миръ съ Черногоріей будетъ заключенъ, если Порта приметъ совѣты кабинетовъ, выкажетъ готовность возвратиться къ мирному положенію и приступить на дѣлѣ къ выполненію реформъ, упомянутыхъ въ протоколѣ, то пусть она пришлетъ въ Петербургъ особаго уполномоченнаго для переговоровъ о разоруженіи, на которое, въ такомъ слу-

чаѣ, согласится также, съ своей стороны, Его Величество Государь Императоръ. Разумѣется, что еслибы произошли новыя избіенія, подобныя тѣмъ, которыя обагрили кровію Болгарію, то мѣры къ разоруженію, по необходимости, будутъ остановлены.

Послѣ подписанія протокола г. Дерби издалъ слѣдующую декларацію.

«Нижеподписавшійся, первый государственный секретарь Ея Британическаго Величества, дѣлаю слѣдующую декларацію по поводу протокола, подписаннаго сегодня уполномоченными Великобританіи, Германіи, Австро-Венгріи, Франціи, Италіи, и Россіи.

«Единственно только въ видахъ общаго европейскаго мира согласилось правительство Ея Величества подписать протоколъ, предложенный русскимъ правительствомъ; условлено, что, если предполагаемая цѣль не будетъ достигнута, именно взаимное разоруженіе Россіи и Турціи и заключеніе мира между обѣими державами, протоколъ будетъ считаться несостоявшимся и не имѣющимъ значенія».

Чтобы лучше узнать намѣренія русскаго правительства, вспомнимъ, что писалъ лордъ Дерби лор-

ду Лофтусу, англійскому посланнику въ С.-Петербургѣ.

«Графъ Шуваловъ присоединилъ къ протоколу декларацію, сообщающую, что Россія, послѣ принесенія столькихъ жертвъ, въ виду застоя торговли и промышленности и громадныхъ издержекъ, вызванныхъ мобилизаціею, не можетъ распустить свои войска, не достигнувъ осязаемыхъ результатовъ, касательно улучшенія участи христіанъ подъ властію Турціи. — Императоръ, прибавилъ графъ Шуваловъ, *желаетъ мира искренно, но не во чтобы то ни стало*».

Какое было истинное значеніе лондонскаго протокола и сопровождавшихъ его декларацій? Разумѣется, то, что великія державы осуждали оттоманскую администрацію и вновь принимали христіанъ подъ свое покровительство но... что онѣ вовсе не условились относительно практическихъ средствъ.—Съ другой стороны очевидно, что декларацін, сдѣланныя представителями Англіи и Италіи, прежде подписанія протокола, ослабляли угрозу, и какъ-бы предупреждали Турокъ не считать ее серьезною.

Подчинивъ силу протокола условію «взаимнаго

разоруженія», лордъ Дерби поставилъ его въ зависимость отъ воли Турокъ, которые распоряжались возможностію разоруженія зависѣвшею отъ принятія протокола и исполненія реформъ. Въ такихъ условіяхъ участь протокола, покрайней мѣрѣ въ отношеніи лондонскаго кабинета,—было легко предвидѣть.

Послѣ деклараціи лорда Дерби и графа Менабреа, лондонскій протоколъ терялъ всякое значеніе, потому что не было поддержки миру, и эти же деклараціи дѣлали правительства Англіи и Италіи свободными отъ всякаго обязательства въ будущихъ дѣйствіяхъ.—Ихъ свобода дѣйствія остается полною, даже настолько, что какъ будто лондонскій протоколъ вовсе не существовалъ; впрочемъ они признали, что фактическое улучшеніе участи христіанъ «единодушно признается какъ залогъ спокойствія Европы», и что существующій порядокъ вещей «несовмѣстимъ» съ интересами Европы.

Какъ ни ограничены практическіе результаты протокола 31 марта, тѣмъ не менѣе это — международный актъ самой высокой важности.

Чтеніе этого документа наполнило радостію сердца всѣхъ друзей христіанъ. Никогда оффиціальная Европа не говорила въ ихъ пользу такимъ безыс-

кусственнымъ и энергическимъ языкомъ. Не существуетъ ни одного дипломатическаго, коллективнаго документа, въ которомъ бы подтверждалась въ такой полнотѣ необходимость улучшенія участи христіанъ. Еще въ первый разъ державы предписывали Турціи—въ такихъ категорическихъ выраженіяхъ—немедленно исполнить реформы.

Протоколъ не только говоритъ объ интересахъ христіанства, но также и объ обще-европейскихъ интересахъ, которые близко связаны съ разумнымъ и пригоднымъ рѣшеніемъ восточнаго вопроса.—Пока не дадутъ христіанамъ гуманнаго и справедливаго правленія, — миръ на Востокѣ не можетъ быть обезпеченъ, и вся Европа будетъ угрожаема возможностію раздоровъ.—Весь континентъ поэтому прямо заинтересованъ въ улучшеніи участи христіанъ.

Мы полагаемъ, будетъ небезполезно констатировать слѣдующій фактъ: Европа, допустивъ Константинопольскую конференцію и лондонскій протоколъ, нарушила смыслъ втораго параграфа Парижскаго трактата, заключающагося въ слѣдующемъ:

«Договаривающіяся державы утверждаютъ всю важность этого сообщенія (султанскій фирманъ въ отношеніи христіанъ).—Вышепоименованныя дер-

жавы не имѣютъ никакого, права, *ни въ какомъ случаѣ*, вмѣшиваться, сообща, или порознь, въ сношенія Е. В. Султана съ его подданными, ни во внутреннюю администрацію его имперіи».

Дѣлая эту выписку, мы не думаемъ порицать кабинеты, но хотимъ показать новымъ примѣромъ, что требованія человѣколюбія и международной солидарности—гораздо важнѣе всякихъ трактатовъ.

Турецкая имперія, независимость которой гарантирована парижскимъ трактатомъ, лондонскимъ протоколомъ, поставлена подъ наставническій надзоръ.... то бишь, подъ высокое наблюденіе Европы. Шесть великихъ державъ учредили родъ европейскаго трибунала, предъ лицо котораго была призвана Турція, а Россія казалась исполнительницею приговора. Послѣ всего происшедшаго въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ,—несправедливо-ли выразить, что царь, въ средѣ европейскихъ державъ,—былъ *представителемъ наказующей власти въ отношеніи имперіи Оттомановъ?* Россія—въ числѣ судей, но, кромѣ того, у нея есть другая, необходимая роль, предписываемая ей ея историческими причинами и географическимъ положеніемъ,—быть исполнительницею великихъ дѣяній Европы: въ рукахъ ея мечъ правосудія! Дадимъ ей свободу:

вѣдь это совершается божеское правосудіе! Развѣ дѣянія націй должны быть менѣе наказуемы, чѣмъ преступленія отдѣльныхъ личностей?

Но возвратимся къ протоколу. Новость эта произвела живое впечатлѣніе на Европу

Люди легковѣрные, безъ затрудненія, увидѣли въ немъ залогъ мира.—Послушавъ ихъ, можно подумать, что восточный вопросъ былъ рѣшенъ, и что всякая опасность взрыва уничтожена; но оптимизмъ этотъ не раздѣляли тѣ, которымъ было извѣстно истинное положеніе вещей, именно высокомѣрныя рѣшенія Порты.—Ранѣе подписанія протокола, лордъ Дерби говорилъ въ палатѣ лордовъ:

«Я до сихъ поръ изъ числа тѣхъ, которые вѣрятъ обѣщаніямъ Величества, особенно, когда они даются повелителемъ такой великой націи, не смотря на противоположныя извѣстія, получаемыя нами.—Чтобы вѣрить что Россія не желаетъ войны, я долженъ самъ увидѣть дѣло потому что я не могу допустить, чтобы, послѣ такихъ энергическихъ манифестацій Россіи, рѣчи Государя и такого настроенія прессы она была способна на такое смиреніе.»

Благородный лордъ понималъ особенное положе-

ніе Россіи и допускалъ необходимость военныхъ дѣйствій; теперь-же подъ впечатлѣніемъ событій, онъ, кажется, перемѣнилъ мнѣніе: такой поворотъ совершилъ кажущійся, или дѣйствительный интересъ его страны.

При подписаніи протокола *Новое Время* напомнило протоколъ 1826 года, послужившій къ освобожденію Греціи и къ побѣдѣ при Наваринѣ:

«Протоколъ 1826 года постановлялъ немедленныя дѣйствія противъ Турціи. Теперь, когда Россія предлагаетъ придать протоколу тотъ-же смыслъ, Англія не соглашается. Полувѣковой промежутокъ раздѣляетъ оба документа. Одинъ, правда, съ помощію оружія,—привелъ къ освобожденію Греціи; къ чему-то приведетъ второй? Это вопросъ.—А между тѣмъ на Востокѣ слышатся стоны. — Мы знаемъ, что тамъ совершается. *Таинственная книга мученичества восточныхъ христіанъ продолжаетъ являть намъ все новыя и новыя страницы слезъ и крови.*»

По мнѣнію русскаго публициста, протоколъ 1877 г. представляетъ «первую страницу таинственной книги». Что представляетъ послѣдняя страница? Это скажетъ будущее.

Большинство русскихъ газетъ, подобно газетѣ

Новое Время, мало вѣрили въ умиротвореніе, которое долженъ былъ произвести протоколъ.

Вотъ что мы читаемъ въ *Русскомъ Мірѣ* за нѣсколько дней до подписанія протокола:

«Многіе въ Европѣ желаютъ, чтобы *гора родила мышь*, т. е. чтобы огромныя жертвы, въ теченіе двухъ лѣтъ приносимыя въ пользу христіанъ Балканскаго полуострова, окупились ничтожнымъ дипломатическимъ документомъ. Надежды ревностныхъ туркофиловъ основываются на разсчетахъ, оскорбительныхъ для чести русскаго народа.

«Документъ не можетъ устранить неизбѣжной необходимости, которая можетъ уничтожить соединенныя усилія всѣхъ дипломатовъ міра.»

Мы вѣримъ, что вооруженное вмѣшательство Россіи въ дѣла Балканскаго полуострова можно причислить къ неизбѣжнымъ необходимостямъ, недопустившимъ дипломатію взять надъ собою перевѣсъ; сила вещей призывала русскую армію на югъ, на Дунай, и не существуетъ земной, бренной власти, могущей бороться противъ этой силы, ни дипломатической увертки уничтожающей ее.

Спустя нѣсколько дней по подписаніи протокола, *Московскія Вѣдомости* смѣялись надъ заинтересованнымъ оптимизмомъ англійской прессы.

«Британскіе органы рисуютъ идиллическую картину возрожденія совершающагося въ Турціи; министры султана воодушевлены благородными стремленіями къ благу и высоко цѣнятъ достоинство ихъ страны. Турція будетъ вознесена на такую высоту, достиженіе которой для насъ невозможно. Послѣ того, можно-ли имѣть смѣлость надѣяться, что она снизойдетъ, чтобы протянуть намъ руку? Когда-же будетъ положенъ конецъ этой мистификаціи?»

Чтобы протоколъ достигъ своей миролюбивой цѣли необходимо:

1. Заключеніе мира Порты съ Черногоріей.

2. Чтобы Турція приняла протоколъ.

3. Чтобы она согласилась на демобилизацію азіатскихъ войскъ, кавказцевъ, черкесовъ, баши-бузуковъ.

4. Чтобы ей удалось положить предѣлъ рѣзнѣ и свирѣпостямъ, облекшимъ въ трауръ всѣ провинціи, чтобы она изъявила желаніе и имѣла власть замѣнить анархію — порядкомъ, деспотизмъ—законнымъ правленіемъ, произволъ—правосудіемъ; чтобы она показала наглядно, что ея имперія, предоставленная себѣ, не идетъ къ разрушенію.

На этихъ условіяхъ Россія была готова разоружиться и тѣмъ поддержать миръ.

Съ цѣлію облегчить отступленіе Россіи английская дипломатія построила ей *золотой мостъ* и предложила ей войти на него чтобы прійти къ положенію бездѣйствія; но она отказалась. Какъ ни красивъ мостъ, но отступленіе, всегда только отступленіе, т. е. матъ и смиреніе.... Но эта великая нація зашла слишкомъ далеко, чтобы отступать. У нея въ виду благородная и возвышенная цѣль: что ей до средствъ, лишь бы достигнуть этой цѣли! *Золотой мостъ* остался въ награду его строителямъ.

Обнародованіе текста протокола охладило энтузіазмъ нѣкоторыхъ сферъ Парижа. Не замедлили понять, что документъ этотъ не былъ рѣшеніемъ, а только шагомъ къ кровавому или мирному рѣшенію вопроса: предвидѣли уже отказъ Порты, весьма вѣроятный, который дастъ развязку событіямъ.

«Протоколъ, сообщалъ «Daily News», послужитъ лучшимъ предлогомъ, необходимымъ для вооруженной бдительности, и послѣ этого, если споръ между Турціей и Черногоріей не будетъ оконченъ, наступитъ пора вооруженнаго дѣйствія, къ которому, не смотря на всѣ отрицанія, протоколъ служитъ прямымъ подстрекательствомъ.—Протоколъ дастъ Россіи возможность выждать время, пока она не

будетъ окончательно готова и пока дѣянія Турціи не доставятъ ей въ общемъ мнѣніи желаемаго оправданія ея вторженія».

Девятаго апрѣля Порта отвѣчала на лондонскій протоколъ циркуляромъ, адрессованнымъ Савфетомъ-Пашей, министромъ иностранныхъ дѣлъ,—дипломатическимъ агентамъ Турціи при разныхъ кабинетахъ.

Какъ и всѣ турецкіе дипломатическіе документы циркуляръ этотъ блещетъ самыми дерзновенными отрицаніями и фантастическими увѣреніями: если бы судить о Турціи по ея дипломатическимъ актамъ, то несомнѣнно ей слѣдуетъ дать преимущество передъ Россіей на судѣ Европы; къ счастію, знаютъ чего держаться и какое значеніе придавать красивымъ рѣчамъ Турокъ.

Европа требовала отъ Турціи дѣятельныхъ реформъ, и она отвѣчаетъ, что «реформы эти совершены новою политическою организаціей, данной имперіи, безъ различія вѣроисповѣданій, языковъ и провинцій. Послѣ того, прибавляетъ циркуляръ, —былъ созванъ оттоманскій парламентъ, *плодъ либеральной избирательной системы*, который засѣдаетъ въ Константинополѣ и въ полной свободѣ обсуждаетъ самыя важныя государственныя дѣла».

Странная «либеральная избирательная система,» когда депутаты назначаются пашами!

Министръ иностранныхъ дѣлъ безъ опасенія утверждаетъ, что «*внутренняя безопасность прочно возстановлена*», тогда какъ предъ глазами всей Европы дѣянія заявляютъ, что для христіанъ безопасность эта существуетъ менѣе чѣмъ когда либо.

Въ революціонныхъ движеніяхъ видны усилія христіанъ различныхъ провинцій защититься противъ грабежей и убійствъ и стремленіе опрокинуть владычество Оттомановъ. Развѣ есть такой народъ, который покорно, безропотно, можетъ вынести такое правленіе?

Циркуляръ заключаетъ въ себѣ особую декларацію въ отвѣтъ на декларацію графа Шувалова:

«Правительство султана готово приложить къ дѣлу всѣ «обѣщанныя реформы»; но.... оно можетъ осуществить ихъ «только въ совершенной свободѣ.» А кому не извѣстна эта «совершенная свобода», когда дѣло идетъ о христіанахъ?

Турція готова разоружиться, но съ условіемъ что войско Царя также будетъ разоружено; ей больно ополченіе Россіи противъ нея и всѣ набѣги и разрушенія.»

Что-же касается «безпорядковъ, нарушившихъ

спокойствіе провинцій,» то они зависѣли «отъ внѣшняго возбужденія»—Ясно, что тому виною славянскіе комитеты и Русскіе, подстрекнувшіе баши-бузуковъ къ болгарскимъ звѣрствамъ!! а потому «султанское правительство неотвѣтственно». —Пусть Турки умываютъ руки, но кровавыя пятна не смоются.!

Порта была согласна послать чрезвычайнаго посла въ С.-Петербургъ, но «по обязательной взаимности» должны были отправиться два посла: одинъ отъ береговъ Босфора, а другой отъ береговъ Невы.

Пунктъ протокола, въ которомъ державы выражаютъ «чувства общаго участія къ улучшенію участи христіанскихъ населеній Турціи,» въ которомъ онѣ приглашаютъ Порту приложить къ дѣлу обѣщанныя реформы, оскорбилъ константинопольское правительство. Кто можетъ сомнѣваться «въ его чистосердечіи въ отношеніи христіанскихъ подданныхъ?» Никто въ немъ и не сомнѣвается: оно хорошо извѣстно!

Савфетъ-Паша въ изумленіи, что Европа только и занимается, что участію христіанъ и проходитъ молчаніемъ интересы мусульманскаго населенія... Само собою разумѣется, Европа ни мало не заботится о мусульманахъ, и могутъ ли они жаловаться:

ію ихъ же милости христіане доставляютъ ей довольно заботъ!

Порта протестуетъ противъ статьи протокола, гдѣ говорится, что «державы предоставляютъ себѣ право совѣщаться сообща о средствахъ которыя будутъ, по ихъ мнѣнію, необходимы для благосостоянія христіанскихъ народностей.»

Она отвѣчаетъ:

«Турція, въ качествѣ независимаго государства, не признаетъ себя способной стать подъ какой бы то ни было коллективный, или иной надзоръ. — Находясь съ другими дружественными державами въ сношеніяхъ, основанныхъ на правахъ людей и трактатахъ она не можетъ признать за иностранными уполномоченными, обязанными охранять только національные интересы, права оффиціальныхъ надсмотрщиковъ.»

Затѣмъ Порта призываетъ Аллаха въ свидѣтели своей невинности:

«Правительство султана не понимаетъ, чѣмъ оно преступило справедливость и требованія цивилизаціи, представляя такую безпримѣрную уступчивость»?

Дѣйствительно, такое положеніе «безпримѣрно», но и турецкій режимъ «безпримѣренъ».

Заявивъ протестъ противъ нарушенія парижскаго трактата, Савфетъ-Паша такъ оканчиваетъ свой отвѣтъ:

«Что касается статьи, предоставляющей державамъ, въ случаѣ неисполненія обѣщанныхъ реформъ, право прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ, то правительство султана видитъ въ этомъ посягновеніе на его достоинство и права, видитъ способъ устрашенія, имѣющій цѣлію лишить его дѣйствія заслуги, смысла добровольности и самопроизвольности, а также источникъ серьезныхъ затрудненій въ настоящемъ и въ будущемъ.

«Никакое разсужденіе не можетъ остановить правительство султана въ его протестѣ противъ положеній протокола 31 марта и считать его касательно Турціи и ея дѣлъ *лишеннымъ всякой справедливости*, а потому и не признавать въ немъ свойствъ обязательности.

«Подверженная непріязненнымъ выходкамъ, незаслуженнымъ упрекамъ и видя явное нарушеніе ея правъ, которое есть въ то-же время нарушеніе правъ всего человѣчества, —*Турція сознаетъ, что она борется теперь за собственное существованіе.*—Сильная справедливостію своего дѣла и довѣряясь волѣ Божіей, она торжественно объявляетъ

себя въ невѣдѣніи всего, рѣшеннаго безъ нея, или противъ ея воли; рѣшившись сохранить роль, назначенную ей провидѣніемъ, она непрестанно будетъ сопротивляться нападеніямъ, направленнымъ противъ нея публичнымъ правомъ и сущностью великаго европейскаго акта, несоотвѣтствующаго, въ ея глазахъ, требованіямъ законной справедливости, и она взываетъ къ чести кабинетовъ, которые она вправѣ считать одушевленными тѣми-же чувствами высокой справедливости и дружелюбія, какія они выказывали доселѣ».

Немедленное и одновременное разоруженіе — вотъ единственное дѣйствительное средство противъ опасности, угрожающей миру.—Отвѣтъ, выраженный правительствомъ султана и изложенный выше, касающійся декларацін посланника Россіи, предлагаетъ державамъ вполнѣ пригодныя средства достичь этого результата; державы не захотятъ настойчивостію уронить честь и права Турціи, которая на положенія протокола никогда не согласится.

Вотъ циркуляръ, которымъ Порта отклонила лондонскій протоколъ и отвергла условія мира, перечисленныя графомъ Шуваловымъ.

Въ виду такого ослѣпленія и упрямства, нельзя отрѣчься отъ чувства сожалѣнія къ этому народу,

стремящемуся обмануть Европу, тогда какъ Европа видитъ ясно его дѣла и высказала уже безповоротное мнѣніе по поводу правленія министровъ и чиновниковъ султана.

Дѣйствительно любопытно видѣть, какимъ образомъ Турки пытаются оправдаться передъ Европою, а потому мы обращаемъ вниманіе читателей на странныя объясненія, доставленныя великимъ визиремъ, Эдхемомъ Пашой, корреспонденту Journal des Débats:

«Къ чему, восклицаетъ онъ, такая предусмотрительность въ отношеніи Болгаріи? Положимъ, были жестокости, даже, *можетъ быть*, свирѣпости, но дѣло шло, вѣдь, объ усмиреніи мятежа, возстанія, и какое же правительство не дѣйствуетъ строго противъ возстаній подданныхъ? Исторія полна примѣрами такого рода; кромѣ того, намъ извѣстна истинная причина движенія и намъ знакома рука, возжегшая этотъ пожаръ; наше дѣло было дѣйствовать и притомъ такъ, чтобы препятствовать распространенію пламени, и въ отношеніи Болгаріи это намъ удалось.

«Случающіяся у насъ возмущенія всецѣло зависятъ отъ внѣшняго вліянія, и протоколъ, вызывая заботу о будущемъ, — заставляетъ насъ стра-

шиться новаго иноземнаго дѣйствія. — Если и здѣсь повторится эпизодъ, бывшій въ Майнцѣ, и вотъ для насъ уже готова угроза занятія территоріи.—Неужели мы должны оставаться безоружными, имѣя въ виду подобную дѣйствительность?

«Чего же хотятъ въ сущности? Отбросить насъ въ Азію! Но мы здѣсь болѣе четырехъ столѣтій, какъ первобытные жители. Зачѣмъ же—въ Азію, и гдѣ тутъ справедливость и право?

«Мы не скрываемъ опасностей войны намъ угрожающей; но развѣ можемъ-мы уступить этимъ Черногорцамъ? Почему выказываютъ къ нимъ столько заступничества? Что заставляетъ ими интересоваться? Они желаютъ территоріальныхъ пріобрѣтеній для улучшенія существованія? Пусть такъ: мы согласны въ этомъ ихъ удовлетворить, и это мы уже не разъ заявили, но вѣдь они требуютъ крѣпостей, да вѣдь еще какихъ? ключей Албаніи, Босніи и Герцеговины Ихъ подстрекаютъ на всякія требованія и рады, что Черногорія у насъ, какъ бѣльмо на глазу; ее хотятъ сдѣлать еще болѣе опасной, но мы согласимся на это не иначе, какъ вслѣдствіе принужденія.

«Вы говорите мнѣ, продолжалъ министръ, о возстаніи Босніи, Герцеговины, Албаніи, Мирдитовъ;

но вы придаете картинѣ слишкомъ много мрачныхъ красокъ: между этими племенами не существуетъ соглашенія и, кромѣ того, въ случаѣ надобности мы столкнемъ ихъ въ море: у насъ подъ ружьемъ 650.000 человѣкъ; мы прибавимъ къ нимъ еще 80.000; вотъ силы, которыя мы можемъ противупоставить непріятелю».

Не знаемъ, вѣрно-ли передалъ корреспондентъ Journal des Débats, слова великаго визиря, но во всякомъ случаѣ они довольно правдоподобны и такъ и вѣютъ турками. Насъ, конечно, не обвинятъ въ недостаткѣ защиты: послѣ всего нами сказаннаго, намъ нѣтъ необходимости прикрывать Его Превосходительство, Эдхема-Пашу.

Если новая восточная война будетъ имѣть послѣдствія фатальныя для имперіи Оттомановъ, то въ этомъ виновны сами Турки. Имъ было превосходно извѣстно, что отклоненіе лондонскаго протокола повлечетъ за собою войну, и кромѣ того, ихъ предупреждали доброжелательные имъ и притомъ самые авторитетные голоса: имъ говорили объ опасностяхъ, которымъ они себя подвергали.

9 апрѣля лордъ Дерби вотъ въ какихъ словахъ давалъ г. Жоселену отчетъ объ разговорѣ съ турецкимъ посломъ:

«Турецкій посланникъ сегодня мнѣ заплатилъ визитъ и говорилъ сегодня сомною по поводу протокола, подписаннаго мною и представителями другихъ пяти державъ въ Лондонѣ.—Онъ выразилъ, что Порта находитъ содержаніе протокола несовмѣстимымъ съ достоинствомъ и независимостью султана, и что Турція предпочтетъ войну необходимости присоединиться къ нему и даже-несчастную войну, въ которой она можетъ потерять одну или двѣ провинціи. Я далъ ему понять въ моемъ отвѣтѣ, что, говоря о потерѣ одной или двухъ провинцій, если война для Турціи будетъ неудачна, онъ ложно думаетъ объ оборотѣ дѣлъ, который, по всей вѣроятности, примутъ событія, въ случаѣ войны.—Война съ Россіей, несомнѣнно, будетъ сигналомъ возстанія для многихъ народностей Турціи, и дѣло не ограничится для Порты потерею одной, или двухъ провинцій, а напротивъ трудно было не сомнѣваться, не утратитъ-ли она, къ концу состязанія, своего существованія. Музурусъ-Паша отвѣтилъ, что, въ случаѣ принужденія, Турки могутъ удалиться въ Азію, и тамъ сохранятъ независимость ихъ режима; на это я спросилъ его, неужели онъ серьезно настаиваетъ, что для Порты выгоднѣе быть изгнанной изъ Европы, нежели согласиться

на признаніе документа, въ составленіи котораго съ Турціею не посовѣтовались, и за который, такимъ образомъ, Турція неотвѣтственна и который, наконецъ, — не принуждаетъ Порту ни къ чему иному, какъ только къ исполненію дѣла къ совершенію котораго она уже заявила готовность, а за публичное признаніе этой готовности и даже способности будутъ ручаться спокойствіе и благосостояніе Турціи?

Музурусъ-Паша отвѣчалъ, что протоколъ послужилъ отмѣною девятой статьи парижскаго трактата, а обойти молчаніемъ нарушеніе этой статьи, по мнѣнію Порты, все равно, что отрѣчься отъ всѣхъ правъ, главнымъ образомъ отъ независимости султана и отъ недопущенія всякаго иностраннаго вмѣшательства, правъ, за которыя Турція боролась, и что на подобную уступку ея правительство не согласится никогда. Я выразилъ ему, что такое мнѣніе я долженъ выслушать съ сожалѣніемъ, и что подобный образъ мыслей весьма неполитиченъ.»

Можно-ли быть благоразумнѣе въ рѣчахъ, чѣмъ англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, и совѣты его были запечатлѣны высокою мудростію, свидѣтельствуя о благоволеніи къ Портѣ; но онъ забылъ,

что обращался къ народу, который думаетъ, что все еще живетъ въ царствованіе Магомета II, который не отдалъ себѣ ни въ чемъ отчета и не внемлетъ на требованія разума, ни на поученія исторіи.

— —

XXI.

Объявленіе войны.

Чтобы рѣшиться, Царь только и ожидалъ что отвѣта Порты на лондонскій протоколъ: какъ скоро отвѣтъ этотъ достигъ русскаго канцлерства, война была немедленно рѣшена.—Передъ такимъ вызовомъ, обращеннымъ къ Европѣ и Россіи, медлить было невозможно; ясно было, что наступательныя средства были необходимы.

Десять дней спустя, послѣ оттоманскаго циркуляра, князь Горчаковъ отправилъ слѣдующій циркуляръ посламъ Россіи въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Римѣ.

С.-Петербургъ 19 апрѣля 1877 г.

«Императорскій кабинетъ истощилъ, съ самаго начала восточныхъ затрудненій, всѣ средства уста-

новить, при посредствѣ великихъ державъ, мирныя отношенія съ Турціей.

«Всѣ предложенія, сдѣланныя Портѣ, какъ результатъ соглашенія между кабинетами, встрѣтили съ ея стороны непобѣдимое сопротивленіе.

«Протоколъ, подписанный въ Лондонѣ 19/31 марта нынѣшняго года, былъ послѣднимъ выраженіемъ воли европейскихъ державъ.

«Императорскій кабинетъ считалъ его высочайшею попыткою къ примиренію. Декларацією, отъ того-же числа, какъ и протоколъ, онъ возвѣстилъ условія, которыя, будучи честно, чистосердечно приняты оттоманскимъ правительствомъ,—могли послужить къ возстановленію и упроченію мира.

«Порта отвѣтила на него новымъ отказомъ.

«Объ этой случайности не разсуждалось въ лондонскомъ протоколѣ. Формулируя обѣщанія и рѣшенія Европы, ограничились постановленіемъ такого рода: если великія державы обманутся въ своихъ надеждахъ по поводу энергическаго приложенія Портою мѣръ къ улучшенію условій ея христіанскаго населенія, единодушно требуемыхъ державами и необходимыхъ для всеобщаго спокойствія, тогда они обсуждаютъ сообща мѣры, способ-

ныя обезпечить благосостояніе христіанскаго населенія и выгоды всеобщаго мира.

«И такъ, кабинеты предвидѣли тотъ случай, что Порта не исполнитъ обѣщаній, сдѣланныхъ ею, но и не подумали о томъ, что она отвергнетъ требованія Европы.

«Въ то-же время декларація, сдѣланная лордомъ Дерби, въ продолженіе протокола свидѣтельствовала, (такъ какъ правительство королевы согласилось подписать этотъ актъ только въ видахъ интересовъ всеобщаго мира), что, если цѣль не будетъ достигнута, именно взаимное разоруженіе и миръ Россіи съ Турціей, протоколъ будетъ считаться не имѣющимъ значенія.

«Отказъ Порты и мотивы, на которыхъ онъ основанъ, все это устраняетъ надежду на ея уступчивость и согласіе на совѣты Европы, а также и на гарантію въ осуществленіи реформъ касательно улучшенія участи христіанскаго населенія; отказъ этотъ дѣлаетъ миръ съ Черногоріей невозможнымъ, а равно и исполненіе условій, могущихъ привести къ разоруженію и миру. Въ такомъ положеніи тщетны всѣ попытки къ примиренію. — Остается только продолжить положеніе дѣлъ въ существующемъ нынѣ порядкѣ, который державы

объявили несовмѣстимымъ, какъ съ ихъ собственными интересами, такъ и съ интересами всей Европы, или стараться достигнуть цѣли понужденіемъ, которой не могли достичь единодушныя усилія кабинетовъ.

«Нашъ августѣйшій Монархъ рѣшился на это дѣло, къ осуществленію котораго Его Величество приглашалъ для совмѣстнаго дѣйствія и другихъ державъ.

«Онъ повелѣлъ своимъ войскамъ вступить въ предѣлы Турціи.

«Благоволите объявить объ этой рѣшимости правительству, у котораго вы аккредитованы.

«Беря на себя отвѣтственность за это, нашъ августѣйшій государь исполняетъ долгъ, внушаемый ему интересами Россіи, мирное развитіе которой затрудняется безпрестанными волненіями на Востокѣ. Императоръ убѣжденъ также, что его дѣйствія соотвѣтствуютъ чувствамъ и интересамъ всей Европы.

(подпись) Горчаковъ.

На слѣдующій день $^{8}/_{20}$ апрѣля Императоръ покидаетъ столицу и отправляется въ Кишиневъ, куда пріѣзжаетъ 23-го. Немедленно, онъ производитъ смотръ войскамъ и обращается къ нимъ съ такими словами:

«Я затруднялся послать васъ въ огонь и отдаляю насколько возможно этотъ моментъ, медля проливать вашу кровь; но съ той минуты, какъ честь Россіи угрожаема, я увѣренъ, что всѣ мы, отъ перваго до послѣдняго, сумѣемъ ее поддержать. Богъ да будетъ съ вами! Желаю вамъ полнаго успѣха!»

Въ Бирзулѣ:

«Благословляю васъ на дальнѣйшій путь. Встрѣтивши непріятеля, будьте храбры, поддержите честь вашихъ полковъ. Между вами есть молодыя войска, никогда не видѣвшія огня, но я надѣюсь, что они не останутся позади, и что они постараются сравниться въ храбрости съ моими старыми войсками. Желаю, чтобы вы возвратились вскорѣ, покрытые славою».

И многократно онъ повторилъ. обращаясь къ солдатамъ: «прощайте дѣти»!

Въ тотъ-же день Нелидовъ, русскій уполномоченый въ Константинополѣ, покинулъ этотъ городъ.

24 Апрѣля.

Число это запишется въ лѣтописяхъ Россіи, ибо въ этотъ день была объявлена война, и Прутъ перейденъ.

Утромъ этого дня Царь производитъ большой смотръ въ Кишиневѣ и объявляетъ слѣдующій манифестъ:

Манифестъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНДЛЯНСКІЙ И ПРОЧАЯ И ПРОЧАЯ И ПРОЧАЯ.

Всѣмъ Нашимъ любезнымъ вѣрноподданнымъ извѣстно то живое участіе, которое Мы всегда принимали въ судьбахъ угнетеннаго христіанскаго населенія Турціи. Желаніе улучшить и обезпечить положеніе его раздѣляетъ съ Нами и весь русскій народъ, нынѣ выражающій готовность свою на новыя жертвы для облегченія участи христіанъ Балканскаго полуострова. Кровь и достояніе Нашихъ вѣрноподданныхъ были всегда Намъ дороги; все царствованіе Наше свидѣтельствуетъ о постоянной заботливости Нашей сохранить Россіи благословенія мира. Эта заботливость осталась Намъ присуща въ виду печальныхъ событій, совершившихся въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи. Мы первоначально поставили Себѣ цѣлью достигнуть улуч-

шеній въ положеніи восточныхъ христіанъ путемъ мирныхъ переговоровъ и соглашенія съ союзными дружественными Намъ великими европейскими державами. Мы не переставали стремиться, въ продолженіи двухъ лѣтъ, къ тому, чтобы склонить Порту къ преобразованіямъ, которыя могли бы оградить христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи отъ произвола мѣстныхъ властей. Совершеніе этихъ преобразованій всецѣло вытекало изъ прежнихъ обязательствъ, торжественно принятыхъ Портою предъ лицемъ всей Европы. Усилія Наши, поддержанныя совокупными дипломатическими настояніями другихъ правительствъ, не привели однако къ желаемой цѣли. Порта осталась непреклонною въ своемъ рѣшительномъ отказѣ отъ всякаго дѣйствительнаго обезпеченія своихъ христіанскихъ подданныхъ и отвергла постановленія константинопольской конференціи. Желая испытать, для убѣжденія Порты, всѣ возможные способы соглашенія, Мы предложили другимъ кабинетамъ составить особый протоколъ со внесеніемъ въ оный самыхъ существенныхъ постановленій константинопольской конференціи, и пригласить турецкое правительство присоединиться къ этому между-народному акту, выражающему крайній предѣлъ Нашихъ миролюбивыхъ

настоянiй. Но ожиданiя Наши не оправдались. Порта не вняла единодушному желанiю христiанской Европы и не присоединилась къ изложеннымъ въ протоколѣ заключенiямъ. Исчерпавъ до конца миролюбiе Наше, Мы вынуждены высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствiямъ болѣе рѣшительнымъ. Того требуетъ и чувство справедливости и чувство собственнаго Нашего достоинства. Турцiя отказомъ своимъ поставляетъ Насъ въ необходимость обратиться къ силѣ оружiя. Глубоко проникнутые убѣжденiемъ въ правотѣ Нашего дѣла, Мы, въ смиренномъ упованiи на помощь и милосердiе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что наступило время, предусмотрѣнное въ тѣхъ словахъ Нашихъ, на которыя единодушно отозвалась вся Россiя. Мы выразили намѣренiе дѣйствовать самостоятельно, когда Мы сочтемъ это нужнымъ и честь Россiи того потребуетъ. Нынѣ, призывая благословенiе Божiе на доблестныя войска Наши, Мы повелѣли имъ вступить въ предѣлы Турцiи.

Данъ въ Кишиневѣ, апрѣля 12-го дня, лѣта отъ Рождества Христова въ тысяча восемьсотъ семьдесятъ седьмое, царствованiя же Нашего въ двадесять третье.

Говорятъ, что Царь проливалъ слезы во время чтенія манифеста. Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, потому что всегда прискорбно давать приказъ къ пролитію крови, даже и тогда, когда интересы человѣколюбія того настоятельно требуютъ. Волненіе Царя живо сообщилось его окружающимъ, но, по прочтеніи манифеста, печаль смѣнилась энтузіазмомъ:

«Тогда, пишетъ корреспондентъ «Daily News»,раздались единодушныя восклицанія, неслыханныя мною доселѣ и которыхъ, по всей вѣроятности, я болѣе никогда не услышу. Это былъ крикъ веселія, тріумфа и облегченія, такъ какъ тяжесть неизвѣстности спала съ сердецъ присутствующихъ.

«Крикъ этотъ раздался и въ средѣ арміи, распространился на зрителей и повторялся, повторялся много разъ.—Солдаты бросали въ воздухъ кепи, ловили ихъ на подставленные штыки и восторжен но кричали, кричали до хрипоты »

Продолжимъ описаніе фактовъ:

Въ тотъ-же день князь Горчаковъ обращается съ слѣдующею нотою къ Тевфикъ-Бею, уполномоченному Турціи при С.-Петербургскомъ дворѣ:

«Серьезный спорь императорскаго кабинета съ Оттоманскою Портою, имѣвшій цѣлію упроченіе

мира на Востокѣ, не привелъ къ желанному соглашенію и Его Императорское Величество, мой августѣйшей повелитель,— съ сожалѣніемъ принужденъ прибѣгнуть къ силѣ оружія.

«Благоволите сообщить Вашему правительству, что отнынѣ Россія въ войнѣ съ Турціею, первое слѣдствіе которой заключается въ прекращеніи дипломатическихъ сношеній между обоими государствами.

«Прошу увѣдомить меня о числѣ особъ, изъ котораго состоитъ оттоманское посольство въ С.-Петербургѣ, чтобы мы могли снабдить васъ необходимыми паспортами. Что-же касается оттоманскихъ подданныхъ, жительствующихъ въ Россіи, то желающіе выѣхать изъ Россіи могутъ это сдѣлать, остающіеся-же могутъ разсчитывать на полнѣйшее покровительство законовъ.»

«Горчаковъ».

Спустя нѣсколько часовъ, турецкій уполномоченный выѣхалъ изъ столицы Россіи.

Та же формальность была исполнена и со стороны Дивана.

Такимъ образомъ всѣ сношенія были прерваны.

Въ тотъ-же день Николай Николаевичъ, августѣйшій братъ Императора, главнокомандующій

дунайскою арміею, обратился къ войскамъ съ слѣдующимъ приказомъ:

«Сотни лѣтъ тяготѣетъ иго турецкое надъ христіанами братьями нашими. Горька ихъ неволя! Все что дорого человѣку: святая вѣра Христова, честное имя, потомъ и кровью добытое добро, все поругано, осквернено невѣрными; не выдержали несчастные, возстали противу угнетателей и вотъ уже два года льется кровь христіанская. Города и села выжжены; имущество разграблено; жены и дочери обезчещены; населеніе иныхъ мѣстъ поголовно вырѣзано. Всѣ представленія Монарха нашего и иностранныхъ правительствъ объ олучшеніи быта христіанъ остались безуспѣшными. Мѣра долготерпѣнія нашего Царя Освободителя истощилась. Послѣднее слово Царское сказано: война Турціи объявлена! Войска ввѣренной мнѣ арміи! Намъ выпала доля исполнить волю Царскую и святой завѣтъ предковъ нашихъ. Не для завоеваній идемъ мы, а на защиту поруганныхъ и угнетенныхъ братьевъ нашихъ и на защиту вѣры Христовой. И такъ впередъ! Дѣло наше свято и съ нами Богъ! Я увѣренъ, что каждый, отъ генерала до рядоваго, исполнитъ свой долгъ и не посрамитъ имени рускаго. Да будетъ оно и нынѣ такъ же грозно,

какъ въ былые годы! Да не остановятъ насъ ни преграды, ни труды и лишенія, ни стойкость врага. Мирные же жители, къ какой бы вѣрѣ и къ какому бы народу они ни принадлежали, равно какъ и ихъ добро, да будутъ для васъ неприкосновенны. Ничто не должно быть взято безвозмездно; никто не долженъ дозволить себѣ произвола. Въ этомъ отношеніи я требую отъ всѣхъ и каждаго самаго строгаго порядка и дисциплины. Въ нихъ наша сила, залогъ успѣха, честь нашего имени. Напоминаю войскамъ, что, по переходѣ границы, нашей мы вступаемъ въ издревле дружественную намъ Румынію, за освобожденіе которой пролито не мало русской крови. Я увѣренъ, что тамъ мы встрѣтимъ то же гостепреимство, какъ и предки и отцы наши. Я требую, чтобы за то всѣ чины платили имъ, братьямъ и друзьямъ нашимъ, полной дружбой, охраной ихъ порядковъ и безотвѣтной помощію противу турокъ, а когда потребуется, то и защищали ихъ дома, такъ же, какъ и свои собственные»

Тотчасъ-же послѣ смотра въ Кишиневѣ и императорской прокламаціи, кавалерія устремляется впередъ, зашевелились батальоны инфантеріи и Прутъ перейденъ. Русскія войска входятъ въ Молдавію

Въ тотъ-же вечеръ 17,000 Русскихъ переходятъ границу; армейскій корпусъ достигаетъ берега Дуная и занимаетъ Галацъ.

Кавказская армія проникаетъ на турецкую территорію.

Война начата.

XXII.

Турецкіе документы.

Со времени объявленія войны, Савфетъ Паша обратился къ дипломатическимъ агентамъ Порты за-границею съ двумя циркулярами отъ 24 и 25 апрѣля.—

Первымъ, изданнымъ немедленно по объявленіи войны и отъѣздѣ Нелидова, Порта взывала къ посредству державъ на основаніи 8 статьи парижскаго трактата, заключающейся въ слѣдующемъ:

«Если между Блистательною Портою и одной, или нѣсколькими державами, подписавшими трактатъ, произойдетъ несогласіе, грозящее перерывомъ ихъ отношеній, Блистательная Порта и каждая изъ

державъ, не прибѣгая къ силѣ, предотвратятъ эту крайность посредническимъ дѣйствіемъ.»

Просьба эта была напрасна по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому, что она *запоздала* и во вторыхъ, потому, что несогласіе, вызвавшее войну, существовало не только между Турціей и Россіей, но между Турціей и Европой.—Съ момента осужденія Европою положенія и образа дѣйствія турецкаго правительства безсмысленно было прибѣгать къ ея посредству. А Европа въ теченіе двухъ лѣтъ, предвидя борьбу, старалась предупредить ее своими дипломатическими дѣйствіями; и это было попыткою къ посредничеству.—Попытка эта не была дѣйствительной и такимъ образомъ всякое внѣшнее вліяніе было безполезнымъ.

Циркуляромъ отъ 24 апрѣля министръ иностранныхъ дѣлъ Турціи даетъ понять, что Россія въ объявленіи войны не ссылается на нарушеніе правъ Петербургскій кабинетъ не заявляетъ протеста противъ турецкихъ дѣйствій въ отношеніи территоріи, торговли русской и мореплаванія, но только противъ поступковъ съ христіанами и противъ высокомѣрія, съ какимъ она отказалась принять предложенія конференціи и лондонскій протоколъ.

Далѣе Савфетъ-Паша излагаетъ, что Порта со-

гласна на осуществленіе реформъ.—Мы готовы допустить это; но этого недостаточно. Для удовлетворенія Европы и Россіи, недостаточно только признавать необходимость реформъ, но необходимо ихъ исполненіе, чего Порта не попыталась сдѣлать.

Министръ султана говоритъ намъ объ «уступчивости» Порты въ отношеніи совѣта великихъ державъ, но прибавляетъ, «что она должна была блюсти честь и независимость Оттоманской имперіи». Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ Порта не проявила никакой уступчивости въ отношеніи Европы, вслѣдствіе чего эта послѣдняя отозвала своихъ пословъ изъ Константинополя и предоставила Турцію собственной участи.

Говоря по справедливости, обвинять Россію «въ раздраженіи христіанскаго и мусульманскаго населенія имперіи, для лучшаго обезпеченія собственнаго блага и для поколебанія цѣлости и безопасности Оттоманской имперіи»,—значитъ, играть словами.—Савфетъ-Паша забываетъ, что христіанскій элементъ исключенъ изъ оттоманской арміи, а Россія остережется озлоблять мирное населеніе и возьметъ подъ свое покровительство личность и имущество христіанъ: съ ея стороны имъ нечего страшиться,—если они и пострадаютъ отъ войны, не-

смотря на всѣ попеченія Россіи, за то они вполнѣ будутъ вознаграждены освобожденіемъ и безопасностію въ будущемъ. Что-же касается «условій благоденствія» имперіи, то мы не думаемъ, чтобы Россія ими занималась: не блага Оттоманской имперіи добивается она, но улучшенія участи своихъ единовѣрцевъ.

Апрѣля 25 дня министръ обращался къ агентамъ Порты съ слѣдующимъ циркуляромъ:

«Россія объявила войну Оттоманской имперіи нотою, возвѣщенною княземъ Горчаковымъ нашему уполномоченному въ С.-Петербургѣ, утромъ 24 сего мѣсяца, и дошедшею до насъ въ тотъ-же день, спустя нѣсколько часовъ.

«Конечно, ранѣе достиженія этою декларацією Блистательной Порты, русская армія начала враждебныя дѣйствія, перейдя молдо-валашскую границу и границу Азіи.

«Доводя эти факты до свѣдѣнія правительства, у котораго вы аккредитованы, вы заявите, что подобный образъ дѣйствій анормаленъ и противорѣчитъ правиламъ, искони соблюдаемымъ цивилизованными государствами.

«Прибавьте, что Блистательная Порта протестуетъ противъ образа дѣйствій Россіи, объявившей

войну, не прибѣгая къ посредничеству державъ, хотя къ тому и обязывала 8 статья трактата 1856 года.

«Сопоставьте это пренебреженіе Россіею международными обязанностями съ заботами Порты, въ виду войны съ Россіею, пріобрѣсти посредничество великихъ державъ, какъ для сохраненія европейскаго мира, такъ и изъ побужденія человѣколюбія.

«Мы надѣемся, что европейскія державы, а также и общественное мнѣніе, оцѣнятъ эти факты и поймутъ на какую изъ двухъ державъ должна пасть отвѣтственность за начинающуюся борьбу.»

Въ этотъ знаменитый день, 24 апрѣля, манифестъ, циркуляры, ноты и военныя движенія чередовались съ такою быстротою, что трудно сказать, достигла ли вѣсть объ объявленіи войны Блистательной Портѣ ранѣе вторженія въ Румынію и Арменію; если бы даже и такъ, то это—неважная подробность, ибо дѣло шло о промежуткѣ только въ нѣсколько часовъ. Впрочемъ Диванъ былъ уже предупрежденъ, такъ какъ циркуляръ русскаго канцлера, возвѣщающій войну, былъ отъ 19 апрѣля: значитъ Порта не была въ неизвѣстности.

Манифестъ султана.

Вотъ текстъ манифеста, съ которымъ обратился султанъ къ оттоманскому населенію и къ европейскимъ державамъ, въ отвѣтъ на манифестъ Императора Всероссійскаго:

«Россія, объявивъ войну Оттоманской имперіи и начавъ враждебныя дѣйствія вторженіемъ въ наши азіатскія провинціи и въ княжество, составляющее неотъемлемую часть владѣній султана, сдѣлала печальную развязку смятеніямъ и политическимъ затрудненіямъ, которыя волновали Востокъ въ теченіи около двухъ послѣднихъ лѣтъ.

«Европа, которая, въ интересѣ человѣчества и для обезпеченія своего собственнаго спокойствія, энергически старалась устранить эту опасную возможность, имѣетъ, безъ сомнѣнія, право изыскать причины неуспѣха своихъ усилій и рѣшить—на которое изъ двухъ государствъ должна пасть отвѣтственность за войну и за бѣдствія, къ которымъ она повлечетъ.

«Правительство султана, съ своей стороны, обязано, въ эту торжественную минуту, представить своимъ народамъ и дружественнымъ державамъ

вѣрное изложеніе своихъ дѣйствій и политическихъ событій, которыя, въ теченіи 1875 г. и послѣ, привели къ настоящему положенію дѣлъ.

«Двѣ провинціи Турецкой имперіи, разжигаемыя революціонными элементами, пришедшими извнѣ, возмутились противъ законной власти султана, и это зло, подъ гибельнымъ вліяніемъ панславистскихъ мятежныхъ обществъ, угрожало объять другія провинціи и внести разореніе и опустошеніе среди самыхъ мирныхъ населеній имперіи.

«Два раза дружественныя державы пытались умиротворить эти провинціи: во-первыхъ, путемъ посредничества консуловъ, посредничества, которое лишь доказало все пренебреженіе вожаковъ славянскаго заговора къ желаніямъ Европы; во-вторыхъ, посредствомъ программы реформъ, предложенной вѣнскимъ кабинетомъ, которая, будучи принята Портою, была отвергнута инсургентами.

«Чтобы противодѣйствовать этому возстанію, равно какъ помѣшать распространенію бича междуусобной войны на другія провинціи, императорское правительство призвало всѣ военныя силы націи и, благодаря этому великому и патріотическому усилію, оно могло усмирить мятежъ, сохранить цѣлость им-

періи и избавить самую Европу отъ неизбѣжнаго отраженія всеобщихъ смутъ на Востокѣ.

«Турція, слѣдовательно, исполнила по отношенію къ себѣ и по отношенію къ Европѣ свой истинный долгъ, вооружившись для возстановленія порядка, для сохраненія спокойствія Европы и для поддержанія мира. Былъ еще другой, не менѣе повелительный долгъ, который наложило на себя правительство въ своей заботливости о благѣ имперіи, это — исправить ошибки прошлаго, даровать странѣ либеральныя учрежденія и преобразовать государственную администрацію, согласно принципамъ европейской цивилизаціи.

«Это дѣло правительственнаго и административнаго возрожденія, имѣющаго основаніемъ конституціонную хартію, дарованную е. и. в. султаномъ, исполняется въ настоящую минуту по волѣ монарха и его министровъ, которые рѣшительно преданы этой задачѣ и встрѣчаютъ содѣйствіе себѣ, какъ въ расположеніи страны, съ радостію и признательностію принявшей конституціонную форму, такъ и въ усиліяхъ и работахъ обѣихъ палатъ, составляющихъ оттоманскій парламентъ.

«Между тѣмъ Европа не теряла надежды положить конецъ положенію вещей, которое она, не безъ

основанія, считала опаснымъ для себя самой. Увѣренная, что найдетъ султанское правительство расположеннымъ снова слѣдовать за нею по пути примиренія, она предложила созвать въ Константинополѣ конференцію, которая должна была изыскать, съ согласія Блистательной Порты и на основаніяхъ, начертанныхъ заранѣе, окончательныя условія возстановленія мира.

«Этотъ фазисъ восточнаго вопроса слишкомъ еще памятенъ всѣмъ, чтобы настояла надобность воспроизводить всѣ его обстоятельства; достаточно напомнить, что великія державы, послѣ совѣщаній, въ которыхъ не принимала участія Блистательная Порта, сочли нужнымъ внести въ программу конференціи новые элементы, совершенно противоположные базисамъ, предложеннымъ Англіею и встрѣтившимъ присоединеніе императорскаго правительства; что, несмотря на свое нежеланіе позволить обсуждать вопросы внутренней администраціи, турецкіе делегаты, изъ уваженія къ желаніямъ Европы, подали самыя удовлетворительныя и самыя полнѣйшія надежды и, можно сказать, сдѣлали самыя убѣдительныя демонстраціи въ пользу всего, что касается административной реформы; что, наконецъ, соглашеніе могло въ то время считаться

достигнутымъ по этому пункту, равно какъ и по общимъ условіямъ умиротворенія вассальныхъ провинцій, и что если конференція разошлась, не освятивъ ни одного изъ пріобрѣтенныхъ результатовъ, такъ это произошло вслѣдствіе отказа Блистательной Порты присоединиться къ двумъ постановленіямъ, называемымъ гарантіями, которыя великія державы желали наложить на нее. Между тѣмъ, если есть истина, которая никогда не была оспариваема даже врагами Турціи, такъ это именно то, что эти два условія составляли покушеніе на независимость Оттоманской имперіи, на самые священные принципы международнаго права, и формальное нарушеніе постановленій договора 1856 г., который возбраняетъ подписавшимъ его державамъ всякое вмѣшательство во внутреннюю администрацію Турціи.

«Повидимому, при этихъ условіяхъ, неуспѣхъ константинопольской конференціи долженъ былъ имѣть лишь одно слѣдствіе, именно заставить великія державы съ довѣріемъ ожидать дѣйствія нравственныхъ обязательствъ, которыя приняла на себя по отношенію къ нимъ Блистательная Порта, и результата новаго способа администраціи, созданнаго оттоманской конституціей.

«Императорское правительство, дѣйствительно, принялось за дѣло и не только посвятило себя примѣненію принциповъ своего конституціоннаго режима, но добровольно вступило въ переговоры съ Сербіей и Черногоріей для возстановленія мира между этими двумя княжествами и верховнымъ дворомъ.

«Эта послѣдняя часть ея задачи была на пути къ исполненію; Сербія была умиротворена и благорасположеніе, оказываемое Блистательною Портою Черногоріи, казалось, должно было восторжествовать надъ затрудненіями, истекающими изъ недопустимыхъ притязаній этого княжества.

«Императорское правительство не могло быть остановлено въ исполненіи своей задачи необходимостію держаться на военной ногѣ и переносить такимъ образомъ тягости вооруженнаго мира; оно тогда помышляло о разоруженіи, но прежде чѣмъ привести въ исполненіе это рѣшеніе, столь повелительно требуемое обстоятельствами, было необходимо, чтобъ Европа не оставалась къ нему равнодушной и чтобъ она оказала Турціи свое благосклонное содѣйствіе, дабы демобилизація турецкой арміи не стала актомъ неблагоразумія или опрометчивой поспѣшности.

«Именно въ ту минуту, когда Блистательная Порта готовилась пригласить Европу къ этимъ мирнымъ переговорамъ, С.-Петербургскій кабинетъ счелъ своимъ долгомъ принять инициативу новыхъ попытокъ, но не соглашенія, а давленія, которое опъ талъ употреблять на императорское правительство.

»Изъ этой совершенно неожиданной дипломатической кампаніи исшелъ лондонскій протоколъ, обсужденный и подписанный, при чемъ императорское правительство не было приглашено къ обсужденію его постановленій, и не было даже спрошено его совѣта.

«Тѣ же самыя причины, которыя побудили Блистательную Порту отвергнуть нѣкоторыя статьи проэкта константинопольской конференціи, обязывали ее отклонить новыя резолюціи. Въ виду тѣхъ частныхъ заявленій, которыми предваряла Россія эти резолюціи, ни одно правительство, заботящееся о своей чести и о своей независимости, не могло бы принять представленной ему програмы.

«Вполнѣ сознавая, что его отказъ, передъ лицомъ могущественнаго сосѣда, готоваго поддержать свои притязанія оружіемъ, подвергалъ его опасности нападенія, правительство султана, поддерживаемое единодушнымъ чувствомъ представителей націи, не

колеблясь, рѣшилось стоять за неприкосновенность своихъ державныхъ правъ. Эта вѣроятность, къ сожалѣнію, осуществилась.

«Россія, тщетно пытавшаяся ослабить и унизить Оттоманскую имперію, посредствомъ наложенія на нее иностранной опеки, преслѣдуетъ нынѣ оружіемъ удовлетвореніе своей честолюбивой политики.

«Она найдетъ на своей дорогѣ весь народъ ополчившійся для защиты своей территоріи, для охраненія своихъ домашнихъ очаговъ, для поддержанія правъ своего монарха и независимости своего отечества. Но въ минуту, когда начинается эта безчеловѣчная борьба, и каковъ бы ни былъ ея исходъ, необходимо, чтобъ Европа, чтобъ весь свѣтъ узналъ истину, нужно, чтобъ всѣ населенія имперіи, нынѣ собравшіяся вокругъ престола, движимыя чувствомъ общаго спасенія, знали причину страданій, которыя они уже вынесли, и новыхъ бѣдствій, которымъ подвергается отнынѣ ихъ страна; наконецъ, нужно, чтобы какъ въ побѣдѣ, такъ и въ пораженіи, Оттоманская имперія сложила съ себя отвѣтственность за настоящую войну. Поэтому императорское правительство считаетъ своимъ долгомъ подтвердить, что христіанскія населенія Герцеговины, Босніи и вилайетовъ, обитаемыхъ болгарами,

возстали лишь по наущенію панславистскихъ комитетовъ, организованныхъ и содержимыхъ Россіею; что Сербія и Черногорія взялись за оружіе противъ верховнаго двора лишь по непосредственному подстрекательству Россіи; что они могли держаться въ борьбѣ лишь при помощи Россіи, и что, наконецъ, всѣ бѣдствія, отягчавшія въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ эту часть имперіи, были слѣдствіемъ явнаго или скрытаго, но всегда присущаго дѣйствія Россіи.

«Пусть теперь Европа созерцаетъ опустошенія, уже произведенныя въ Турціи русской политикой, пусть она безпристрастно разсмотритъ и разсудитъ мнимыя жалобы, которыя служатъ ей предлогомъ для нарушенія всеобщаго мира и для вверженія этихъ двухъ государствъ во всѣ ужасы войны, и пусть ея приговоръ дастъ удовлетвореніе общественной совѣсти.

«Императорское правительство сказало Россіи, какъ и другимъ европейскимъ державамъ: посмотрите и судите, и на это честное и искреннее слово Россія отвѣчала объявленіемъ войны, не прибѣгнувъ предварительно къ посредничеству Европы, какъ обязывала ее къ тому статья 8-я парижскаго договора,—не давъ державамъ времени и способовъ ис-

полнить эту миротворную задачу, касательно которой императорское правительство заявляетъ, что оно исполнило свой долгъ.

«Наконецъ, Россія, вопреки всѣмъ правиламъ, соблюдаемымъ въ подобныхъ случаяхъ цивилизованными государствами, нотифицировала свое объявленіе войны турецкому повѣренному въ дѣлахъ въ С.-Петербургѣ одновременно съ тѣмъ, какъ прервала свои сношенія съ Блистательной Портой, отозваніемъ своего собственнаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ. Но еще въ ночь, предшествующую объявленію войны, она вторглась на оттоманскую территорію.

»Исторія занесетъ на свои страницы тотъ неслыханный фактъ, что въ нашемъ вѣкѣ просвѣщенія, цивилизаціи и справедливости, великая держава внесла въ сосѣднюю имперію мечъ и огонь, потому что эта имперія желала, чтобъ уважали, по отношенію къ ней, какъ и сама она уважала, по отношенію къ другимъ, вѣчные принципы человѣческаго права, независимость ея внутренней администраціи и, сверхъ всего, честь и достоинство ея народа и ея монарха.

«Итакъ, чтобъ защищать эти священные принципы чтобъ отразить самое гнусное и самое преступное

изъ предпріятій, оттоманская армія выступаетъ на встрѣчу зачинщика.

«Нація, сплотившаяся вокругъ своего державнаго монарха, уповающая на торжество справедливѣйшаго дѣла, рѣшившаяся сдѣлать всѣ пожертвованія и перенести всѣ страданія, готова сражаться и умереть за свою независимость.

«Да охранитъ Всевышній наше право!»

Въ такомъ серьезномъ преніи мы дали возможность сказать слово обѣимъ сторонамъ и облегчить читателю сужденіе.

Конечно, если, для сложенія вины передъ судомъ Европы и исторіи, достаточно гибкости, ловкости и таланта въ составленіи дипломатическихъ документовъ, Порта могла бы оправдаться, и невинность Турокъ могла бы соперничествовать съ невинностію баснословнаго ягненка. Но увы! свѣтъ не такъ юнъ и легковѣренъ: онъ не поддается красотѣ слога и изяществу фразъ! Обманываясь часто, онъ сдѣлался недовѣрчивымъ, и требуетъ не однѣхъ цвѣтистыхъ и длинныхъ тирадъ. Онъ пренебрегаетъ словами и придаетъ значеніе лишь дѣяніямъ, а факты и дѣянія, въ противность всякимъ словамъ обвиняютъ и осуждаютъ Турцію.

Манифестъ султана Абдулъ-Гамида самъ себя

опровергаетъ, однако мы должны кое о чемъ сообщить.

Блистательная Порта подвержена маніи приписывать внутреннія революціонныя движенія въ провинціяхъ «толчкамъ извнѣ», какъ будто дурные поступки съ христіанами недостаточно объясняли эти мятежи. Дозволимъ себѣ вопросъ: если-бы часть населенія Франціи управлялась режимомъ, подобнымъ турецкому, развѣ для объясненія причины ея неудовольствія нужно прибѣгать къ иноземному вліянію? Мятежъ рождается изъ угнетенія, какъ зерно изъ земли. Между всѣми порицателями возстаній христіанъ и вооруженнаго вмѣшательства Россіи не найдется ни одного, который могъ-бы вынести турецкій режимъ только въ теченіе одной недѣли.

Что-же касается «Конституціонной Хартіи», дарованной султаномъ «и правительственнаго и административнаго возрожденія», то мы достаточно подготовлены, чтобы дать имъ должную оцѣнку.

Падишахъ пытается оправдать отказъ Порты на предложенія конференціи, объявляя, что требуемыя гарантіи «посягали на независимость Оттоманской имперіи».—Совершенно вѣрно, но Портѣ должно быть извѣстно, что, со времени парижскаго тракта-

та, учреждающаго ея неприкосновенность, подъ защитою Европы, она не умѣла пользоваться тою независимостью, какою пользовались цивилизованныя государства древняго міра. Капитуляціи, заключенныя ею съ разными державами, парижскій трактатъ, константинопольская конференція, словомъ—*безпрестанное вмѣшательство* державъ въ ея внутреннія дѣла,—развѣ все это не доказательство зависимости ея въ отношеніи Европы?

Не слѣдуетъ смѣшивать *независимость съ цѣлостію*: послѣдняя охраняется Европою, но не первая; Европа защищаетъ «цѣлость», но подъ условіемъ наблюдать за способомъ, которымъ осуществляетъ Порта свои обязательства въ отношеніи христіанъ, а это мало совмѣщается съ принципомъ независимости турецкаго правительства; однимъ словомъ. Порта заручилась соединеннымъ покровительствомъ державъ своей *цѣлости*, только отказавшись отъ своей *независимости*.—Для нея слишкомъ много пользоваться двумя выгодами: пусть изберетъ она одну изъ двухъ!

Г. Леруа Болье писалъ недавно въ Revue des deux Mondes:

«Со времени Крымской кампаніи мы привыкли говорить о цѣлости и независимости Турціи, какъ

о двухъ понятіяхъ, связанныхъ одно съ другимъ; но если принимать эти слова буквально, то для всякаго ясно, что они нетолько не вытекають одно изъ другаго, но даже и несовмѣстимы одно съ другимъ. Оттоманское владычество не можетъ долго удерживаться въ настоящихъ границахъ, безъ чужеземной поддержки и вліянія. Оставляя христіанъ подъ мусульманскимъ игомъ, Европа не должна покидать ихъ полному произволу ихъ властителей. —Единственное дѣйствительное средство вполнѣ обезпечить независимость Порты заключается въ томъ, чтобы уменьшить количество провинцій, подчиненныхъ ея непосредственной администраціи.— Выраженія: «независимость и неприкосновенность», вмѣсто логической взаимности, представляютъ въ Турціи только соединеніе словъ, исключающихъ одно другое».

Вѣря въ свою полнѣйшую и абсолютную независимость, равную независимости прочихъ державъ, Турція думаетъ совершенно ложно, а это тревожитъ ея мечтанія и препятствуетъ оцѣнить здраво ея истинное международное положеніе.

Султанъ желалъ, чтобы державы выжидали «съ довѣрчивостью результата обязательствъ Блистательной Порты.» Но, о Боже! онѣ ждутъ очень давно,

вѣдь первое гатти, обѣщавшее реформы, было издано въ 1839 году! Четыре десятка лѣтъ ожиданія: этого довольно, да и кромѣ того ожиданія утомляютъ, а особенно тогда, когда они стоятъ тысячъ жертвъ, угрожая ихъ жизни и чести.

Его величество жалуется, что Россія желала оскорбить Турцію, навязывая ей «чужеземную опеку». Жалоба эта не имѣетъ смысла: эта опека до сихъ поръ спасала Порту, и безъ ея посредства она давно-бы погибла. Что неоднократно останавливало Россію посреди ея успѣховъ и что еще разъ можетъ ее остановить? Вооруженное или дипломатическое вмѣшательство Европы.

Не значитъ-ли выходить изъ всякихъ границъ, увѣряя, что русская политика—единственная причина «страданій христіанъ, уже ранѣе ими претерпѣнныхъ и новыхъ жестокостей, которымъ будетъ подвержена ихъ страна?» Кого хочетъ султанъ заставить повѣрить такому безразсудству?

Намъ остается только воспроизвести слѣдующую прокламацію, съ которою султанъ обратился 29 апрѣля къ начальникамъ дунайской, эрзерумской и батумской армій:

«Русское правительство, порвавши съ нами дипломатическія сношенія и объявивши намъ войну,

заставило насъ, по необходимости, взяться за оружіе, съ упованіемъ на милость божію и на верховное покровительство нашего мудраго Пророка, источника благоденствія мусульманъ.

«Вамъ извѣстно, что нами ничего не сдѣлано въ нарушеніе мира. Насъ всегда воодушевляли самыя мирныя намѣренія, мы выслушивали совѣты благорасположенныхъ и дружественныхъ державъ и вмѣстѣ съ ними хлопотали объ упроченіи мира. Но нашъ непріятель доказалъ, что цѣлью, преслѣдуемой имъ,—было уничтоженіе нашихъ правъ и даже прекращеніе бытія нашей страны, и онъ не удовлетворился-бы ранѣе достиженія этой цѣли. Врагъ нападаетъ на насъ нынѣ въ противность правъ и безъ всякаго законнаго повода.

«Всемогущій охраняетъ права и справедливость и доставитъ намъ, будемъ надѣяться,—побѣду и благосостояніе.

«Мы убѣждены, что ревностію, патріотическими усиліями нашихъ войскъ, единодушіемъ нашихъ вѣрноподданныхъ и ихъ нравственною и матеріальною поддержкою мы сломимъ врага.

«Я надѣюсь на благость божію, что она поможетъ мнѣ гордиться моими храбрыми войсками, призванными сохранить честь и обаяніе Оттома-

новъ, и что они пойдутъ по стопамъ нашихъ побѣдоносныхъ предковъ.

«На всѣхъ офицеровъ и солдатъ, находящихся подъ нашимъ начальствомъ, я смотрю, какъ на своихъ дѣтей; пусть употребятъ они въ дѣло ихъ усердіе, патріотизмъ и храбрость, этого мы ожидаемъ отъ нихъ! Да сохранятъ они каждый камень нашихъ крѣпостей, каждый клочекъ земли, купленный кровью ихъ предковъ или братьевъ, павшихъ побѣдителями или мучениками! Да отвратятъ они вторженіе врага! Да защитятъ права, честь и независимость имперіи, а это дороже для Турокъ самой жизни! Пока совершаютъ наши войска свой священный долгъ, милость божія и покровительство пророка будутъ имъ споспѣшествовать, а наши горячія желанія ихъ сопровождать.

«Весь оттоманскій народъ считаетъ себя стражемъ и хранителемъ семействъ солдатъ;—вашъ государь будетъ всегда съ вами, и готовъ, въ случаѣ надобности, развернуть священное знамя пророка и посвятить свою жизнь, для сохраненія чести, правъ и независимости отечества.

«Дай Боже побѣду вамъ!»

Изъ всѣхъ этихъ документовъ, составленныхъ со всегдашнею ловкостію, ясно, что Порта искусна въ

дипломатіи; къ сожалѣнію, шаткость аргументовъ и обиліе софизмовъ лишаютъ ихъ значенія и силы. Съ теченіемъ времени довѣріе къ константинопольскому кабинету пошатнулось, и публичное мнѣніе относится соскептическимъ недовѣріемъ къ его дѣйствіямъ, придавая слишкомъ малое значеніе документамъ турецкаго канцлерства. Испытанные люди не полагаются теперь на рѣчи Турокъ.

Переходя отъ офиціальныхъ актовъ къ изъявленію публичнаго мнѣнія, мы видимъ ослѣпленіе, неизлѣчимое упрямство и смѣшное, грубое хвастовство.

Объ этомъ можно судить изъ статьи турецкаго журнала отъ 15 апрѣля 1877 года:

«Султанъ, министры, обѣ палаты и населеніе единодушно рѣшились разъ навсегда положить предѣлъ чужеземнымъ вмѣшательствамъ.—Предложенія Европы отринуты.

«Армія наша состоитъ изъ 600,000 регулярныхъ солдатъ, сгруппированныхъ на границахъ и, кромѣ того, имѣются еще 300,000 человѣкъ, превосходно одѣтыхъ и вооруженныхъ, готовыхъ соединиться съ первыми.

«Мятежники, подстрекаемые извнѣ, подняли знамя мятежа, но теперь стонутъ подъ штыками нашихъ солдатъ.—Если Черногорцы покусятся воспрепят-

ствовать снабженію Никшича провіантомъ, тогда Сулейманъ-Паша, вслѣдствіе полученнаго имъ приказа, сотретъ ихъ съ лица земли.

«Переходъ Русскими Прута сочтется за объявленіе войны. Наши муширы и начальники дунайской арміи имѣютъ приказы перейти рѣку и покарать русскихъ. Арміи Карса и Батума имѣютъ тѣ же приказанія.

«Если Персіане, подъ вліяніемъ Россіи, осмѣлятся поднять головы противъ власти Калифа, то несомнѣнно они подвергнутся той же участи, какъ Черногорцы.

«Въ случаѣ объявленія войны, несомнѣнно, Французы, Англичане и Венгры соединятся съ Турціею противъ Россіи. Это не подвержено сомнѣнію: есть свѣдѣніе объ одномъ англичанинѣ, просившемъ депешею позволенія присоединить къ султанской арміи 5000 его доблестныхъ соотечественниковъ.—Военный министръ, съ полнѣйшею признательностію объявилъ, что наша имперія не имѣетъ недостатка въ воинахъ и что, въ случаѣ необходимости, легко собрать милліонъ волонтеровъ въ государствѣ.—Венгры также поспѣшатъ. Уже теперь ежедневно пріѣзжаютъ по два, по три въ Константинополь, являясь къ военному министру,

«Германія, въ данный моментъ, по видимому, за одно съ Россіею, а Австро-Венгрія соблюдаетъ благопріятный для Россіи нейтралитетъ; но съ достовѣрностью извѣстно, что, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, Австрія первая будетъ хлопотать о покровительствѣ Турціи, заявившей передъ лицемъ всей вселенной свою силу и могущество. Да и въ отношеніи Германіи нечего сомнѣваться: она пойметъ наконецъ, что для нея нѣтъ другаго благополучнаго исхода, какъ быть враждебной Россіи и сообразовать свою политику съ этимъ принципомъ.

«Теперь перейдемъ къ финансовому вопросу.— Сообщимъ что Оттоманская имперія, на которую Европа смотритъ, какъ на *бездыханный трупъ*, соберетъ 800,000 человѣкъ, одѣтыхъ и вооруженныхъ, лучше всѣхъ прочихъ европейскихъ солдатъ. Кромѣ того, не забудемъ, что, помимо 800,000 человѣкъ подъ ружьемъ, мы имѣемъ еще до 400,000 территоріальной гвардіи и 400,000 волонтеровъ; выжидающихъ султанскаго приказа, чтобы броситься на Русскихъ; затѣмъ мусульмане Анатоліи, Румеліи, Аравіи, Египта, Туниса, Центральной Азіи и даже Россіи. Всѣ они ожидаютъ мановенія руки султана, чтобы двинуться впередъ.

Всѣ эти выгоды истекающія изъ власти Калифа,—знаки особаго благоволенія пророка.»

Старые мусульмане приписывають безпорядки Оттоманской имперіи забвенію древнихъ традицій и введенію на священной землѣ пророка—модъ и обычаевъ *гяуровъ*. Накапунѣ священной войны, министръ полиціи приказалъ прочесть въ мечетяхъ два слѣдующіе приказа:

Первый. — Творить *намазъ* (молитву) пять разъ въ день необходимо въ видахъ соблюденія самыхъ настоятельныхъ религіозныхъ обязанностей, предписанныхъ пророкомъ.

«Съ нѣкотораго времени мы съ сожалѣніемъ видимъ, что большинство правовѣрныхъ пеглижируетъ своими обязанностями. Когда муэззины призываютъ, къ молитвѣ, то многіе изъ нихъ останавливаются во дворѣ мечетей, играютъ въ шары, кости, карты и проч. Необходимо прекратить подобное отношеніе къ дѣлу, и пусть правовѣрные возвратятся къ исполненію святыхъ и чтимыхъ преданій. Приглашаемъ правовѣрныхъ, лишь услышатъ они крикъ муэззиновъ, отправляться въ мечети, а не проводить въ игрѣ молитвенные часы.»

Второй.—Одѣяніе женщинъ.—Нѣкоторыя турецкія женщины, въ забвеніи своего достоинства,

гуляютъ по улицамъ и площадямъ въ одѣяніяхъ, несообразныхъ съ установившимися обычаями.. Ихъ *фередже*, вмѣсто однообразныхъ и мрачныхъ цвѣтовъ,украшены яркими и разнообразными красками. Покрывала ихъ сдѣланы не изъ непроницаемаго, а изъ самаго легкаго и прозрачнаго газа.

«Ноги ихъ обуты не въ древнія, простыя, желтаго цвѣта туфли, а въ странную и неудобную *франкскую* обувь; необходимо чтобы эти моды, оставляющія въ забвеніи старину,—были немедленно устранены. По повелѣнію е. в. султана министръ полиціи объявляетъ, что имъ приняты строжайшія мѣры къ тому, чтобы это *позорище* не оскорбляло взоровъ честныхъ людей.

«По этому случаю министръ полиціи опредѣлилъ секретныхъ агентовъ для спеціальнаго наблюденія надъ улицами и площадями. Если турчанка, одѣтая въ незаконный костюмъ, будетъ встрѣчена агентомъ, въ прогулкѣ или у входа въ магазинъ тканей, то агентъ освѣдомляется у ея слугъ, кто она и гдѣ живетъ; въ случаѣ, если какая либо дама выйдетъ одна, то агентъ обязанъ слѣдовать за нею до ея жилища и навести справки о ея имени.

«Министръ полиціи, увѣдомленный агентомъ объ имени, учинившей проступокъ, извѣщаетъ ея се-

мейство, прося его не выпускать болѣе виновную на улицу безъ обычнаго костюма.—Каждая дама, получившая первое предупрежденіе, при повтореніи проступка, присуждается къ штрафу».

Ясно, что если турецкія дамы будутъ продолжать носить модныя ботинки, то Аллахъ, независимо отъ своего добраго расположенія,—лишитъ побѣдъ баталльоны пророка.

XXIII.

Съ 1853—1877 годъ.

Въ теченіе 24-хъ лѣтъ виды Европы на Турцію очень измѣнились, и къ восточному вопросу уже не такъ относятся кабинеты.

Въ 1853 году Россія была предметомъ глухой ненависти, и большинство государствъ Европы относилось къ ней съ мало скрытою злобою. Западная пресса открыто обвиняла ее въ систематическомъ честолюбіи, съ которымъ она стремилась присвоить «наслѣдіе Востока» и тѣмъ нарушить общее равновѣсіе. Въ это время Франція и Англія готовились поддержать Порту, а Австрія занять Румынію, въ видахъ предосторожности.

Теперь совсѣмъ не то: Россія, за незначитель-

ными исключеніями,—обладаетъ симпатіями европейскихъ кабинетовъ, и на ея-же сторонѣ и общественное мнѣніе.—Прежде чѣмъ принять рѣшительный образъ дѣйствій, Россія озаботилась удостовѣриться въ нравственномъ содѣйствіи великихъ державъ, содѣйствіи, основанномъ на коллективныхъ актахъ, снабженныхъ оффиціальною подписью Европы.—Всѣ дипломатическіе документы за два послѣдніе года. нота Андраши, Берлинскій меморандумъ, постановленіе Константинопольской конференціи и Лондонскій протоколъ, явили, за исключеніемъ отказа С. Джемскаго кабинета по поводу меморандума, *полнѣйшее соглашеніе* касательно плачевности внутренняго состоянія имперіи Оттомановъ,—необходимости реформъ и гарантій въ ихъ осуществленіи.—Кабинеты заявили и продолжаютъ заявлять единодушіе въ достиженіи вышеупомянутыхъ цѣлей, хотя и не согласились въ отношеніи образа дѣйствій; о разногласіи этомъ надо пожалѣть; однако это не налагало на С.-Петербургскій кабинетъ обязанности быть въ бездѣйствіи, подобно прочимъ кабинетамъ.

Различіе настоящаго и былаго положенія вытекаетъ, какъ нельзя болѣе ясно, изъ текста обоихъ

протоколовъ, отъ 23 мая 1854 года и 31 марта 1877 года.

Вотъ содержаніе перваго:

«Присутствующіе: представители Австріи, Франціи, Великобританіи и Пруссіи.

«По зрѣломъ разсмотрѣніи конвенцій, заключенныхъ между Франціею и Англіею—съ одной стороны—и Австріею и Пруссіею—съ другой, 10 и 20 апрѣля текущаго года, уполномоченные, нижеподписавшіеся, единодушно свидѣтельствуютъ:

«Что нарушеніе цѣлости имперіи Оттомановъ занятіемъ части ея территоріи русскою арміей остается предметомъ неизмѣннаго соглашенія четырехъ державъ, что акты, приложенные къ настоящему протоколу, опредѣляютъ обязательство, принятое державами 9 апрѣля, обсудить и выбрать средства, способныя осуществить предметъ ихъ соглашенія, и освящаютъ твердыя намѣренія четырехъ державъ, представительницъ Вѣнской конференціи,—соединить всѣ ихъ усилія для осуществленія цѣли, составляющей основаніе ихъ соединенія.

Подписали: Шауенштейнъ,
Буркеней,
Вестмореландъ,
Арнимъ.—

На сколько Вѣнскій протоколъ былъ враждебенъ по смыслу русской политикѣ, на столько-же Лондонскій — ей благопріятствовалъ.

Times говоритъ объ огромномъ различіи настоящаго положенія Европы съ ея положеніемъ передъ Крымской кампаніей.

«Тогда, читаемъ мы въ этой газетѣ передъ объявленіемъ войны,—Австрія съ грознымъ протестомъ встрѣтила переходъ русскими войсками княжествъ, а Франція и Англія соединили свою судьбу съ судьбою Турціи.—Теперь-же Порта совершенно покинута своими старыми союзниками, которые предупредили ее, чтобы она и не думала разсчитывать на ихъ помощь. —Несомнѣнно, что интересы на защиту которыхъ поднялись въ Крымскую войну Англія и Франція, существуютъ и теперь, и моглибы сдѣлаться источникомъ грозныхъ столкновеній, если-бы кабинеты вѣрили въ способность Турціи къ преобразованіямъ и въ возможность для нея сдѣлаться прочнымъ цивилизованнымъ государствомъ. Западная Европа относится съ недовѣріемъ къ Россіи только по отношенію къ интересамъ, которымъ это государство можетъ угрожать и смотритъ, каковы-то намѣренія Россійской имперіи.

«Франція, Австрія и Англія могутъ сказать те-

перь только, что они не имѣютъ ни малѣйшаго интереса въ продолженіи анархіи, господствующей въ Болгаріи. *Пока Россія будетъ только руководиться желаніемъ положить предѣлъ этой анархіи и не перейдетъ границъ, въ которыхъ заключается осуществленіе этого желанія, ни одна изъ западныхъ державъ не будетъ имѣть серьезной причины къ опасеніямъ.* Обратиться къ русскому правительству съ совѣтами въ этомъ смыслѣ—вотъ все, что можно сдѣлать въ настоящее время, да пожалуй,—вспомнить слова, произнесенныя въ Ливадіи. Россія можетъ доказать, что она не питаетъ честолюбиваго намѣренія совершить территоріальныя пріобрѣтенія, и что удовольствуется лишь обезпеченіемъ благодѣтельной системы управленія для христіанскихъ подданныхъ Порты.—Европа успокоится, если русскій манифестъ, объявляя войну, торжественно повторитъ обѣщаніе, данное въ Ливадіи, немедленно очистить турецкую территорію, какъ скоро порядокъ и безопасность будутъ тамъ установлены».

Вотъ какъ изображалось въ 1867 году положеніе Европы передъ Крымской войной въ мемуарѣ Халиль-Шерифъ-Паши, нынѣшняго посланника въ Парижѣ:

«Въ 1853 году европейскіе кабинеты держались на сторожѣ между собою, и причины этого легко понятны; но какъ скоро намѣренія Россіи выяснились, почувствовалась необходимость сближенія; всѣ взаимныя притязанія были откинуты, при видѣ общаго врага, который, угрожая Константинополю, грозилъ Европѣ, ея независимости и цивилизаціи; тогда пошли на врага.

«Народъ въ этомъ случаѣ раздѣлялъ виды правительства. Во Франціи ниспровергнутыя партіи, хотя чувство неприязни было еще вполнѣ живо, энергично поддерживали императора Наполеона въ его политикѣ по отношенію къ Россіи: вопросы внутренней политики были отложены на второй планъ.—Цѣлая Франція заявила, черезъ своихъ знаменитыхъ писателей, чрезъ журналы всѣхъ направленій и тріумфами на поляхъ битвъ,—полнѣйшую необходимость не покинуть Турцію произволу Россіи. Англія не только проявила такое-же единодушіе, какъ и Франція, но заставила, кромѣ того, общественное мнѣніе согласиться съ словами одного изъ великихъ государственныхъ людей этой державы, сказавшаго:» Я противъ того, кто не возводитъ въ аксіому необходимость поддержки для Оттоманской имперіи».—Наконецъ, Австрія присоє-

диняя свое вліяніе къ дѣйствіямъ Англіи и Франціи противъ Россіи, представила тѣмъ основанія своего соглашенія съ публичнымъ мнѣніемъ и доставила удовлетвореніе чувству достоинства и независимости ея населенія. Что-же касается Италіи, то она подготовила дѣло своего національнаго искупленія, пославъ 15.000 своихъ дѣтей сражаться противъ Россіи.

«Франція, которая, для упроченія своей безсмертной славы, приняла въ 1854 году, инпціативу *наказанія* честолюбивыхъ замысловъ императора Николая, согласилась-ли-бы она уничтожить въ мгновеніе ока, въ пользу расширенія Россіи, свою вѣковую неизмѣнную политику и свои интересы, оставшіеся непреложными даже подъ вліяніемъ перемѣнъ въ цѣломъ мірѣ?»

Возвратимся теперь къ причинамъ измѣненія, совершившимся въ положеніи Европы.

Въ маѣ 1876 года анти-турецкое движеніе начало серьезно опредѣляться въ общественномъ мнѣніи цивилизованнаго міра.

6 мая начались жестокости въ Салоникахъ убіеніемъ Мулена, французскаго консула и Абботта, германскаго консула.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ убійствомъ,

болгарскою рѣзнею и многочисленными жестокостями, на всѣхъ концахъ Оттоманской имперіи, сопровождалось чувствомъ всеобщаго негодованія и вызвало движеніе, благопріятное человѣколюбивой политикѣ Россіи. Движеніе это, которому не были чужды и государственные люди, не осталось безъ вліянія на совмѣстныя рѣшенія великихъ державъ. Слѣдствіемъ этого было настоящее расположеніе народовъ Европы, хотя нѣкоторые умы преисполнены своекорыстнымъ недовѣріемъ, заглушающимъ голосъ человѣколюбія.—Тѣмъ не менѣе мы должны сознаться, что въ большинствѣ политическихъ сферъ расположеніе это *условно*; оно можетъ перейти въ противоположное чувство, какъ скоро обнаружится, что Царь стремится къ завоеваніемъ. Довѣряясь словамъ Александра II и его человѣколюбивымъ намѣреніямъ, кабинеты и націи континентальной Европы благосклоннымъ взоромъ слѣдятъ за шествіемъ русской арміи; они даже будутъ поощрять ея успѣхи до тѣхъ поръ, пока всеобщее равновѣсіе не будетъ угрожаемо. Стремятся къ улучшенію участи христіанъ, къ сверженію оттоманскаго ига, къ наказанію палачей несчастной райи, но не допустятъ увеличенія русскаго могущества до громадныхъ раз-

мѣровъ; вотъ, по нашему мнѣнію, истинная оцѣнка мнѣнія *континетальной* Европы.

Если мы дадимъ обзоръ различныхъ державъ, то мы замѣтимъ слѣдующія различія въ ихъ положеніи 1853 года и настоящемъ.

Въ 1853 году французское правительство заявляло Европѣ о «московитскомъ честолюбіи» и было готово, съ ружіемъ въ рукахъ, поддержать неприкосновенность Оттоманской имперіи, всецѣло въ интересахъ Англіи. Теперь-же Франція, сознавая необходимость измѣнить турецкій режимъ, даритъ Россію своими симпатіями и громко заявляетъ о своемъ нейтралитетѣ. Настоящее положеніе нашего государства ясно истолковано въ слѣдующемъ циркулярѣ, съ которымъ, 25 апрѣля 1877, герцогъ Деказъ обратился къ представителямъ Франціи за границею:

«Въ виду запутанности дѣлъ, представляемыхъ Востокомъ, я долженъ напомнить о нашемъ способѣ дѣйствій, которымъ мы старались предупредить такое положеніе, а равно и о нашей роли въ такихъ серьезныхъ затрудненіяхъ.

«Не стану слѣдить за всѣми перипетіями состязанія, бушующаго почти уже два года, вполнѣ не неустанно, и держащаго въ возбужденіи всѣ правительства.—Желая поддержать въ Европѣ благо-

дѣтельный миръ, мы честно способствовали всѣмъ усиліямъ для его сохраненія или возстановленія.

«Къ такому образу дѣйствій мы были побуждаемы правительствомъ Блистательной Порты, взывавшимъ къ державамъ, и С.-Петербурскимъ кабинетомъ, обращавшимся къ европейскому союзу по поводу вопросовъ, возникнувшихъ изъ успѣховъ возстанія на Балканскомъ полуостровѣ.

«Приставъ къ переговорамъ, ведшимся до настоящей минуты, мы сердечно желали содѣйствовать дѣлу, имѣвшему цѣлію примиреніе Порты съ ея христіанскими подданными и укрѣпленіе добраго согласія между державами.

«Затрудненія были многочисленны; но предвидѣвъ, что герцеговинское возстаніе, не будучи быстро укрощено, вновь разовьется и будетъ нарушать спокойствіе континентальной Европы, мы не должны были приходить въ уныніе и отчаяваться въ достиженіи цѣли, къ которой стремились всѣ правительства, именно поддержкѣ между ними союза.

«Какъ скоро, послѣ долгихъ преній, протоколъ 31 марта былъ подписанъ, кабинеты могли думать, что ихъ терпѣливыя усилія пришли къ концу.— Однако, мы, съ сожалѣніемъ, узнали, что совѣт-

ники султана отклонили его отъ этой мировой сдѣлки, устроявшей для Турціи почетное средство мирно прекратить затрудненія, окружавшія ее.

«На другой день Константинопольской конференціи, Порта объявила, что она по всѣмъ пунктамъ согласна съ мнѣніемъ европейскихъ уполномоченныхъ, заключеніемъ двухъ положеній. Въ циркулярѣ отъ 25 января 1877 она высказывала надежду, что разногласіе не будетъ имѣть послѣдствіемъ прекращеніе расположенія и благоволенія Европы и указывала, но не прямо, на возможность рѣшенія, уничтожающаго послѣднія препятствія ко всеобщему соглашенію.

«Лондонскій протоколъ, повидимому,—помогалъ осуществленію этого желанія, такъ какъ одобренный нами текстъ его возстановлялъ сущность просьбъ и совѣтовъ Европы въ отвѣтъ на декларацін турецкихъ делегатовъ на Константинопольской конференціи и на недавно утвержденныя султаномъ внутреннія мѣры.

«Несмотря ни на что, Турція шла въ разрѣзъ съ положеніями протокола подвинула впередъ крайнія мѣры и тѣмъ замкнула путь для дипломатическихъ дѣйствій, болѣе двухъ лѣтъ шедшихъ по извѣстному уже направленію.

«Послѣ стольких усилій—предотвратить печальную развязку, намъ ничего не остается, какъ подтвердить наше, вполнѣ опредѣленное намѣреніе остаться чуждыми этой запутанности въ положеніи дѣлъ.

«Благоволите заявить во всеуслышаніе слѣдующее: Франція въ своей политикѣ держится абсолютнаго нейтралитета, къ которому она будетъ относиться вполнѣ честно.

«Общее чувство страны и ея представителей,—отдаленность положенія и, наконецъ, свойство интересовъ, все требуетъ именно такого положенія, и мы выйдемъ изъ него только въ тотъ день, когда новыя событія позволятъ совмѣстному дѣйствію европейскихъ кабинетовъ подготовить и облегчить возвратъ къ миру.»

(подпись) Деказъ.

Безполезно заявлять, что этимъ циркуляромъ французское правительство возлагаетъ всю отвѣтственность за войну всецѣло на Порту.

По ту сторону Ла-Манша «старыя убѣжденія» сохранились, и мы должны признаться, что тамошнее расположеніе умовъ не слишкомъ отличается отъ того расположенія, которое существовало не

редъ началомъ турецко-русской войны 1853 года. Либеральная партія, предводимая Гладстономъ, прекрасно сражалась противъ «болгарскихъ жестокостей;» но объявленіе войны произвело перемѣну въ образѣ мнѣнія, и теперь враждебныя чувства къ Россіи стали всеобщими въ средѣ нашихъ прежнихъ союзниковъ. Что-же касается кабинета, то онъ вполнѣ признавалъ настоятельную необходимость реформъ, но всегда отклонялъ мѣры понужденія.—Не только вѣрно, что Англія не въ числѣ націй, сочувствующихъ великому предпріятію Царя, но мы вполнѣ убѣждены, что, еслибы Франція, какъ когда-то, заявила расположеніе вмѣшаться въ борьбу, правительство е. в. королевы Викторіи порвало бы съ Россіею всякія сношенія; все заставляетъ предвидѣть, что, въ случаѣ приближенія царскихъ войскъ къ стѣнамъ Константинополя, этого ключа къ Востоку, британская армія и флотъ не замедлятъ попытаться его защитить.

Въ 1853 году Пруссія играла очень неопредѣленную роль, но все-таки присоединилась къ подозрительной политикѣ, благодаря подстрекательствамъ Австріи. Теперь-же, по милости родственныхъ отношеній, связующихъ обоихъ государей, берлинскій кабинетъ поддерживаетъ русскую поли-

тику и можетъ считаться дѣятельнымъ союзникомъ С.-Петербургскаго кабинета. Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ Германія выказываетъ наиболѣе благорасположенія къ русскимъ успѣхамъ: чтобы ни случилось, съ ея стороны Царю нечего бояться.

Что сказать объ Австріи, объ этомъ *тѣлѣ съ тремя головами*, говорящемъ то тѣмъ, то другимъ ртомъ?.

Эти три головы имѣютъ противуположныя мысли и желанія, которую же слѣдуетъ слушать? Какая земля Австрія: нѣмецкая, венгерская или славянская? . Это покрыто тайною!

Положеніе этого государства никогда не было открыто и опредѣленно. Во время восточной войны оно занимало дунайскія княжества, чтобы наблюдать за Россіею и угрожать ей, Россіи, оказавшей ей огромную услугу въ 1849 году. Теперь она колеблется между противоположными требованіями мадьярскаго и славянскаго элементовъ; одни подданные подали бы охотно руку Россіи, тогда какъ другіе бурно заявляютъ свое сочувствіе къ Турціи. Лично, императоръ Францъ Іосифъ, не желалъ бы разрывать союза, связующаго три имперіи Сѣвера; но съ другой стороны, война предпринятая Рос-

сіею можетъ вызвать славянское движеніе, которое будетъ небезопасно для неприкосновенности его имперіи. Изъ этого слѣдуетъ, что одно изъ двухъ министерствъ Австро-Венгерской монархіи расположено поддерживать добрыя отношенія съ С.-Петербургскимъ кабинетомъ, пока успѣхи русской арміи не будутъ угрожать опасностію существованію имперіи Оттомановъ, тогда какъ другое, если бы ему предоставить свободу дѣйствій, не задумалось бы принять положеніе враждебное Россіи.

Остается Италія, молодая нація, ищущая пути и старающаяся пріобрѣсти расположеніе союзниковъ. Соединенное съ берлинскимъ кабинетомъ воспоминаніемъ объ услугѣ, оказанной въ 1866 году, и сходствомъ нѣкоторыхъ интересовъ въ дѣлѣ религіи, государство это прямо связано въ политикѣ съ С.-Петербургскимъ кабинетомъ. Италія объявила абсолютный нейтралитетъ; но если-бы настоящее несогласіе приняло болѣе обширные размѣры и если-бы военныя событія повели къ раздѣлу восточнаго наслѣдія. она устремилась бы къ довершенію своего единства и къ развитію своего морскаго могущества.—Мы не говорили о положеніи Италіи въ 1853 году потому, что она въ то время еще не существовала; Пьемонтъ, изъ котораго она развилась,

принималъ только слабое участіе въ восточной войнѣ и желалъ только пріобрѣсти голосъ въ европейскомъ концертѣ. Для этого маленькаго государства 1854 годъ былъ только прелюдіей 1859 года.

Если мы теперь займемся разсмотрѣніемъ положенія обѣихъ воюющихъ державъ въ 1853 и 1877 годахъ, то мы скоро прійдемъ къ тому заключенію, что успѣхъ одной находится въ прямомъ соотношеніи съ разстройствомъ другой.

Въ теченіи этой четверти столѣтія Россія шла быстро по пути матеріальнаго и умственнаго развитія, освободила крестьянъ, улучшила администрацію, умножила источники благосостоянія и возвела свою огромную армію на уровень требованій современной науки.

Напротивъ того, 24 послѣдніе года пошатнули въ самомъ основаніи имперію Оттомановъ. Къ общественнымъ безпорядкамъ присоединилось банкротство; излишество и мотовство сопровождалъ дефицитъ. Волненія сераля усилили анархію.—Правительственная власть—безъ обаянія, дворцовыя интриги, пустота государственной казны, всеобщая бѣдность и повсемѣстное господство жестокости и притѣсненія—вотъ картина, въ сжатомъ изложеніи, нынѣшняго положенія Турціи.

Вообще, во всѣхъ отношеніяхъ, такъ съ точки зрѣнія международныхъ отношеній, такъ и по нравственнымъ и матеріальнымъ рессурсамъ настоящее положеніе Россіи гораздо лучше, чѣмъ 1853 году. Въ предпринятой ею войнѣ всѣ шансы за нее.

XXIV.

Русская Пресса.

Со времени объявленія войны, русская пресса умѣла сохранить умѣренность рѣчи, что представляетъ контрастъ съ хвастливымъ чванствомъ Прессы оттоманской.

Такъ какъ въ сочиненіи этомъ мы задались цѣлію познакомить читателей съ мыслями и видами русской націи, то мы думаемъ, что не будетъ безполезно представить нѣкоторыя извлеченія изъ петербургскихъ и московскихъ журналовъ.

«Вмѣшательство и контроль надъ событіями въ Турціи, говоритъ Journal de saint Pètersbourg, составляютъ право и обязанность цивилизаціи—противъ

варварства; христіанства противъ исламизма; Европы - противъ Азіи и Африки; это—единственное средство преобладанія права и справедливости, единственной гарантіи мира и всеобщаго равновѣсія.

« Въ своемъ постепенномъ приближеніи къ пропасти Оттоманская имперія грозитъ поглотить милліоны христіанъ, и если иные, корча плачевныя мины, могутъ оставаться простыми зрителями подобнаго припадка сумашествія, то *это еще не составляетъ обязательнаго образа дѣйствія для цѣлаго міра*.—«Сумашествіе это, какъ говоритъ нѣмецкій поэтъ, «методично,» а предоставляя его самому—себѣ, Европа подвергается риску—видѣть его безпрестанное возобновленіе, даже усиленіе».

За нѣсколько дней до объявленія войны, *Московскія Вѣдомости* такимъ образомъ разсуждали о мотивахъ русскаго вмѣшательства:

«Дипломатія произнесла свое послѣднее слово. Оффиціальные органы С.-Петербурга не въ состояніи не признать того-же самаго. Порта все затоптала, все отвергла.—Впрочемъ, въ состояніи-ли она удовлетворить требованіямъ Европы? Не показываетъ-ли все, напротивъ того, что оттоманское правительство неспособно противиться долѣе стремленіямъ фанатизма?

«Первое засѣданіе турецкаго парламента показало, чего могутъ ожидать христіане отъ новыхъ постановленій, такъ громко провозглашенныхъ. Было-ли когда, чтобы Турція сама предприняла что нибудь благодѣтельное, справедливое и честное въ пользу христіанъ? Развѣ не безуміе расчитывать на это теперь, когда тѣ, кто былъ-бы долженъ господствовать въ государствѣ, являются рабскими исполнителями желаній толпы?»

Вотъ какъ они характеризуютъ народное движеніе, послужившее поощреніемъ къ войнѣ:

«У русскаго народа была *одна душа* въ христіанскомъ влеченіи, въ любви къ ближнему, въ состраданіи къ несчастнымъ, а это вызвало всѣхъ, отъ бѣдняка, до милліонера,—къ пожертвованіямъ, или излишкомъ, или послѣдней копейкой, даже сорочкой, чтобы помочь страдальцамъ и преслѣдуемымъ: женамъ, разлученнымъ съ мужьями, братьямъ—съ сестрами, сыновьямъ—съ матерями, и ихъ защитить....»

Не дѣлаютъ-ли эти чувства чести тѣмъ, кто ихъ выражаетъ.

Journal de saint Petersbourg писалъ:

«Императорскій манифестъ запечатлѣнъ чувствами человѣколюбія; чувства эти возвеличивали Царя во

время долгаго періода дипломатическихъ сношеній. Не по своей винѣ, для достиженія высокой цѣли, долженъ былъ онъ прибѣгнуть къ силѣ оружія, для защиты тѣхъ, участь которыхъ волнуетъ цѣлую Европу.

«Возстановить для несчастнаго населенія Балканскаго полуострова *права жизни* вотъ несомнѣнная заслуга, достойная монарха-освободителя. — Онъ восторжествуетъ, потому что въ немъ воплощены всѣ благородныя побужденія, ведущія народъ къ тріумфу и истинѣ.—Враги Россіи не хотятъ знать мысли ея августѣйшаго повелителя:—Они сочли за слабость то, что составляетъ истинную силу, медлящую заявить себя; это не болѣе, какъ умѣренность благоразумія и силы, умѣющихъ ждать».

«Императорскій манифестъ, пишетъ *Голосъ*, нѣтъ нужды растолковывать русскому народу.—Ничто не выражаетъ лучше мысль, чѣмъ выражено въ манифестѣ, не разъясняетъ рѣшенія, принятаго нашимъ Монархомъ, его священныхъ обязанностей, какъ въ отношеніи русскаго народа, такъ и цѣлой Европы и исторіи. При первыхъ словахъ манифеста всѣ Русскіе, будь они необразованные и неграмотные, были, готовы подняться, какъ одинъ человѣкъ

на помощь нашимъ храбрымъ солдатамъ и молятъ усердно Всевышняго объ успѣхѣ русскаго оружія.

Ранѣе 12/24 апрѣля *Русскій Міръ* опредѣлялъ цѣль, свойство и направленіе войны:

«Серьезное слово: въ походъ! было наконецъ, сказано россійскимъ войскамъ. Русскій Царь произнесъ это могучее слово передъ лицомъ арміи, Россіи и Европы, Слова эти найдутъ *восторженный отголосокъ* въ серцахъ всѣхъ Русскихъ, и цѣлый народъ, какъ единый человѣкъ, отзовется на славный призывъ своего великаго императора.

«Ни одно государство не начинало доселѣ войну съ такою чистою совѣстью и такимъ глубокимъ убѣжденіемъ въ справедливости задачи, какъ Россія въ настоящую минуту.—Борьба, предпринимаемая нами, нимало не походитъ на войны, обагрившія Европу: здѣсь дѣло идетъ не о простомъ международномъ несогласіи, не о сохраненіи равновѣсія, о соперничествѣ, или удовлетвореніи самолюбія и тщеславія, Россія вынула шпагу изъ ноженъ, движимая возвышенными чувствами человѣколюбія. Сильное чувствомъ долга, предписываемаго его исторіей, крѣпкое убѣжденіемъ своего единства и одушевляющимъ его чувствомъ преданности, государство наше приступаетъ теперь къ осуществленію

своего вѣковаго стремленія съ полнѣйшимъ спокойствіемъ».

Въ номерѣ отъ 25 апрѣля Journal de saint Petersbourg напоминаетъ долгій періодъ дипломатическихъ отношеній, предшествующій войнѣ:

«Два года дипломатическихъ отношеній показали, что турецкая нація, недостойная вступить въ составъ европейскихъ державъ,—не поняла обязанностей, созданныхъ правомъ вступленія въ ихъ число. Не придавая никакого значенія обѣщаніямъ и многократно высказаннымъ обязательствамъ, она стала думать, что продолженіе ея владычества было такою необходимостію для Европы, что всѣ условія, съ нимъ соединенныя, были ничтожными дополненіями, и что, подъ защитою гарантій, какъ слѣдствіи войны 1853-56 годовъ, дозволялось предаваться съ своеволіемъ угнетенію и лихоимству; ея азіатскіе инстинкты вовлекли ее въ пренебреженіе причинами долготерпѣнія, съ которымъ взирали на ея дѣянія; ей суждено было *погрузиться въ убѣжденіе*, что христіанская Европа—*слишкомъ разслаблена*, слишкомъ занята собственными матеріальными интересами, для того чтобы перейти отъ слова къ дѣлу; продолжительныя дипломатическія сношенія укрѣпили ее въ этомъ убѣжденіи, которое сдѣла-

лось несомнѣнною причиною уже извѣстныхъ дѣйствій и безнаказанности, которою пользовались виновники огромныхъ преступленій, совершавшихся, несмотря на совокупныя возраженія державъ».

Оффиціозная газета заявила, наконецъ,—предположеніе, что ходатайство Европы за христіанскій элементъ, могло показаться Турціи имѣющимъ мало значенія, такъ какъ оно подкрѣплялось только словами, а Востокъ подчиняется только дѣйствіямъ, свидѣтельствующимъ о превосходствѣ надъ нимъ. И вотъ почему, не смотря на толчекъ, участь христіанъ, вмѣсто улучшенія, въ эти два послѣдніе года, ухудшилась; вотъ почему, въ противность всѣмъ султанскимъ гатти, христіанское населеніе попрежнему подвержено всякимъ притѣсненіямъ фанатическаго народа, ревнующаго о своемъ владычествѣ».

Наконецъ, въ день перехода черезъ Прутъ Nord въ слѣдующихъ выраженіяхъ дѣлалъ оцѣнку рѣшенія Русскаго Царя:

«Манифестъ представляетъ логическое послѣдствіе словъ, произнесенныхъ 11 ноября. Оправданіе политики Россіи и законность предпринятыхъ ею дѣйствій ясно вытекаютъ изъ сопоставленія этихъ документовъ, а продолжительный промежутокъ, ихъ

раздѣляющій, есть поистинѣ лучшее доказательство стремленія русскаго правительства къ миру, чувствъ умѣренности и примиренія, внесенныхъ имъ въ сношенія, имѣющія цѣлію, при посредствѣ взаимнаго соглашенія европейскихъ кабинетовъ, привести къ разрѣшенію той задачи, которая должна быть рѣшена единоличнымъ дѣйствіемъ. Не Россія виновна въ томъ, что соглашеніе европейскихъ кабинетовъ не повело къ ожидаемымъ слѣдствіямъ. Россія дала продолжительную отсрочку для осуществленія полнаго согласія между кабинетами, его упроченія и для того, чтобы дѣло справедливости, восстановленіе котораго было необходимо совершить въ Турціи, было достигнуто умѣренностію, а осуществленіе этой надежды достигалось только путемъ коллективнаго давленія державъ.—Однако дипломатическія сношенія придали Турціи смѣлость и поощрили ее къ сопротивленію требованіямъ, предначертаннымъ Европою касательно соблюденія ея самыхъ существенныхъ интересовъ; этотъ отказъ удовлетворить самымъ законнымъ требованіямъ,—вотъ причина, сдѣлавшая войну неизбѣжною».

По нашему мнѣнію, искренняя мысль С. Петербургскаго кабинета и русскаго народа ясна изъ заявленій общественнаго мнѣнія, которое поразитель-

не представляетъ полное оправданіе поведенія правительства. По нашему убѣжденію, законность дѣйствій Русскихъ была-бы ясна для взоровъ всѣхъ, если-бы только эти взоры не были часто ослѣпляемы соображеніями. чуждыми восточному вопросу и нѣкоторыми эгоистическими вопросами, затемняющими правдивое сужденіе и искажающими истинное представленіе о международномъ правѣ.

XXV.

Что сдѣлать съ Турціею?

Въ этомъ заключается серьезный, трудно рѣшимый вопросъ, занимающій уже издавна всѣхъ государственныхъ мужей Европы.

Лучшіе, возвышеннѣйшіе умы признавали, уже съ начала XIX вѣка, несчетное число разъ, что Оттоманская имперія заключала въ себѣ зародыши смерти, что разрушеніе ея было неизбѣжно и что, въ видахъ благоразумія и осторожности,—слѣдовало впередъ обдумать средства, какъ ее замѣстить.

Князь Меттернихъ, будучи весьма расположенъ къ Портѣ, говорилъ въ 1828 году:

«Если-бы Турція имѣла мудрое и просвѣщенное

правительство: она *еще* могла бы, не смотря на ужасные признаки, избѣгнуть ожидающей ее судьбы; но ей не достичь этого безъ тягостныхъ жертвъ! Но развѣ можно отступать передъ жертвами, когда дѣло идетъ о жизни, или смерти? Я знаю и убѣжденъ положительно, что средства отклонить грозу и обезпечить существованіе имперіи—пока въ рукахъ султана; но я знаю также, что онъ ими не воспользуется: онъ не слушаетъ вовсе совѣтовъ; слѣдовательно, не совѣты, а катастрофы рѣшатъ участь его имперіи».

Можно подумать, что строки эти были писаны не далѣе, какъ вчера. Зловѣщее предсказаніе австрійскаго дипломата, можетъ быть, скоро осуществится.

Всѣхъ тѣхъ которые вѣрятъ, что зданіе Оттоманской имперіи, расшатанное и надтреснутое, можетъ быть возстановлено, отсылаемъ къ слѣдующимъ строкамъ, которыя мы находимъ въ *меморандумѣ*, съ которымъ, 7 марта 1828 года, лордъ, Дудлей обратился къ князю Ливену:

«Оттоманская имперія не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ другими странами, которыя, послѣ непріятельскаго нашествія, возвращаются снова къ своему внутреннему спокойному существованію и

къ политической жизни, какъ скоро врагъ удалился.

«Возвращеніе Турціи къ роли независимаго государства, послѣ того, какъ ее разобьютъ, возьмутъ столицу, возмутятъ провинціи,—дѣло превышающее человѣческія силы *Новый порядокъ вещей долженъ установиться въ этой странѣ.* Какой-же? Тщетно-бы стали теперь употреблять усилія догадаться, каковъ онъ будетъ».

Перспектива раздробленія Турціи не всегда страшила государственныхъ людей Англіи.

Веллингтонъ, послѣ подписанія Адріанопольскаго трактата,—писалъ:

«Несомнѣнно, что для вселенной было-бы лучше, если-бы мирный договоръ не былъ подписанъ, ранѣе чѣмъ Русскіе вошли въ Константинополь и добились распаденія имперіи. Дальнѣйшая роль европейскихъ державъ заключалась-бы тогда въ совѣщаніи и даже распрѣ, какъ распредѣлить обломки Оттоманской имперіи.—Нынѣ подобный споръ немыслимъ. Если-бы Франція съ Пруссіею стремились пріобрѣсти нашъ союзъ, для предупрежденія золъ, исходящихъ изъ договора, державы эти уже давно-бы сблизились съ нами.—Франція не шевельнется безъ Англіи и Австрія—безъ Пруссіи, а Пруссія ничего

не сдѣлаетъ, не будучи въ увѣренности, что это будетъ пріятно Россіи. Сущность нашихъ мѣръ должна заключаться въ пріобрѣтеніи обязательства или, покрайней мѣрѣ, соглашенія чистосердечнаго между пятью великими державами для того, чтобы, въ случаѣ распаденія Оттоманской имперіи, распредѣленіе территоріи, находившейся подъ ея владычествомъ, было обсуждено совмѣстно и опредѣлено пятью великими державами на особой конференціи».

Право, курьезно видѣть англичанина, такъ твердо опредѣляющаго свою роль въ событіи, которое, повидимому, равняется для нынѣшнихъ его соотечественниковъ страшной катастрофѣ.

Императоръ Николай и Веллингтонъ дѣйствовали вполнѣ разсудительно, приглашая европейскіе кабинеты къ соглашенію по поводу дѣйствительнаго раздѣла имперіи султановъ; къ несчастію совѣтамъ ихъ не послѣдовали; даже, по истеченіи полувѣка, первоначальныя основанія соглашенія все еще не были избраны и вопросъ вовсе не подвинулся впередъ.

Рѣшить его суждено только силѣ оружія.

Очень возможно, что настоящая война порѣшитъ съ оттоманскимъ владычествомъ, и для Европы—

важно размыслить о замѣщенія Балканскаго полуострова. Не слѣдуетъ допускать, чтобы «больной человѣкъ», о которомъ говорилъ Императоръ Николай I, — упалъ безжизненный на руки Европы, прежде чѣмъ эта послѣдняя подумаетъ о раздѣлѣ его наслѣдства и о наполненіи пустоты, которую онъ оставитъ за собою. Такъ какъ наслѣдство весьма легко можетъ открыться, то благоразумно предвидѣть это великое событіе и опредѣлить основанія, устрояющія дружественное соглашеніе между наслѣдниками.

Хотя рѣчь наша въ отношеніи Турокъ была и сурова, но мы не просимъ ихъ истребленія; мы даже не требуемъ ихъ изгнанія изъ Европы; вотъ наше искреннее желаніе, осуществленіе котораго мы считаемъ вполнѣ необходимымъ для безопасности христіанъ: сверженіе оттоманскаго владычества!

Пусть всѣ христіанскія народности, всѣ христіанскія расы Турціи забудутъ ихъ взаимныя несогласія и соперничество, чтобы сражаться противъ общаго врага, мусульманства, и чтобы уничтожить его власть въ Европѣ: это первое и необходимое дѣло. Какъ скоро это благодѣтельное дѣло будетъ совершено, народности эти и расы употребятъ старанія добиться соглашенія, или для раздѣла турец-

кой территоріи между великими державами, или для учрежденія нѣсколькихъ самостоятельныхъ государствъ на мѣстѣ Турціи.

Въ интересахъ европейскаго мира и независимости націй, мы полагаемъ, что это послѣднее рѣшеніе будетъ самое лучшее; заявленіе, что многіе умы на него разсчитываютъ не будетъ химеричнымъ.—Мы и не упоминаемъ о statu quo улучшенія, потому что, по нашему мнѣнію, всякое улучшенію турецкаго режима —невозможно.

Вотъ въ какомъ смыслѣ можно-бы составить договоръ, по разрушеніи Оттоманской имперіи, который-бы опредѣленно рѣшалъ восточный вопросъ:

1. Трактатъ 1856 года отмѣняется, за исключеніемъ параграфовъ, опредѣляющихъ настоящія границы Русской имперіи.

2. Турецкая территорія въ Европѣ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Эпиръ, Өессалія, островъ Критъ и острова Архипелага присоединяются къ Греческому королевству.

Болгарія, Боснія (со включеніемъ Герцеговины), Албанія и Румелія обращаются въ независимыя княжества, свободныя отъ всякихъ узъ вассальнаго отношенія къ султану.

3. Эти четыре княжества, а равно Румынія и

Сербія, поставляются подъ высокій протекторатъ Европы, гарантирующій ихъ независимость и ихъ нейтралитетъ.

4. Границы этихъ княжествъ опредѣляются европейскимъ конгрессомъ, который составляютъ представители шести великихъ державъ.

5. Державы даютъ обязательство снабдить каждое изъ этихъ княжествъ, по требованію владѣтельныхъ князей,—военными силами, достаточными для поддержки общественнаго порядка.

6. Въ случаѣ столкновенія между двумя расами, могущаго повлечь къ серьезнымъ безпорядкамъ въ государствахъ, создаваемыхъ настоящимъ трактатомъ, державы оставляютъ за собою право измѣнить границы княжествъ, или слить одно изъ нихъ съ другимъ.

7.—Константинополь дѣлается столицей княжества Румеліи.

8. Военныя и купеческія суда всѣхъ націй свободно проходятъ черезъ проливы Босфоръ и Дарданеллы.

9. Оттоманскій долгъ, по разверсткѣ, разлагается на населеніе Турціи въ Азіи, на Грецію и на четыре новыя княжества Болгарію, Боснію, Албанію и Румелію; мѣры обезпеченія правильнаго погаше-

нія и платежа процентовъ принимаются державами; недоимочныя деньги платятся княжествами только со дня договора.

10. Кавказцы, Черкессы и Курды изгоняются изъ Европы.

11. Турки могутъ обитать въ княжествахъ, но подъ непремѣннымъ условіемъ уважать законы страны, за несоблюденіе которыхъ каждое лицо, ихъ нарушившее,—изгоняется.. Тѣ лица, которыя не найдутъ покупщиковъ на ихъ недвижимыя имущества, могутъ уступить ихъ княжеству, которое заплатитъ ихъ стоимость, устанoвляемую мѣстнымъ трибуналомъ, заключеніемъ долговъ и процентовъ которые причтутся на долю владѣльцевъ.

12. Всѣ жители княжествъ пользуются одинаковыми гражданскими и политическими правами, безъ различія вѣроисповѣданія и національности.

Вотъ главные пункты, могущіе служить основаніемъ для новой организаціи.

По нашему мнѣнію, такое распредѣленіе охранитъ въ одинаковой степени и интересы Европы, и независимость христіанскихъ княжествъ, и права мусульманскаго населенія.

Синклэръ, членъ англійскаго парламента, писалъ недавно въ эдинбурской газетѣ Scotsman:

«Каково бы ни было рѣшеніе восточнаго вопроса: будутъ ли турецкія владѣнія въ Европѣ раздѣлены между славянами и греками, будетъ ли возстановлена Греческая имперія, будетъ-ли большая часть турецкой территоріи присвоена Россіей, будетъ ли Константинополь, какъ когда-то, Франкфуртъ и Гамбургъ, сдѣланъ вольнымъ городомъ, съ уничтоженіемъ укрѣпленій Дарданеллъ,—во всякомъ случаѣ мусульмане могутъ жить въ счастіи и благосостояніи подъ просвѣщеннымъ христіанскимъ правленіемъ, какъ и подъ господствомъ безсмысленной и постыдной тираніи.—Магометанское населеніе Турціи будетъ въ такомъ же хорошемъ положеніи, какъ магометанское населеніе Индіи, Алжира, Россіи или Китая, а недовольные христіанскимъ управленіемъ могутъ продать свою собственность, какъ это уже и было, при учрежденіи независимости Греціи: Греки согласились продать свои имущества Турціи, а Турки—Греціи.»

Намъ хорошо извѣстно, что новыя княжества, совмѣщая въ себѣ разнородные элементы, даже враждебные въ этнологическомъ и религіозномъ отношеніяхъ, могутъ сдѣлаться добычею внутреннихъ волненій и междуусобій; но, говоря по справедливости, какое-же государство имъ не подвержено?

Почему Болгарія не можетъ также хорошо устроить свое существованіе, какъ княжество Румынія? — Развѣ нѣтъ разнородности расъ въ государствѣ князя Карла Гогенцолерна? Несомнѣнно, можно такимъ образомъ организовать княжества, что верховная власть будетъ достаточно сильною для того, чтобы всѣмъ заявить свой авторитетъ и предупредить или подавить всякую попытку къ возмущенію. Пусть только Европа дастъ этимъ маленькимъ свободнымъ княжествамъ національное правленіе, разумное и честное; пусть она дастъ имъ свою поддержку въ матеріальныхъ затрудненіяхъ, и они не преминутъ основаться твердо.

Восточный вопросъ, будучи рѣшенъ такимъ образомъ, не былъ бы источникомъ рездора между державами.

Но мы должны сознаться, что такая комбинація можетъ быть не пригодна для Россіи, считающей себя наслѣдницей греческихъ императоровъ, употребившей столько усилій и принесшей столько жертвъ для освобожденія христіанъ. Въ такомъ случаѣ, если право побѣдителя признается, почему бы Императору не попытаться осуществить то, къ чему стремились государи, объ успѣхахъ которыхъ разсказываетъ исторія? Есть-ли такое государство

происхожденіе котораго не основывалось-бы на правѣ завоеванія, составляющемъ право сильнаго?

Чтобы ни случилось, но мы вполнѣ убѣждены, что христіанскія и даже мусульманскія народности Оттоманской имперіи были-бы въ выигрышѣ отъ этой перемѣны и восхваляли-бы справедливость и умѣренность русскаго правительства.—Подъ этимъ правительствомъ христіанамъ была-бы предоставлена полнѣйшая безопасность; они не страшились бы ни за жизнь, ни за цѣлость имущества, а это уже огромный успѣхъ! Что касается свободы совѣсти, то мы равно убѣждены, что Императоръ, пріобрѣтшій уже изумленіе вселенной, освобожденіемъ крестьянъ и другими либеральными реформами, не допустилъ-бы никакихъ преслѣдованій. Абсолютная религіозная свобода укрѣпила-бы непоколебимую привязанность его старыхъ и новыхъ подданныхъ.

Самостоятельныя княжества, воздвигнутыя на развалинахъ Оттоманской имперіи, были-ли бы въ состояніи долго сохранять свою независимость? Не осмѣливаемся этого утверждать, потому что, согласно естественному ходу вещей,—намъ кажется, что они потеряли-бы ее подъ конецъ.—Подъ вліяніемъ греческаго, австро-славянскаго, или русскаго дѣй-

ствія они пришли-бы къ уничтоженію. Въ этомъ случаѣ Молдо-Валахіи и Сербіи было-бы трудно предохранить себя отъ той-же участи, потому что Австрія и Россія, въ движеніи по былой территоріи Оттоманской имперіи,—не должны оставлять за собою маленькихъ самостоятельныхъ государствъ, могущихъ ихъ стѣснить и препятствовать свободѣ ихъ дѣйствій; и вотъ логическое слѣдствіе: присоединеніе Румыніи, напримѣръ,—къ Россіи,должно предшествовать присоединенію Болгаріи.

Дѣйствительное значеніе всего вышеписаннаго тѣмъ менѣе невѣроятно, что нашъ вѣкъ благопріятствуетъ созданію обширныхъ политическихъ единицъ; непобѣдимое стремленіе влечетъ великія государства къ еще большему увеличенію и къ образованію огромнѣйшихъ и обширнѣйшихъ государствъ.—Маленькія государства исчезаютъ, а большія расширяются: вотъ законъ, который, повидимому, фигурируетъ въ политическихъ дѣяніяхъ Европы.—Вотъ почему намъ кажется несомнѣннымъ, что, черезъ болѣе или менѣе долгій промежутокъ времени, Россія присоединитъ Румынію, Болгарію, Румелію и овладѣетъ Константинополемъ, выдержавъ, можетъ быть, страшную борьбу съ различными европейскими державами.

XXVI.

Заключеніе.

Такимъ образомъ, несмотря на краснорѣчіе и ловкость почтенныхъ защитниковъ, Journaldes Dèbats, Constitutionnel, Gazette d' Augs bourg, Gazette de Cologne, Morning Post, Daily Telegraph и проч. дѣло Турціи погибло, погибло невозвратно въ общественномъ мнѣніи.

Европейское мнѣніе не протестуетъ противъ нападенія Россіи; оно безучастно присутствуетъ при этой борьбѣ, давно предвидѣнной, борьбѣ двухъ религій, двухъ національностей, борьбѣ неумолимой, подготовленной двухсотлѣтней ненавистью, борьбѣ, въ которой одинъ изъ противниковъ долженъ погибнуть.

Начинается какъ-бы новый крестовый походъ, но на этотъ разъ вооружается не Западъ а Востокъ: сыны церкви греческой берутся за дѣло, которое не поддавалось осуществленію для церкви римской.—Не Людовикъ IX, а Константинъ XII будетъ отомщенъ.

Теперь Турки не такъ грозны для свободы Европы, какъ когда-то, во времена Магомета II и Солимана Великолѣпнаго, но въ теченіе пяти вѣковъ иго ихъ, иго кровавое, страшно тяготѣло надъ милліонами христіанъ, или вѣрнѣе,—надъ милліонами мучениковъ.—По этой причинѣ Россія, наслѣдница Греческой имперіи,—подняла мечъ мстителя надъ главами поклонниковъ пророка; быть можетъ ей суждена судьбою честь снова водрузить крестъ надъ соборомъ святой Софіи и возвратить христіанскому міру Константинополь и Іерусалимъ.

Турецкая раса представляетъ позорное пятно па картѣ Европы: время смыть это пятно!

Европейская цивилизація спѣшитъ охватить эту страну, въ которой опа когда то такъ блистала, именно со времени завоеванія Александромъ Македонскимъ до вторженія Турокъ.

Безъ сомнѣнія, объявленіе войны возбудило въ нашихъ сердцахъ чувство патріотизма: мы опасаем-

ся, чтобы Франція, помимо своего желанія, не примкнула послѣ къ борьбѣ; однако это не причина возлагать нареканія на Россію. Сердце Царя полно благоволенія къ намъ, и онъ желаетъ, чтобы мы были защищены отъ всякой опасности, и только, видя плачевную участь восточныхъ христіанъ, онъ не могъ отказаться отъ войны, которая была для него необходимостью и долгомъ.

Еще тогда, когда Порта отвергла Лондонскій протоколъ, война казалась неизбѣжной, и облако грусти разнеслось надъ Европою. Тогда часть общественнаго мнѣнія, испуганная возможными послѣдствіями русско-турецкаго столкновенія и уступая движенію необдуманности, не побоялась обвинить Россію въ нарушеніи европейскаго мира.

Оправданіе Россіи весьма легко.

Владычество Оттомановъ осуждено, такъ какъ оно не можетъ защитить ни имущества, ни жизни христіанъ. Отчего? Отъ нежеланія, или отъ безсилія?—Все равно! Оно должно погибнуть.

Съ другой стороны, Европа знаетъ, что, для исполненія реформъ и улучшенія участи христіанъ, дипломатическія средства ничтожны, какъ ничтожно и нравственное давленіе державъ; она знаетъ, что въ этой странѣ нельзя добиться никакихъ ре-

зультатовъ, безъ употребленія силы, но, по странному противорѣчію, *Европа, желая окончанія дѣла, не хочетъ средствъ.*

Россія придерживается болѣе логическаго образа дѣйствій и можно-ли обвинять ее въ нарушеніи европейскаго мира? Такимъ образомъ можно обвинять въ нарушеніи общественнаго спокойствія жандарма, влекущаго грабителя въ тюрьму, солдата, подавляющаго бунтъ, и исполнителя высшей власти, отсѣкающаго голову преступнику. Кто вызвалъ войну? Кто сдѣлалъ ее необходимой? Турція. А въ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ сѣтовать только на нее, и только это будетъ справедливо.

Несомнѣнно кровь въ Европѣ и Азіи польется изобильно; но, если этотъ древній *восточный вопросъ* будетъ рѣшенъ, развѣ не устранятся постоянныя причины треволненій и опасности для Европы? Кромѣ того, можно надѣяться, что, послѣ войны, христіанская кровь не будетъ болѣе литься, покрайней мѣрѣ,—въ Европѣ, и что звѣрства будутъ навсегда покончены.

Чтобы рельэфнѣе очертить политическое положеніе Россіи и причины вложившія мечъ въ ея руку, представимъ слѣдующій разговоръ Россіи съ Европою, приспособляясь къ сущности ихъ отношеній.

Россія.—Развѣ христіанская кровь не льется рѣкою въ теченіе столѣтій, развѣ райи пользуются какою либо безопасностію, развѣ существованіе ихъ не подвержено произволу ихъ смертельныхъ враговъ и развѣ положеніе ихъ терпимо?

Европа.—Вполнѣ вѣрно; это я признавала многократно путемъ оффиціальнымъ.

Россія.—Не думаете-ли вы, что турецкій режимъ можетъ измѣниться, улучшиться, сдѣлаться пригоднымъ для христіанъ?

Европа.—Долговременные опыты запрещаютъ мнѣ на это надѣяться.

Россія.—Довѣряете-ли вы разнымъ гатти, ираде, фирманамъ, конституціямъ, прокламаціямъ циркулярамъ и другимъ документамъ Блистательной Порты?

Европа.—Увы!

Россія.—Имѣете-ли вы въ виду какое либо мирное дипломатическое средство, нравственное, но *вѣрное*, улучшить участь христіанъ Балканскаго полуострова?

Европа.—Нѣтъ.

Россія.—Прилично-ли христіанской Европѣ выносить неопредѣленное продолженіе этого порядка

вещей, который Лондонскій протоколъ объявилъ «несовмѣстимымъ» съ ея интересами?

Европа.—Нѣтъ.

Россія.—Прійдя къ соглашенію касательно цѣли, какими средствами предполагаете вы ее достичь?

Европа.—Я подумаю объ этихъ средствахъ.

Россія.—Производя ежедневно громадныя затраты на военныя приготовленія, я желаю имѣть скорый отвѣтъ. Послѣ отказа отъ предложеній конференціи и отъ положеній Лондонскаго протокола, что намѣрены вы дѣлать?

Европа.—Ничего.

Россія.—Въ такомъ случаѣ я объявляю войну.

Приведенный діалогъ, не есть-ли точное резюме объясненій, ведшихся такъ долго между пятью великими державами и С.Петербургскимъ кабинетомъ?

Мы не имѣемъ притязаній на избраніе пятью великими державами того же образа дѣйствій, какого держится Россія; но онѣ обязаны признать, что Россія, истощивъ всѣ мирныя средства, въ объявленіи войны была послѣдовательна. Европа констатировала факты, а Россія вывела заключеніе.

Окончимъ слѣдующими строками, извлеченными изъ замѣчательнаго сочиненія, помѣщеннаго г-мъ Леруа Болье въ Revue des deux Mondes:

«Враждебныя отношенія начались; голосъ человѣколюбія заставляетъ желать, чтобы пролитая кровь не была безплодной для долины нижняго Дуная и для свободы христіанъ.—До сихъ поръ, нельзя отрицать, что всѣ усилія дипломатіи, такъ давно проявляемыя, были безсильны для того, чтобы развязать запутанную нить Восточнаго вопроса, но разрубить ее мечомъ она не умѣла.—Безъ помощи оружія ничего сноснаго невозможно сдѣлать на Востокѣ, но зато ни одна война не остается безъ результатовъ.—Крымская война подарила Европу учрежденіемъ независимости Румыніи, а Наваринская битва и походъ Русскихъ въ 1828 1829 году подарили ее освобожденіемъ Греціи, или лучше сказать, нѣкоторой ея части. Дай Богъ, чтобы настоящая война сдѣлала шагъ впередъ въ разрѣшеніи этого вѣчнаго Восточнаго вопроса, давъ автономію христіанскому народонаселенію! Это выгода цивилизаціи и залогъ будущаго спокойствія Европы. Пусть только война будетъ локализована, и освобожденіе балканскихъ христіанъ совершится, безъ ущерба независимости прочихъ, тогда Западъ, по возвращеніи мира,—радостно воскликнетъ: *въ Европѣ стало однимъ свободнымъ народомъ болѣе!*

Всѣмъ этимъ сочиненіемъ мы старались дать по-

нятіе объ истинной мысли русскаго народа. Нынѣ мысль эта, краснорѣчиво истолкованная различными органами, привела къ войнѣ, и пусть эта война говоритъ сама за себя.

Нѣкоторые называютъ Россію *колосомъ на глиняномъ пьедесталѣ*, колоссъ этотъ докажетъ имъ, что у него пьедесталъ *бронзовый*.—

XXVII.

Франція и Россія.

Насъ, быть можетъ,—обвинятъ въ пристрастномъ отношеніи къ Россіи, но упрекъ этотъ мы считаемъ мало основательнымъ, хотя и не отрицаемъ чувства живой симпатіи къ Россіи, но подтверждаемъ его и полагаемъ, что въ этомъ случаѣ мы истолкователи чувства довольно общаго въ средѣ Франціи.

Французы и Русскіе боролись между собою два или три раза, но безъ ненависти, безъ злобы; боролись по приказу, потому что такъ было нужно, не сознавая хорошо за что.—Со стороны Франціи войны съ Россіею, не были войнами національными, *но дѣломъ одного тщеславнаго или мечтатель-*

наго человѣка. — Династія Бонапартовъ привела насъ въ столкновеніе съ Русскими; первый изъ этой династіи стремился задавить соперника, а второй—пріобрѣсти союзъ съ Англіею; оба раза боролись, но безъ проявленія истиннаго національнаго чувства.—По прекращеніи этихъ двухъ войнъ, изъ которыхъ одна повергла Францію въ величайшія бѣдствія, а другая покрыла ее ложною славою,—между народами не сохранилось злопамятнаго чувства непріязни.—Въ своемъ сочиненіи, помѣщенномъ въ Journal Officiel, Карлъ Виго писалъ: «Война 1812 года не была войною расы; вѣрнѣе — Русскіе и Французы сражались, чтобы лучше узнать другъ друга.—Злоба не пережила борьбы, въ которой они столкнулись».

Тотъ-же писатель вотъ какъ выражается по поводу Крымской кампаніи:

«Французы и Русскіе сражаются такъ, какъ должны бы сражаться враги по обязанности. Ни съ той, ни съ другой стороны ничего не щадятъ для побѣды.—Страшная осада была ведена и выдержана съ неменьшею стойкостію и рѣшимостію.—Противники достойны другъ друга. Читая разсказы осажденныхъ, можно извлечь изъ этой эпической борьбы еще болѣе ужасное понятіе, чѣмъ по-

разсказамъ историковъ.—Севастополь— настоящій адъ. Это слово постоянно встрѣчается у разскащиковъ, тревожа умы читателей.

«Русскіе почти не скрываютъ своихъ чувствъ по отношенію къ Туркамъ, недостатокъ расположенія къ англичанамъ, но о Французахъ говорятъ безъ гнѣва; они, напротивъ того, возносятъ ихъ честность и великодушіе. Существуютъ разсказы плѣнниковъ, которые не могутъ нахвалиться пріемомъ, который они встрѣтили въ французскомъ лагерѣ, въ Тулонѣ и во всѣхъ городахъ Франціи, въ которыхъ они были размѣщены.—Вскорѣ они были обмѣнены на французскихъ плѣнныхъ; одно только повергло ихъ въ негодованіе, именно милостыня, которую хотѣлъ заставить ихъ принять императоръ Наполеонъ, когда они были, передъ отъѣздомъ, представлены ему.

«Французы и Русскіе походятъ другъ на друга беззаботностію и добродушіемъ передъ лишеніями и отвагою передъ опасностями. — Французскія войска играли комедію подъ стѣнами Севастополя.— Русскіе же за его стѣнами забавлялись, пуская бумажные змѣи, съ карикатурою Турка или зуава.— Прочтите эти строки, принадлежащія перу русскаго офицера:

«Тѣ, которымъ было мало дѣла, отыскивали непріятельскія пули, чтобы, расплавивъ ихъ, вновь употреблять въ дѣло.—Правительство платило рубль за килограмъ свинца. Вскорѣ составилась цѣлая толпа этихъ смѣлыхъ спекуляторовъ: здѣсь и тамъ были видны русскіе пѣхотинцы, въ большихъ сапогахъ, въ блинообразныхъ фуражкахъ и сѣрыхъ шинеляхъ, смѣло путешествующіе по рвамъ, собирая пули, которыми стрѣляли въ нихъ; они смѣялись и болтали также весело, какъ бы собирая картофель на грядахъ въ своей деревнѣ.—Часть этихъ собирателей пуль убѣдилась въ хладнокровіи и добродушіи Французовъ, остановившихъ ружейную стрѣльбу, чтобы встрѣтить смѣльчаковъ привѣтственными апплодисментами.

Имѣя въ такой степени сходныя свойства, не возможно питать чувства ненависти.—Какъ только военныя дѣйствія прекращались, чтобъ возобновиться на другой день,—между противниками начинались разговоры. Почти всѣ офицеры знали по французски и могли разговаривать съ нашими. — Солдаты переговаривались жестами, обмѣниваясь фляжками съ водкою; наши воины съ гримасами пили крѣпкій московскій напитокъ».

Войны 1812 и 1854 года не оставили за собою

такимъ образомъ, злобнаго воспоминанія и чувствъ ненависти. Русскіе знали только, что личная, единая воля толкнула Французовъ противъ нихъ.— Живя на двухъ разныхъ концахъ Европы, Французы не имѣли точки соприкосновенія и между ними трудно поселить распрю.

Донесся слухъ о рѣзнѣ 1876 года, и сердце Франціи содрогнулось и исполнилось ужаса; но въ томъ положеніи, въ какомъ она находится, вслѣдствіе несчастныхъ случайностей, ей невозможно устремиться на помощь угнетеннымъ, какъ она часто дѣлала,—и пролить свою кровь за справедливость.

Не говоря о многочисленныхъ заявленіяхъ прессы, мы находимъ оффиціальное свидѣтельство о чувствахъ Франціи, читая письмо герцога Деказа отъ 19 ноября 1876 года къ Бургуэню и Шодорди, уполномоченнымъ посламъ Франціи при константинопольскомъ дворѣ.

«Распря, разразившаяся между Турціею и христіанскимъ населеніемъ Балканскаго полуострова, писалъ онъ, родила массу вопросовъ религіозныхъ и правительственныхъ, самаго серьезнаго свойства и самаго высокаго значенія; страсти, возбужденныя этими вопросами, дадутъ роковой отголосокъ даже

за границами театра борьбы и, можетъ быть, подвергнуть риску существенные интересы державъ, сосѣднихъ Оттоманской имперіи.—Франція же считаетъ свой интересъ нарушеннымъ въ этомъ обширномъ затрудненіи только косвеннымъ образомъ. — Отдаленность географическаго положенія, какъ нельзя болѣе, благопріятствуетъ ея безпристрастію.

«Она не можетъ заявить себя нечувствительною къ бѣдствіямъ восточныхъ христіанъ; въ прошедшемъ, многократно представляла она имъ залоги своего ходатайства, и ея традиціонныя симпатіи устремлены къ улучшенію ихъ участи. Съ другой стороны, — сохраненіе мира составляетъ постоянную цѣль ея политики.

«Вѣрные этой двойной задачѣ, мы старались, на сколько отъ насъ зависѣло, поддерживать соглашеніе между державами, присоединяясь ко всѣмъ попыткамъ, которыя могли быть сдѣланы съ общаго согласія, для того чтобы доставить христіанскому населенію полуострова законное удовлетвореніе».

Герцогъ Деказъ давалъ, наконецъ, обоимъ уполномоченнымъ слѣдующія инструкціи, которыхъ они должны были придерживаться на Константинопольской конференціи:

«Они будутъ истолкователями желанія фран-

цузскаго правительства, освятить властію Европы положенія, могущія защитить христіанское населеніе Турціи противъ бѣдствій, которыя оно перестрадало и которыя всеобщее чувство объявило *невыносимыми*. Бѣдствія эти проистекаютъ изъ недостатковъ мѣстной администраціи и изъ неравенства въ ихъ обыденныхъ сношеніяхъ съ населеніемъ мусульманскимъ и, наконецъ, изъ полнѣйшей невозможности для нихъ добиться отмѣненія этой неравноправности путемъ законнымъ».

Итакъ, Франція заявила путемъ оффиціальнымъ, что бѣдствія, переносимыя христіанскимъ населеніемъ Турціи,—*невыносимы* и что *всеобщее чувство* объявляетъ ихъ таковыми.—А если бѣдствія эти невыносимы, то развѣ можно разумно обвинять Россію въ томъ, что она заявила желаніе прекратить ихъ единственнымъ дѣйствительнымъ, находящимся въ ея власти средствомъ?

По мнѣнію герцога Деказа, райи «находятся въ невозможности добиться отмѣны неравноправности путемъ законнымъ».—Это мнѣніе наилучшимъ образомъ оправдываетъ образъ дѣйствій Императора.

Министръ иностранныхъ дѣлъ нимало не скрывалъ трудность для уполномоченныхъ на конференціи заставить Порту принять «гарантіи, обезпечи-

вающія продолжительность и дѣйствительность реформъ».Онъ былъ отголоскомъ всеобщаго мнѣнія, говоря:

«Многочисленные опыты доказали, что самыя торжественныя обѣщанія Востока—не болѣе, какъ *мертвая буква*, что намѣренія самыя великодушныя остаются тамъ *безсильными*, что самыя желательныя улучшенія не удаются, благодаря мраку невѣжества и непреодолимымъ препятствіямъ».

Обѣщанія, остающіяся «мертвою буквою», «безсильныя» намѣренія; вотъ дѣйствительная характеристика исторіи Оттоманской имперіи нашего времени. Да кромѣ того, допуская «великодушныя намѣренія», Деказъ дипломатически приукрашаетъ дѣйствительность.

Государственный мужъ Франціи внушалъ своимъ агентамъ отдавать предпочтеніе тѣмъ постановленіямъ, которыя будутъ наиболѣе пригодными для «обезпеченія европейскаго мира и тѣмъ системамъ, которыя принимаютъ statu quo за основаніе новыхъ реформъ, и уважать политическую независимость и географическую неприкосновенность Турціи».

По поводу дѣятельныхъ мѣръ матеріальнаго понужденія министръ выражался такимъ образомъ:

«Мы не отстранимся отъ другихъ державъ, въ

случаѣ ихъ постановленія о необходимости мѣръ материальнаго понужденія и о своевременности дѣйствовать посредствомъ занятія войсками тѣхъ провинцій, о которыхъ идетъ рѣчь, или другихъ пунктовъ Оттоманской имперіи; но и не можемъ присоединиться къ мѣрамъ такого рода, не нарушая строгаго нейтралитета, который мы поставили себѣ въ законъ, и не рискуя быть увлеченными въ распрю, къ которой мы рѣшили относиться безучастно».—

Таковы главныя мѣста письма отъ 19 ноября 1876 года.

Сопоставляя съ этимъ письмомъ циркуляръ 25 апрѣля 1877 года, можно прійти къ тому заключенію, что французское правительство признавали страданія христіанъ и ничѣмъ не пренебрегло, для достиженія, посредствомъ своего вліянія, улучшенія ихъ участи.

Въ этомъ случаѣ правительство отражало мысль и высказывало желанія всего французскаго народа.

Всякій изъ насъ, носящій въ груди честное и исполненное христіанскаго чувства сердце, съ симпатическимъ участіемъ слѣдилъ за выраженіемъ русскаго общественнаго мнѣнія и желаетъ теперь горячо успѣховъ оружію Царя, что свергнетъ съ

Въ самый день объявленія войны, 12/24 апрѣля, газета France, дѣлаясь истолкователемъ общественнаго мнѣнія, говорила такимъ образомъ:

«Сегодня, 24 апрѣля 1877 года, Россія объявила войну Турціи.

«Русская армія идетъ на освобожденіе восточныхъ христіанъ, на борьбу съ ужаснымъ константинопольскимъ правительствомъ.

«Наше сочувствіе, наши самыя горячія желанія, все, въ этотъ торжественный мигъ,—за великую русскую націю».

Многіе другіе журналы выражали подобныя же чувства.

Наконецъ, 8 мая, г. Мартель, присутствуя въ палатѣ депутатовъ, слѣдующимъ образомъ заклеймилъ гнусную статью, появившуюся въ газетѣ Sentinelle de Nancy:

«Эта статья, говорилъ онъ, оскорбляетъ государя великой націи, *съ которою Франція поддерживаетъ и желаетъ сохранить самыя согласныя отношенія*».

Во Франціи восточный вопросъ и восточная война, владѣютъ всѣми умами, способными понять всю важность дѣла.—Мнѣніе раздѣляется на двѣ партіи: на руссофиловъ и туркофиловъ; но первая пар-

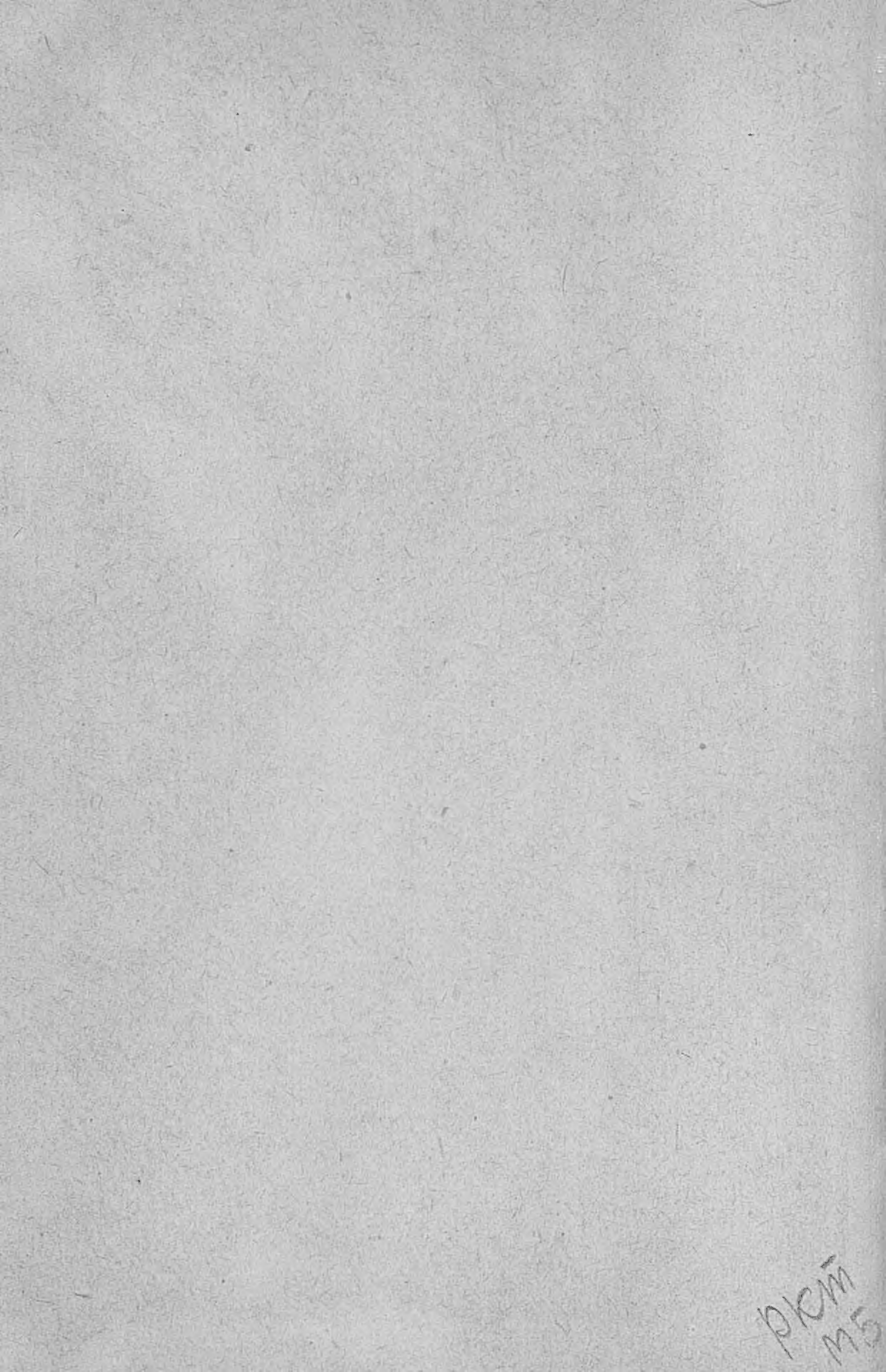
тія гораздо многочисленнѣе. — Въ ея средѣ всѣ великодушные люди, страдающіе страданіями христіанъ, т. е. тѣ, для которыхъ, согласно выраженію Теренція, «ничто человѣческое нечуждо.» Представители этой партіи понимають, что надо возстановить справедливость на Востокѣ и исполнить великую миссію.—Нѣкоторые между ними, менѣе опытные, надѣялись, что дипломатическія дѣйствія державъ послужать къ кореннымъ улучшеніямъ участи христіанъ.—Теперь всѣ ихъ иллюзіи разлетѣлись; они теперь понимають, что необходимо прибѣгнуть къ суровымъ средствамъ для ниспроверженія гнуснаго и неисправимаго владычества. — Въ этомъ великомъ дѣлѣ правосудія и освобожденія Россія,—утверждаемъ это безбоязненно,—владѣетъ симпатіями Франціи

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВЫ. *Стр.*

Цѣна 1 руб.

2007043045